

ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

2017

Том 9

№ 1

Калининград
Издательство
Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта
2017

БАЛТИЙСКИЙ
РЕГИОН
2017
Том 9
№ 1

Калининград :
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2017.
146 с.

Журнал основан
в 2009 году

Периодичность:
4 номера в год
на русском
и английском языках

Учредители:
Балтийский
федеральный
университет
им. Иммануила Канта

Санкт-Петербургский
государственный
университет

Редакция

Адрес: 236000, Россия,
Калининград,
ул. Зоологическая, 2

Выпускающий редактор:
Кузнецова
Татьяна Юрьевна
tikuznetsova@kantiana.ru
Тел/факс.: +7 4012 31-33-50
www.journals.kantiana.ru

Точка зрения авторов
может не совпадать
с позицией
учредителей

Редакционный совет

А.П. Клемешев, д-р полит. наук, проф., ректор БФУ им. И. Канта — сопредседатель (Россия); *К.К. Худoley*, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой европейских исследований факультета международных отношений СПбГУ — сопредседатель (Россия); *В.Г. Барановский*, д-р ист. наук, акад. РАН, проф., член дирекции ИМЭМО РАН (Россия); *Й. фон Браун*, директор Центра изучения развития, проф. Боннского университета (Германия); *К. Лохто*, проф., директор Пан-Европейского института высшей школы экономики, г. Турку (Финляндия); *В.А. Мау*, д-р экон. наук, проф., ректор РАНХиГС (Россия); *А.Ю. Мельвиль*, д-р филос. наук, проф., декан факультета социальных наук НИУ — ВШЭ (Россия); *Р.М. Нуреев*, д-р экон. наук, проф., проф. департамента прикладной экономики НИУ — ВШЭ (Россия); *А.О. Чубарьян*, проф., акад. РАН, научный руководитель Института всеобщей истории РАН (Россия).

Редакционная коллегия

Г.М. Федоров, д-р геогр. наук, проф., директор Института природопользования, территориального развития и градостроительства БФУ им. И. Канта — сопредседатель (Россия); *Н.В. Каледин*, канд. геогр. наук, доц., зав. каф. региональной политики и политической географии СПбГУ — сопредседатель (Россия); *И.М. Бусыгина*, д-р полит. наук, проф. кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД РФ (Россия); *В.В. Воронов*, д-р социол. наук, ведущий исследователь Института социальных исследований, Даугавпилсский университет (Латвия); *Т.Р. Гареев*, канд. экон. наук, доц., старший эксперт, Сколковский институт науки и технологий (Россия); *А.Г. Дружинин*, д-р геогр. наук, директор Северо-Кавказского научно-исследовательского института экономических и социальных проблем ЮФУ (Россия); *Ю.М. Зверев*, канд. геогр. наук, зав. кафедрой географии, природопользования и пространственного развития БФУ им. И. Канта (Россия); *М.В. Ильин*, д-р полит. наук, проф. кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД РФ (Россия); *В.А. Колосов*, д-р геогр. наук, проф., зав. лабораторией геополитических исследований Института географии РАН (Россия); *Ю.В. Косов*, д-р филос. наук, проф., зам. директора, зав. кафедрой международных отношений Северо-западного института управления РАНХиГС (Россия); *Г.В. Кретинин*, д-р ист. наук, проф., проф. кафедры истории БФУ им. И. Канта (Россия); *Н.М. Межевич*, д-р экон. наук, проф. кафедры европейских исследований факультета международных отношений СПбГУ (Россия); *Т. Пальмовский*, д-р географии, проф., зав. кафедрой географии регионального развития Гданьского университета (Польша); *Э. Спиряевас*, д-р географии, проф., директор Центра трансграничных исследований, Клайпедский университет (Литва); *А.Е. Шастинко*, д-р экон. наук, зав. кафедрой конкурентной и промышленной политики, МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия); *Д. Шиманска*, д-р географии, проф., зав. кафедрой урбанистики и регионального развития, Университет Николая Коперника в Торуне (Польша).

ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

BALTIJSKIJ REGION

2017

Volume 9

№ 1

Kaliningrad
Immanuel Kant Baltic Federal University Press
2017

BALTIJSKIJ
REGION
2017
Volume 9
№ 1

Kaliningrad :
I. Kant Baltic Federal
University Press, 2017.
146 p.

The journal
was established in 2009

Frequency:
4 issues
in the Russian and English
languages per year

Founders
Immanuel Kant Baltic
Federal University

Saint Petersburg
State University

Editorial Office

Address:
2, Zoologicheskaya str.,
Kaliningrad, Russia 236000

Executive secretary:
Tatyana Kuznetsova,
tikuznetsova@kantiana.ru
Tel/Fax.: +7 4012 31-33-50
www.journals.kantiana.ru

The opinions expressed
in the articles are private
opinions of the authors
and do not necessarily
reflect the views
of the founders
of the journal

© I. Kant Baltic Federal
University, 2017

Editorial council

Prof. *Andrei Klemeshev*, rector of the Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (co-chair); Prof. *Konstantin Khudolei*, head of the Department of European Studies, Faculty of International Relations, Saint Petersburg State University, Russia (co-chair); Prof. *Vladimir Baranovsky*, member of the Directorate of the Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences, Russia; Prof. Dr *Joachim von Braun*, director of the Center for Development Research (ZEF), Professor, University of Bonn, Germany; Prof. *Aleksander Chubaryan*, Research Director of the Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Russia; Dr *Kari Liuhto*, director of the Pan-European Institute, Turku, Finland; Prof. *Vladimir Mau*, rector of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia; Prof. *Andrei Melville*, dean of the Faculty of Social Sciences, National Research University — Higher School of Economics, Russia; Prof. *Rustem Nureev*, prof. of the Department of Applied Economics, National Research University — Higher School of Economics, Russia.

Editorial board

Prof. *Gennady Fedorov*, director of the Institute of Environmental Management, Territorial Development and Urban Construction, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (co-chair); Dr *Nikolai Kaledin*, head of the Department of Regional Policy & Political Geography, Saint Petersburg State University, Russia (co-chair); Prof. *Irina Busygina*, Department of Comparative Politics, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia; Prof. *Aleksander Druzhinin*, director of the North Caucasian Research Institute of Economic and Social Problems, Southern Federal University, Russia; Dr *Timur Gareev*, Senior Expert, Skolkovo Institute of Science and Technology, Russia; Prof. *Mikhail Ilyin*, Prof. of the Department of Comparative Politics, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia; Prof. *Vladimir Kolosov*, head of the Laboratory for Geopolitical Studies, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences; Prof. *Yuri Kosov*, head of the Department of International Relations, North-West Institute of Management Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia; Prof. *Gennady Kretinin*, Department of History, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Prof. *Nikolai Mezhevich*, Department of European Studies, Faculty of International Relations, Saint Petersburg State University, Russia; Prof. *Tadeusz Palmowski*, head of the Department of Regional Development, University of Gdansk, Poland; Prof. *Andrei Shastitko*, head of the Department of Competitive and Industrial Policy, Moscow State University, Russia; Prof. *Eduardas Spirajevas*, head of the Centre of Transborder Studies, Klaipeda University (Lithuania); Prof. *Daniela Szymańska*, head of the Department of Urban Studies and Regional Development, Nicolaus Copernicus University in Torun, Poland; Dr *Viktor Voronov*, Leading Research Fellow, Institute of Social Studies, Daugavpils University, Latvia; Dr *Yuri Zverev*, head of the Department of Geography, Environmental Management and Spatial Development, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

СОДЕРЖАНИЕ

Политология

- Бусыгина И. М., Климович С. А.* Коалиция внутри коалиции: страны Балтии в Евросоюзе 7
- Воловой В., Баторшина И. А.* Система безопасности в Балтийском регионе как проекция глобального противостояния России и США 27
- Ворожейна Я. А.* Механизм осуществления внешней политики современной Польши: политико-правовой анализ 44

Экономика

- Максимцев И. А., Межевич Н. М., Королева А. В.* Экономическое развитие государств Прибалтики и Северных стран: к вопросу о специфике экономических моделей 60

Демография

- Манаков А. Г., Суворков П. Э., Станайтис С. А.* Старение населения как социально-демографическая проблема Балтийского региона 79
- Мартынов В. Л., Сазонова И. Е.* Современные геодемографические проблемы Евросоюза и миграционный кризис 2010-х годов 96

Экономико-географические исследования

- Катровский А. П., Ковалев Ю. П., Мажар Л. Ю., Щербакова С. А.* Туризм в приграничных регионах: теоретические аспекты географического изучения 113
- Богданов В. Л., Рябов Ю. В., Бурлакова М. К.* Земельная политика и механизм управления земельными ресурсами в Эстонской Республике 127

CONTENTS

Political science

- Busygina I. M., Klimovich S. A.* A Coalition Within a Coalition: The Baltics in the European Union 7
- Volovoj V., Batorshina I. A.* Security in the Baltic region as a Projection of Global Confrontation between Russia and the USA 27
- Vorozheina Ya. A.* Poland's Foreign Policy Mechanisms: Legal Framework and Policy Analysis..... 44

Economics

- Maksimtsev I. A., Mezhevich N. M., Koroleva A. V.* Economic Development of the Baltic and Nordic Countries: Characteristics of Economic Models 60

Demography

- Manakov A. G., Suvorkov P. E., Stanaitis S.* Population Ageing as a Sociodemographic Problem in the Baltic Region 79
- Martynov V. L., Sazonova I. E.* Current Geodemographic Problems in the European Union and Migration Crisis of the 2010s 96

Economic geography

- Katrovsky A. P., Kovalev Yu. P., Mazhar L. Yu., Shcherbakova S. A.* Tourism in Border Regions: Theoretical Aspects of a Geographical Study 113
- Bogdanov V. L., Ryabov Yu. V., Burlakova M. K.* Land Use Policy and Land Management in Estonia..... 127

УДК 327

КОАЛИЦИЯ ВНУТРИ КОАЛИЦИИ: СТРАНЫ БАЛТИИ В ЕВРОСОЮЗЕ

И. М. Бусыгина*
С. А. Климович**

Рассматривается в целом проблематика малых стран, в частности их поведение в составе коалиций и склонности к фрирайдерству. Утверждается, что для реализации собственной повестки и увеличения значимости в больших объединениях малые страны склонны создавать «коалиции внутри коалиций», в то же время выступая в роли фрирайдеров, передавая издержки и политическую ответственность за принимаемые решения более крупным игрокам. Такая асимметричная стратегия позволяет малым странам обеспечить успешную реализацию своих интересов в больших альянсах и при этом экономить ресурсы. Наш аргумент мы проверяем на поведении малых государств Балтии внутри Европейского союза, показывая, что Литва, Латвия и Эстония сформировали устойчивую малую коалицию в ЕС и, кроме того, активно включились в создаваемые ad hoc коалиции по принятию решений в рамках Союза с участием крупных стран-лидеров. Такую стратегию страны Балтии использовали при решении вопроса о беженцах. При этом в других сферах эти государства пользуются преимуществами фрирайдерства.

* Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России 119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, 76

** Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20.

Поступила в редакцию 10.12.2016 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2017-1-1

© Бусыгина И. М., Климович С. А., 2017

Ключевые слова: малые страны, коалиции, фрирайдерство, страны Балтии, Европейский союз

Введение

Объединение ресурсов для решения общих проблем мотивирует государства к формированию коалиций, роль которых в мире постоянно растет. При этом особенно сильны стимулы к коалиционному взаимодействию у малых стран: они стремятся либо сформировать коалицию, либо присоединиться к

уже существующим, а в целом их поведение в составе коалиции (альянса) отличается от поведения крупных игроков, что проявляется, в частности, в их повышенных склонности и возможностях для фрирайдерства.

Однако, если мы имеем дело с коалицией, состоящей из многих стран-членов, отличия между которыми, а соответственно, и различия их интересов, чрезвычайно велики, можно предположить, что внутри такого альянса тоже будут формироваться коалиции — как непостоянные, сложившиеся для решения какого-либо определенного вопроса, так и более постоянные, институционализированные, выстроенные, в частности, странами, расположенными по соседству. В последнем случае малые государства, кооперируясь друг с другом либо с более крупным игроком, получают больше шансов для проведения выгодного им общего решения.

Таким образом, нашим центральным аргументом стал следующий: вступая в альянсы, малые государства получают двойную выгоду: от возможного фрирайдерства (что позволяет экономить ресурсы, но не влиять на результат, т. е. общее решение) и от формирования коалиций внутри альянсов (что позволяет повышать вероятность появления желаемого решения). Наш аргумент мы проверяем на поведении малых стран Балтии внутри Европейского союза.

Малые страны: открытость, уязвимость и фрирайдерство

Подъем академического интереса к малым государствам как особому исследовательскому объекту был обусловлен масштабными политическими процессами: в 70-е годы XX века это был процесс деколонизации, в 90-е — распад «социалистического лагеря» и расширение ЕС за счет малых стран Центральной и Восточной Европы [1—4]. Как утверждают Нойманн и Гштоль, в контексте международных отношений исследования малых государств могут быть релевантны при изучении характера их принципиально ограниченных возможностей (*capabilities*), институтов (*institutions*) и взаимоотношений между государствами (*relations between states*) [5]. Однако еще более интересен вопрос о том, какие стратегии используют малые страны для смягчения последствий своих структурных ограничений. Иными словами, речь идет о том, какие политики могут проводить эти страны для сокращения «последствий» малого размера и ограниченности ресурсов. Выясняется, что таких стратегий и политик немало. Так, малые страны могут взять курс на отказ от (взаимо)зависимости (т. е. «закрывать систему», реализуя стратегии автаркии и изоляционизма) или стремиться избежать усиления зависимости от внешнего мира, проводя селективную внешнюю политику (и тем самым экономя ресурсы) или же специализируясь в мировом разделении труда на определенной группе товаров, при этом расширяя круг торговых партнеров. Принципиально иной стратегией будет интеграция и активное участие в коалициях, в том числе полити-

ческих. Следует отметить, что специфические стратегии поведения малых стран относятся не только к внешней политике, но и к внутренней, где опции включают консоциативную демократию, федерализм и корпоратизм.

Малые государства принципиально отличаются от крупных. И дело не только в размере территории и масштабе их деятельности, утверждает Катценштайн; более важно то, что одним из основных мотивов, определяющих их действия, является чувство уязвимости — политической и экономической [6, р. 10—11]. Соответственно, политической стратегией малых государств будет большая (по сравнению с крупными государствами) либерализация и большая гибкость и способность к адаптации и более быстрый процесс обучения [6, р. 12]. Так, по мнению Катценштайна, именно способность к обучению и адаптации к быстро меняющемуся миру исключительно важны для понимания высоких темпов развития и уровня благосостояния малых европейских государств [6, р. 18]. В то же время (вынужденная) экономическая открытость и уязвимость в отношении к внешним вызовам как следствие контроля над относительно небольшими ресурсами повышают вероятность и масштаб потерь для малого государства по сравнению с крупным.

Следовательно, малые государства будут более склонны к формированию коалиций или вступлению в уже существующие; членство в альянсах потенциально должно позволить малым странам разделить бремя потерь между участниками коалиции и/или более успешно отвечать на внешние вызовы, действуя в группе. Иными словами, действуя в составе коалиции, малые страны получают больше шансов сформировать и реализовать успешную политику в отношении изменяющихся внешних условий и проводить решения, которые они были бы не в состоянии проводить, действуя независимо. Райтер считает главной объясняющей того, что малые государства вступают в альянсы с великими державами, индивидуальный опыт этих государств и утверждает, что «эффекты прошлого» и индивидуальный опыт играют более важную роль для малых государств по сравнению с крупными при выборе коалиции [7, р. 120].

Алезина и Сполаоре используют иные аргументы: они доказывают, что малый размер государства не только выгоден его гражданам, но и «естественен» в глобальном мире. Их центральный тезис состоит в том, что либерализация международной торговли и экономическая интеграция приводят к тому, что постепенно несостоятельным оказывается основное преимущество большого размера страны — большой внутренний рынок [8]. «В условиях свободной торговли, — пишут Алезина и Варшарг, — даже малая страна будет иметь большой рынок — весь мир» [9, р. 15]. Связь между экономическими границами (т. е. величиной рынка) и политическими исчезает, соответственно, сокращается «оптимальный» размер страны. Региональные, культурные, лингвистические группы могут пользоваться преимуществами политической независимости и не делить общую повестку, политики и институты с группами, чьи предпочтения принципиально отличаются ради доступа к более емкому внутреннему рынку [10].

Эта аргументация тем более верна для пространства Европейского союза, где экономическая интеграция не только намного опередила политическую, но и достигла беспрецедентной глубины. Тем не менее одно уточнение следует сделать. Предпосылкой вышеизложенной аргументации стал высокий уровень конкурентоспособности малой страны, который и дает ей возможность использовать преимущества экономической интеграции. Однако в том случае, если по уровню конкурентоспособности малая страна уступает тем государствам (крупным и малым), с которыми она взаимодействует на свободном рынке, ее издержки могут возрасти, а в стране могут (и будут) появляться новые группы проигравших — те, которые были защищены при прежнем уровне протекционизма и которые потеряли эту защиту при выходе страны на свободный рынок. Так, именно с такими группами проигравших и их сопротивлением столкнулись национальные элиты Балтийских стран после принятия решения о вступлении в Евросоюз и старта необходимых для этого реформ.

Исследователи сходятся в одном: по тем или иным причинам малые государства будут стремиться либо сформировать коалицию, либо присоединиться к уже существующим. При этом в целом их поведение в составе альянса будет отличаться от поведения крупных игроков, и, как можно предположить, одной из манифестаций этих отличий будет повышенная склонность малых государств к фрирайдерству.

В своей широкоизвестной работе «Подъем и падение наций» Мансур Олсон убедительно доказывает универсальную тенденцию к фрирайдерству [11]. Так, страны вступают в альянсы с целью объединения ресурсов для решения общих проблем. При этом, как доказывают Олсон и Зекхаузер, альянс предоставляет своим членам обязательные и неотъемлемые блага, за которые члены коалиции не должны конкурировать, поскольку блага получают все члены [12]. Однако расходы на поддержание этих благ, прежде всего безопасности, распределены неравномерно между членами альянса: крупные члены несут большие (по сравнению с малыми) расходы, например на оборону. Между тем чем меньше член альянса, тем меньше расходов он несет, становясь фрирайдером. Стимулы для фрирайдерства малых стран объясняются, в частности, тем, что «недопоставка» расходов малым членом альянса не окажет значимого эффекта на общую способность альянса к обороне, в то время как то же самое поведение крупного члена, тем более гегемона, будет гораздо более заметно. В литературе вопрос о фрирайдерстве малых государств наиболее хорошо проработан в отношении НАТО: жалобы относительно фрирайдерства европейских стран за счет США имеют почти столь же давнюю историю, как и сама эта организация [13].

Что касается фрирайдерства малых государств в Евросоюзе, то здесь мнения исследователей расходятся. Так, по утверждению Чалмерса, ЕС демонстрирует существенный «уклон» в сторону малых стран (*small-state bias*) в отношении общей политики безопасности, что, по сути, и означает их фрирайдерское поведение [14]. Иной точки зрения придерживаются Доруссен, Кирхнер и Шперлинг: они убедительно

доказывают, что в Евросоюзе риск фрирайдерства в сильной степени ассиметричен и варьируется в зависимости от сферы и/или политики. Там, где риск фрирайдерства высок, крупные страны-члены ЕС стоят перед выбором: они могут либо возложить издержки на группу крупных стран-членов, которые и будут в дальнейшем определять политику ЕС на этом направлении, или же крупные страны могут институционализировать сотрудничество таким образом, чтобы фрирайдерство малых членов было бы минимальным. Последнее возможно при так называемом разделении обязанностей между малыми и крупными странами-членами. К примеру, малые государства действуют в области поддержания порядка и защиты населения (если речь идет о внешних операциях ЕС), в то время как за крупными «закреплены» военные действия и силовое принуждение. Таким образом, фрирайдерство малых стран в ЕС, безусловно, возможно, однако не представляет собой серьезной проблемы, в частности для обеспечения общей безопасности [15]. Что же касается малых стран ЕС, расположенных по границам Союза, то возможное фрирайдерство оказывается им попросту невыгодным; более выгодной стратегией для них будет воздействие на формирование политики ЕС в отношении соседних с ними стран/регионов с целью сделать ее наиболее близкой их приоритетам [16, р. 67].

Следует отметить, что украинский кризис серьезно сократил стимулы для фрирайдерства у малых государств ЕС, особенно расположенных в непосредственной близости от России. Так, до 2014 года восточноевропейские государства-члены ЕС фактически были избавлены от необходимости вложений в собственную политику безопасности, полагаясь на гарантии со стороны НАТО и Евросоюза. Из трех Балтийских государств только Эстония делала относительно крупные инвестиции в военную сферу, правительства Латвии и Литвы считали внешние угрозы недостаточно серьезными для того, чтобы предпринимать значимые шаги на этом направлении [17]. Кризис привел к фундаментальному изменению ситуации: если раньше ситуация не только допускала, но способствовала фрирайдерству, обеспеченному членством в НАТО и ЕС, то сегодня прежнее «пренебрежение безопасностью» оборачивается возрастанием политических, экономических и военных издержек и расходов для малых стран ЕС [17, р. 7]. Кроме того, кризис вывел на поверхность дилемму малых стран, которую можно описать как «сопротивляться или примкнуть к победителю» (*balance-or-bandwagon dilemma*), которая традиционно обостряется для малых государств в период конфронтации между крупными державами [17, р. 2].

Коалиции внутри ЕС: выбор малых стран

Даже не будучи знакомым со спецификой функционирования Евросоюза, количество стран-членов в его составе и широта внешней и внутренней повестки дает возможность предположить, что внутри ЕС вероятно формирование коалиций (*intra-EU alliances*). Действительно,

мы знаем, что различие внешних географических приоритетов стран-членов ЕС ведет к тому, что «двигателем» многих внешних инициатив Евросоюза выступает одно государство, особенно заинтересованное в развитии отношений именно на этом направлении, при этом для достижения этой цели данная страна-член формирует коалицию с другими государствами. Так было при выдвижении Финляндией инициативы «Северное измерение» и создание ею коалиции, включающей Скандинавские страны ЕС и Германию, или польская инициатива, получившая впоследствии название «Восточное партнерство», когда Польша действовала в тандеме со Швецией. Многие исследователи согласны с тем, что самыми масштабными коалициями внутри Евросоюза до расширения 2004 года были «северная» и «южная», что способствовало появлению глубокого раскола между севером и югом ЕС относительно видения путей развития интеграционного процесса в Европе [18—22].

Строительство альянсов позволяет объединить ресурсы нескольких игроков и увеличить выгоды посредством проведения многосторонних переговоров и торгов для достижения общей позиции. Стимулом для такого строительства выступает общий интерес, при этом понятно, что со временем у какого-то игрока (или игроков) расчеты и восприятия своего интереса могут меняться, что ведет к реформатированию коалиции, изменению ее состава или распаду. Блавуко и Пагуталос показывают это на примере «Южного блока» (его еще иногда называют «Средиземноморским»), включающим Испанию, Грецию и Португалию [23]. Эти государства присоединились к ЕС почти одновременно, все после крушения прежней политической системы и строительства новой — демократической, причем членство в ЕС должно было выступать внешним фактором легитимации новой системы. Первоначальным намерением трех стран было создание стабильной коалиции внутри ЕС, однако с течением времени их интересы существенно разошлись и уровень внутренней сплоченности в коалиции значительно сократился. Впоследствии происходящее напоминало движение маятника: от расхождения к конкуренции, затем к согласию и коалиции и обратно. Торхаллссон подвергает сомнению существование стабильных коалиций внутри ЕС в принципе: на примерах принятия решений по Общей сельскохозяйственной политике ЕС (особенно важного направления для всех малых стран ЕС) и распределению средств Структурных фондов он доказывает, что за исключением стран Бенилюкс и германо-французского тандема стабильных коалиций в ЕС не существует [24]. Не подвергая сомнению вывод Торхаллссона, стоит, однако, отметить, что он основывается на анализе лишь двух направлений политики ЕС. Кроме того, за последние 15 лет количество стран-членов ЕС возросло почти в два раза — с пятнадцати до двадцати восьми.

Как пишет Клеменчич, коалиционное поведение стало неотъемлемой частью процесса принятия решений в ЕС [25]. Альянсы бесполезны при процедуре единогласного голосования, когда каждая страна-член ЕС имеет один голос в Совете и может заблокировать решение, то

есть является вето-игроком. Однако лишь около 30 % решений Совета принимаются по этой процедуре [26, р. 95]. Если же, как в большинстве случаев, решения Совета принимаются в соответствии с процедурой квалифицированного большинства, то предварительные договоренности и формирование коалиций имеют важное значение: посредством агрегирования голосов они позволяют странам-членам сформировать либо коалицию, блокирующую решение, либо же коалицию, достаточную для его принятия [27; 28]. Такие альянсы — это краткосрочные соглашения о сотрудничестве по определенному вопросу (*ad hoc coalitions*) и низким уровнем институционализации. Однако помимо краткосрочных коалиций, исследователи выделяют внутри Евросоюза более прочные коалиции, обладающие значительным уровнем институционализации, определенной структурой сотрудничества, высокой частотой взаимодействия и развитой системой внутренней координации [29]. Такие альянсы часто формируются на основе географической близости стран-членов, например Бенилюкс, Вышеградская группа, Северо-Балтийская коалиция. Обратим внимание на то, что все вышеперечисленные коалиции почти полностью сформированы малыми странами Евросоюза.

В отличие от крупных стран-членов ЕС, которые формируют свои приоритеты по всему списку повестки Союза, малые страны (в силу ограниченности ресурсов) концентрируют свои интересы внутри ЕС более направленно, т. е. по ограниченному кругу вопросов. Однако именно малый размер позволяет им четко обозначивать свои приоритеты и отстаивать их, проводя более гибкую политику по другим вопросам. Малые страны служат важной опорой Комиссии, «мотора» европейской интеграции, в то время как крупные страны-члены зачастую выступают против инициатив Комиссии [6, р. 25]. Кроме того, «сила» малых стран в ЕС существенным образом зависит от их способности формировать коалиции [29, р. 1] и в дальнейшем поддерживать их, находя компромиссы между участниками. Формируя и поддерживая коалиции, малые страны делают существенный шаг вперед в продвижении своих интересов: от выгод пассивного фрирайдерства к проактивной защите своих интересов в Евросоюзе.

Любопытные выводы делает Русе, исследуя природу Северо-Балтийской (Nordic-Baltic) институционализированной коалиции в ЕС. Становление и развитие этого альянса проходило в несколько стадий, коалиция первоначально «выросла» из сотрудничества государств Северной Европы. После присоединения трех Прибалтийских стран к Евросоюзу в 2004 году центр регионального сотрудничества переместился с севера Европы к Балтийскому морю, что было естественно, принимая во внимание геополитическую ситуацию в Европе после «большого расширения». С этого времени начинается тесное сотрудничество шести государств — Швеции, Финляндии, Дании, Эстонии, Латвии и Литвы при неформальном лидерстве Швеции. Формат этого сотрудничества стал известен как NB6. В отличие от Бенилюкс формат NB6 не предусматривал никакого формального соглашения между государ-

ствами и базировался скорее на «традиции консультироваться с партнерами» [29, р. 7]. Наиболее впечатляющим успехом Северо-Балтийской коалиции стало принятие Стратегии развития Балтийского моря (Baltic Sea strategy) как инициативы Евросоюза и одновременно новой модели макрорегиональной стратегии ЕС, направленной на координацию политик ЕС в регионе. Стратегия объединяет восемь стран-членов ЕС — Швецию, Финляндию, Данию, Эстонию, Латвию, Литву, Польшу и Германию (это сотрудничество получило название NB6+2), а также партнеров, расположенных вне ЕС, — Россию, Норвегию и Исландию [29, р. 11]. Положительное заключение Совета по Стратегии, пролоббированное коалицией NB6+2, показало ее эффективность и способность малых стран конвертировать свои интересы и предпочтения в реальную повестку Евросоюза [29, р. 12].

Страны Балтии в Европейском союзе

После принятия окончательного решения о государственном суверенитете и выхода из состава СССР перед странами Балтии (Литвой, Латвией и Эстонией) встал непростой выбор — определение вектора дальнейшего становления в качестве независимых и самостоятельных акторов международных отношений. Учитывая малый размер этих государств и их геополитическое положение, три стратегии внешней политики Балтийских стран были наиболее вероятны: а) сохранение нейтралитета и невступление в полноценные институциональные объединения ни на Западе, ни на Востоке; б) присоединение к западному блоку; в) участие в различных формах меж- и надгосударственного сотрудничества с Россией и другими постсоветскими странами.

Андрес Казекамп отмечает, что именно первая, так называемая финская, модель казалась наиболее очевидной для бывших Прибалтийских республик [30, р. 18]. Эта стратегия позволяла сравнительно небольшой Финляндии в годы холодной войны успешно сохранять на достойном уровне отношения со странами Запада и в то же время развивать экономические и культурные связи со своим крупнейшим соседом — Советским Союзом, в котором в том числе проживала значительная финская диаспора и родственные ей финно-угорские народности Карельской АССР. Однако Балтийские страны уже имели печальный опыт 1939—1940-х годов, когда их формальный нейтралитет в условиях противостояния между двумя системами — советской и германской — в результате договоренностей между противниками был погран еще до войны (контроль Германии над Мемелем и включение прибалтийских государств в состав СССР). А по итогам Второй мировой войны государственный суверенитет Литвы, Латвии и Эстонии и вовсе был ликвидирован посредством включения этих стран в состав Советского Союза. Подобный «эффект прошлого» во многом обусловил невозможность выбора Балтийских стран в пользу полноценного нейтралитета. Отсюда возникают дополнительные стимулы для выбора стратегии интеграции

в качестве внешнеполитической парадигмы указанных стран и их включения в коалицию — либо на Западе, либо на Востоке.

Одним из вариантов для будущей интеграции Литвы, Латвии и Эстонии в более крупное объединение могло стать дальнейшее развитие и интенсификация отношений с Россией. Позитивный фон для данной опции создавался за счет активных демократических преобразований в бывшей метрополии и общее для лидеров этих стран неприятие авторитарного советского строя. Этому же способствовали глубокие хозяйственные связи и экономическая взаимозависимость бывших союзных республик, доставшиеся в наследство от советской командно-административной экономики. Тем не менее в перспективе это сотрудничество могло бы привести к тому, что Андрис Озолинс называет зависимостью от одной страны (*unilateral dependence* [31]), при которой и экономика, и политика Литвы, Латвии и Эстонии оказались бы полностью завязаны на Россию. А накопленный за советский период негативный опыт такой зависимости от России постоянно подогревал недоверие и опасения со стороны Прибалтийских стран за свою безопасность и суверенитет в рамках потенциальной расширенной и глубокой кооперации с восточным соседом [32, р. 4].

Поэтому наиболее успешной стратегией для поддержания независимости стран Балтии становится вовлечение в максимальное число международных организаций и институциональных объединений, мощнейшим из которых стал Европейский союз. В этом случае потенциальная *unilateral dependence* заменяется на многостороннюю зависимость (*pluralistic dependence*) от ряда акторов, при которой ни один из них не выступает в роли гегемона, а значит, минимизируются риски для суверенитета этих стран [31]. Сомнения в правильности выбранного пути практически отпали к середине 1990-х годов, когда и Швеция, и «нейтральная» в прошлом Финляндия окончательно присоединились к ЕС. С этого момента интеграция Литвы, Латвии и Эстонии в западный мир и их вступление в Евросоюз становится лишь вопросом времени.

Собственно, именно в этот период складывается «балтийская идентичность», имеющая наднациональный характер. Примечательно, что в начале пути, учитывая разный уровень экономического развития и успешности проведения рыночных преобразований, Литва, Латвия и Эстония находились в состоянии «регаты» [30, р. 20]. Поскольку экономики этих стран шли на разных скоростях, уверенность в том, что они смогут одновременно и оперативнее вступить в ЕС, отсутствовала, а намерения ждать отстающих не возникало, каждая из них боролась за членство в ЕС своими силами. При этом Эстония, исторически близкая к Финляндии, скорее стремилась примкнуть к числу северных стран. Литва, напротив, наблюдая за значительным прогрессом центрально-европейских государств в вопросе вступления в НАТО, готова была причислить себя к ним.

Вместе с тем общее прошлое и сходство нового институционального дизайна политических систем [30, р. 23] стран Балтии возобладали над ситуативными различиями: все три страны одновременно завершили

ли переговоры о вступлении в ЕС в 2002 году, провели референдумы, заручившись поддержкой своих граждан, и 1 мая 2004 года стали полноправными членами Европейского союза. Взаимодействие Балтийских стран в рамках подготовки к членству в ЕС и их совместная интеграция в общеевропейские институты создали основу для формирования «балтийской идентичности» — устойчивой и в определенной степени институционализированной коалиции.

Будучи политическими и экономическими «карликами» в составе ЕС, страны Балтии с самого начала были вынуждены искать возможности для участия в коалициях внутри Союза, то и дело примыкая к его лидерам. Таким образом, они и постепенно увеличивали свой политический капитал в качестве надежного партнера для «локомотивов» Союза при принятии решений. В то же время такой подход позволял им успешно продвигать собственные региональные, в том числе и внешнеполитические, интересы. Так, страны Балтии активно выступали за дальнейшее расширение ЕС, за политику ассоциации с другими постсоветскими странами, что открывало для них новые возможности для реализации собственного экономического потенциала и наращивания «политического веса» во взаимоотношениях с соседями. Вступая в коалиции по этим вопросам, Литва, Латвия и Эстония поддерживали большинство с участием Германии в противовес некоторым старым западноевропейским членам ЕС, еще более активно демонстрируя свою лояльность. С момента вступления в Европейский союз Балтийские страны лишь единожды использовали право вето, т.е. отказались от участия в коалиции большинства, когда они заблокировали переговоры по новому Соглашению о партнерстве и сотрудничестве России и ЕС в 2008 году [30, р. 30; 33, р. 139].

Пример утверждения малых государств Балтии (Литвы, Латвии и Эстонии) в институтах ЕС показывает, что наиболее успешной стратегией защиты интересов малой страны в крупных надгосударственных объединениях становится сочетание двух важнейших составляющих:

1) создание и поддержание устойчивой и внутренне когерентной коалиции со своими соседями (такими же малыми странами), т.е. в нашем случае — той самой «балтийской идентичности», трансформирующейся в реальные согласованные решения всех трех участников этой коалиции в отношении внешних вызовов. При этом хорошим основанием для такого альянса выступает общность (особенно географически обусловленных) интересов;

2) проактивное участие этой коалиции в потенциальных *ad hoc* альянсах, формирующихся с участием стран-лидеров Евросоюза в процессе подготовки решений и в преддверии голосования по определенным вопросам. Это позволяет малым странам одновременно закрепиться в статусе надежного партнера для крупных государств и зачастую обеспечить включение собственных положений в общую повестку коалиции победителей.

Подобная стратегия выживания малых стран в ЕС наиболее показательна в кризисных ситуациях, когда достижение договоренностей значительно затруднено, выгоды от участия в коалиции неочевидны, а риски, напротив, велики. Именно такой ситуацией для стран Балтии стала разработка и принятие Европейским советом решения по размещению беженцев в Европе в 2015 году. За время дискуссий позиция Литвы, Латвии и Эстонии претерпела серьезные изменения, но в конечном счете эти страны присоединились к *ad hoc* коалиции большинства, синхронно проголосовав за введение системы квот на размещение беженцев в странах ЕС, тем самым подтвердив свою приверженность вышеописанной стратегии «двойной» коалиции.

Проблема беженцев: коалиционный ответ Прибалтийских стран

Иммиграционная политика стран Балтии с момента основания (или восстановления) их суверенной государственности в начале 1990-х годов была достаточно жесткой. Отчасти это было вызвано тем, что на их территории проживало большое количество этнически русских и других представителей бывших союзных республик, которые болезненно воспринимали как сам распад Советского Союза, так и образование независимых государств в Прибалтике. Тот факт, что юридически правительства Литвы, Латвии и Эстонии объявили свои страны правопреемниками самих себя образца 1940 года, т. е. до момента вступления в состав СССР, позволил им избирательно подойти к решению вопроса о предоставлении гражданства отдельным категориям населения. Так, Латвия и Эстония, в которых проживали значительные нелатвийские и неэстонские меньшинства, сформировали так называемое эксклюзивное право о гражданстве, которое не предполагало автоматического признания гражданами все проживающее на их территории население [34, р. 333]. Отсюда образовался феномен «неграждан» — советских переселенцев и их потомков, приехавших на территорию этих двух стран после 1940 года и в итоге не получивших латвийские и эстонские паспорта. Литва же, в которой на момент распада Союза проживало не так много представителей национальных меньшинств, напротив, предпочла инклюзивное право о гражданстве, наделив этим статусом все население [34].

Эти базовые установки трех стран в вопросах гражданства сыграли значимую роль в будущем становлении и развитии их миграционного законодательства. При этом политика Балтийских государств в отношении мигрантов и беженцев со временем становилась все более закрытой и эксклюзивной, а какая-либо координация в области миграции между Литвой, Латвией и Эстонией фактически отсутствовала [34, р. 333—336]. Ситуация стала меняться со вступлением этих стран в Европейский союз, когда они перешли от нескоординированной национальной миграционной политики к большей координации и унифика-

ции этой сферы в рамках общих институтов ЕС [35, р. 75, 82]. Однако статистика показывает, что несмотря на приложенные усилия, страны Балтии до последнего времени по-прежнему оставались самыми закрытыми странами ЕС в вопросе принятия беженцев: в 2014 году Литва предоставила статус беженцев только 75 подавшим заявления, Латвия — 25, а Эстония — 20 [36].

Когда по итогам первого полугодия 2015 года количество официально зарегистрированных беженцев в Европе составило более полу-миллиона человек [37] (почти столько же, сколько за весь 2014 год), странами ЕС при активном участии Германии и Франции стала разрабатываться коллективная и солидарная программа по разрешению кризисной ситуации. В качестве основного метода справедливого распределения беженцев между странами-членами Евросоюза был предложен метод обязательных квот, который предполагает, что каждая страна должна принять такое количество беженцев, которое будет пропорционально ее населению, объему ВВП, уровню безработицы и количеству поданных заявок на получение статуса беженца в прошлые периоды [38].

Это предложение вызвало резко негативную реакцию со стороны некоторых стран-членов ЕС, особенно среди Вышеградской группы, участники которой намеревались провалить решение¹ по расселению дополнительных 120 тыс. беженцев в соответствии с обозначенными выше квотами [39, р. 51—52]. Примечательно, что страны Балтии ранее в 2015 году уже приняли решение о добровольном размещении у себя некоторого количества беженцев (325 — в Литве, 250 — в Латвии и 200 — в Эстонии) [36]. Таким образом, Балтийские государства продемонстрировали приверженность общим принципам ЕС и проявили солидарность с тем странами ЕС, которые испытали наибольший наплыв беженцев. Однако они выступали против [40] обязательного распределения по квотам и увеличения количества расселяемых беженцев на 120 тыс. человек, в результате чего их добрая воля превратилась бы в обязанность, а нагрузка (число распределяемых) существенно возросла.

Следует отметить, что незадолго до голосования по данному вопросу устойчивая балтийская коалиция не могла сформировать единую повестку — поддержать коалицию вокруг Германии и Франции, выступающих за данное решение, или, напротив, объединиться со странами Вышеградской группы и попытаться его заблокировать. Более того, руководство Литвы, Латвии и Эстонии в вопросе о беженцах оказалось перед еще одной из принципиальных дилемм [41, р. 113—114] Европейского союза — соотношением между выполнением обязательств перед Союзом и обеспечением поддержки со стороны населения. Внутри стран Балтии не было единства: происходили массовые гражданские антииммигрантские выступления, правые партии и националисты в оп-

¹ Это решение активно лоббировал Председатель Европейской комиссии Жан-Клод Юнкер.

позиции, а иногда и представители правительств этих стран высказывались против принятия квотной системы [42]. Одним из немногих политиков, требующих больше солидарности и поддерживающих «политику открытых дверей» канцлера ФРГ Ангелы Меркель в то время был президент Эстонии Тоомас Ильвес [38].

Окончательное решение о распределении дополнительных 120 тыс. беженцев должно было быть принято Европейским советом после его одобрения Советом министров внутренних дел и юстиции 22—23 сентября 2015 года. В итоге это решение было принято с большим трудом — квалифицированным большинством, при этом Финляндия воздержалась, а Венгрия, Чехия, Словакия и Румыния высказались «против» [39, р. 53] страны Балтии солидарно проголосовали «за», и в рамках новой квотной системы количество беженцев для Латвии, Эстонии и Литвы составило 526, 738 и 780 соответственно.

Несмотря на собственный многолетний опыт эксклюзивной и закрытой миграционной политики, вопреки серьезным разногласиям между партиями в парламентах и значительным риском потери популярности действующих правительств в глазах собственного населения, страны Балтии подтвердили приверженность стратегии «двойной» коалиции и сообща примкнули к побеждающей *ad hoc* коалиции, в которой их ближайшие крупные страны-партнеры выступали в качестве лидеров. Это решение в целом укладывается в логику поддержания образа надежного союзника, однако в его пользу выступают еще два весомых аргумента.

Во-первых, как пишут Веебель и Маркус, количество беженцев, приезжающих в страны Балтии, и его соотношение с численностью населения этих стран далеки от критических, а угрозы, связанные с этим вопросом, серьезным образом переоценены [43, р. 258]. Во-вторых, решение об обязательной квоте на беженцев, выданной Литве, Латвии и Эстонии, совершенно не означает, что эта квота будет выбрана. В отношении периферийных малых стран квотная система, введенная в 2015 году, оставляет большое пространство для фрирайдерства: с одной стороны, беженцы не желают отправляться в страны, где, как им кажется, условия их существования будут плохими, а уровень жизни низким [44]; с другой — даже разместившись в таких странах, как Прибалтийские, беженцы рассматривают их как перевалочный пункт, а затем отправляются в более благополучные, по их мнению, Германию или Швецию [45].

Таким образом, решение, которое поначалу представляется совершенно не выигрышным для Балтийских государств, на практике демонстрирует состоятельность коалиционной стратегии выживания малых стран в больших наднациональных объединениях, а фрирайдерский потенциал принимаемых таким объединением общих для всех решений позволяет им в значительной степени нивелировать возможные негативные последствия от его применения. При этом в таких ситуациях, как рассматриваемый нами кризис 2015 года, именно размер и геогра-

фическое положение малых стран становятся их ключевым преимуществом.

Заключение

Исследования показывают, что малые страны активно встраиваются в альянсы, формируемые более значимыми акторами международных отношений. Однако в целях проведения собственной повестки и увеличения своей значимости в таких больших объединениях они также склонны создавать «коалиции внутри коалиций» с участием стран со схожими интересами (во многом обусловленными общей географией), которые могут отличаться степенью институционализации и устойчивости. При этом малые страны в коалициях зачастую выступают в роли фрирайдеров, передавая издержки и политическую ответственность за принимаемые решения более крупным игрокам. Такая стратегия позволяет малым государствам обеспечить успешную реализацию своих интересов в больших альянсах и при этом экономить ресурсы.

Из всех опций, появившихся у малых государств Балтии с восстановлением независимости, именно интеграция в Европейский союз стала основным внешнеполитическим приоритетом в 1990-е годы. Присоединившись к ведущему политико-экономическому объединению на континенте и включившись в общеевропейские институты, Литва, Латвия и Эстония сформировали устойчивую малую коалицию и стали сообща реагировать на внешние и внутренние вызовы для ЕС. Более того, эти страны активно включались в создаваемые *ad hoc* коалиции по принятию решений в рамках Союза с участием крупных стран-лидеров.

Показательным стало то, что даже при принятии решений с неочевидной выгодой и высокими потенциальными рисками, как в случае с введением квотной системы распределения беженцев между странами-членами ЕС в 2015 году, малые страны Балтии продолжили действовать в логике «двойной» коалиции. Они вместе поддержали позицию внутриевропейской коалиции, выступавшей за солидарное решение этой кризисной ситуации посредством обязательного размещения беженцев на основе квот. Хотя такое решение вызвало серьезные дебаты внутри Балтийских стран и противоречило их миграционной политике, основанной на закрытости и эксклюзивности, его принятие, с одной стороны, упрочило их положение в глазах более крупных партнеров в ЕС, а с другой (как бы парадоксально это не звучало) — создало возможности для фрирайдерского поведения и минимизации реальных издержек от проявления общеевропейской солидарности.

Список литературы

1. *Dosenrode-Lynge S.Z. von.* Westeuropäische Kleinstaaten in der EG und EPZ. Chur ; Zürich: Rüegger, 1993.
2. *Small States Inside and Outside the European Union: Interests and Policies /* ed. L. Goetschel. Boston, 1998.
3. *Kirt R., Waschkuhn A.* Was ist und zu welchem Zweck betreibt man Kleinstaaten Forschung? Ein Plädoyer für die wissenschaftliche Beschäftigung mit klei-

nen Nationen // Kleinstaaten-Kontinent Europa: Probleme und Perspektiven / eds. R. Kirt, A. Waschkuhn. Baden-Baden, 2001. P. 23—46.

4. *Thorhallsson B.* The Role of Small States in the European Union. Aldershot, 2000.

5. *Neumann I. B., Gstöhl S.* Lilliputians in Gulliver's World? Small States in International Relations. Iceland; University of Iceland // Working Paper. 2004. № 1.

6. *Katzenstein P. J.* Small States and Small States Revisited // *New Political Economy*. 2003. Vol. 8, № 1. P. 9—30.

7. *Reiter D.* Crucible of Beliefs: Learning, Alliances and World Wars. N. Y., 1996.

8. *Alesina A., Spolaore F.* On number and size of nations // *Quarterly Journal of Economics*. 1997. Vol. 112, № 4. P. 1027—1056.

9. *Alesina A., Warsziarg R.* Is Europe going too far? // *Carnegie-Rochester Conference Series on Public Policy*. 1999. № 51. P. 1—42.

10. *Alesina A., Spolaore F., Warsziarg R.* Economic integration and political disintegration // *NBER Working Papers*. 1997. № 6163. URL: http://www.anderson.ucla.edu/faculty_pages/romain.wacziarg/downloads/separatism.pdf (дата обращения: 11.03.2016).

11. *Olson M.* The rise and decline of nations: Economic growth, stagflation and social rigidities. New Haven, 1982.

12. *Olson M., Zeckhauser R.* An economic theory of alliances // *Review of Economic Statistics*. 1966. № 48(3). P. 266—279.

13. *Pluemper T., Neumayer E.* Free-riding in alliances: Testing an old theory with a new method // *Conflict Management and Peace Science*. 2015. Vol. 32, № 3. P. 247—268.

14. *Chalmers M.* Sharing Security. The Political Economy of Burden-sharing. Macmillan, 2000.

15. *Han D., Kirchner E., Sperling J.* Sharing the Burden of Collective Security in the European Union // *International Organization*. 2009. Vol. 63, № 4. P. 789—810.

16. *Pastore G.* Small New Member States in the EU Foreign Policy: Toward 'Small State Smart Strategy // *Baltic Journal of Political Science*. 2013. № 2. P. 64—87.

17. *Mitchell W., Scheunemann L.* Small States and Geopolitical Change: The Case of the Czech Republic. URL: http://cepa.org/sites/default/files/documents/Mitchell-Scheunemann_Small%20States%20and%20Geopolitical%20Change_FINAL.pdf (дата обращения: 13.10.2016).

18. *Elgstrom O., Bjurulf B., Johansson J., Sannerstedt A.* Coalitions in European Union Negotiations // *Scandinavian Political Studies*. 2001. Vol. 24, № 2. P. 111—128.

19. *Hosli M. O.* Coalitions and Power: Effects of Qualified Majority Voting in the Council of the European Union // *Journal of Common Market Studies*. 1996. Vol. 34, № 2. P. 255—273.

20. *Lane J.-E., Mattila M.* Der Abstimmungsprozess im Ministerrat // *Europa der Buerger? Voraussetzungen, Alternativen, Konsequenzen* / eds. T. Konig, E. Rieger, H. Schmitt. Frankfurt, 1998.

21. *Mattila M.* Contested Decisions: Empirical Analysis of Voting in the European Union Council of Ministers // *European Journal of Political Research*. 2004. Vol. 43, № 1. P. 29—50.

22. *Kaeding M., Torsten J. S.* Mapping out Political Europe: Coalition Patterns in EU Decision-Making // *International Political Science Review*. 2005. Vol. 26, № 3. P. 271—290.

23. *Spyros B., Pagoulatos G.* Coalition Building in the EU: The Rise and Decline of the 'Southern Bloc. Fourth ECPR Pan-European Conference on EU Politics. Riga (Latvia) 25—27 September, 2008.

24. *Thorhallsson B.* The Role of Small States in the European Union. Ashgate, 2000.

25. *Klemenčič M.* Formal Intergovernmental Alliances in the European Union: Disappearing or Still Alive // Conference paper. EUSA. 3—4 March 2011.
26. *Wallace H.* An Institutional Anatomy and Five Policy Modes // Policy-Making in the European Union / Ed. H. Wallace, M. A. Pollack, A. R. Young. 6th ed. Chapter 4. Oxford, 2010. P. 69—106.
27. *Hosli M., Mattila M., Uriot M.* Voting Behavior in the Council of the European Union After the 2004 Enlargement // EUSA, Conference Paper. Los Angeles, 23—25 April 2009.
28. *Reynaud J., Lange F., Gaterek L., Thimann C.* Proximity in Coalition Building // EconPapers, 2008. 24 June.
29. *Ruse I.* Bargaining Power of Nordic-Baltic coalition in EU Council Negotiations, Paper presented at the ECPR Conference, Reykjavik 24—27 August 2011. URL: <https://ecpr.eu/filestore/paperproposal/87423dc8-0b1f-4d51-a0b4-0d7061f49de9.pdf> (дата обращения: 11.05.2015).
30. *Kasekamp A.* Baltic States and the EU: A Rocky Road From «Outside» Towards the «Core». URL: <http://www.institutdelors.eu/media/balticstateseu-history-politics-kasekamp-ne-jdi-july13.pdf?pdf=ok> (дата обращения: 17.06.2015).
31. *Ozonis A.* The Policies of the Baltic Countries Vis-à-vis the CSCE, NATO and WEU // The Foreign Policies of the Baltic Countries: Basic Issues. 1994. P. 49—50.
32. *Haab M.* Potentials and Vulnerabilities of the Baltic States // The Baltic States in World Politics / ed. B. Hansen, B. Heurlin. N. Y., 1998.
33. *Vilpišauskas R.* Lithuanian foreign policy since EU accession: Torn between history and interdependence // The New Member States and the European Union: Foreign Policy and Europeanization / Ed. M. Vaun, D. Marek. L. ; N. Y., 2013.
34. *Elson A.* Baltic State Membership in the European Union: Developing a Common Asylum and Immigration Policy // Indiana Journal of Global Legal Studies. 1997. Vol. 5, № 1. P. 317—340.
35. *Santel B.* Loss of Control: The Build-up of a European Migration and Asylum Regime, in Migration and European Integration: The Dynamics of Inclusion and Exclusion // Migration and European integration: the dynamics of inclusion and exclusion / ed. R. Miles, D. Thranhardt. L. ; N. J., 1995.
36. *Hyndle-Hussein J.* How the refugee issue is affecting the Baltic states. URL: <https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/analyses/2015-09-23/how-refugee-issue-affecting-baltic-states> (дата обращения: 03.09.2016).
37. *Eurostat* Population and social conditions — Asylum and managed migration. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/data/database> (дата обращения: 02.10.2016).
38. *Ramishvili T.* Baltic Nations and the Continuing EU Refugee Crisis. URL: <http://www.fpri.org/2016/01/baltic-nations-and-the-continuing-eu-refugee-crisis/> (дата обращения: 12.10.2016).
39. *Потемкина О.Ю.* Пространство свободы, безопасности и правосудия // Европейский Союз: факты и комментарии. 2015. № 80—81. С. 49—57.
40. *Latvia has most negative attitude towards refugees in EU.* URL: http://www.baltictimes.com/latvia_has_most_negative_attitude_towards_refugees_in_eu/ (дата обращения: 02.09.2016).
41. *Pettai V., Veebel V.* Navigating between Policy and Populace: Estonia, its Accession, Referendum and the EU Convention // Politique européenne. 2005. Vol. 15, № 1. P. 113—135.
42. *Ragozin L.* Latvians find unity in rejecting refugees. URL: <http://www.politico.eu/article/latvia-migration-asylum-crisis-baltics-eu/> (дата обращения: 05.06.2016).
43. *Veebel V., Markus R.* Europe's Refugee Crisis in 2015 and Security Threats from the Baltic Perspective // Journal of Politics and Law. 2015. Vol. 8, № 4. P. 254—262.

44. *Opening door to refugees, Lithuania says finds few takers.* URL: <http://www.reuters.com/article/uk-europe-migrants-lithuania-idUSKCN0SK2DT20151026> (дата обращения: 19.08.2016).

45. *Resettled in the Baltics, refugees flee for wealthier lands.* URL: <http://www.reuters.com/article/us-europe-migrants-baltics-idUSKBN13N0RY> (дата обращения: 12.10.2016).

Об авторах

Ирина Марковна Бусыгина, доктор политических наук, профессор кафедры сравнительной политологии, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Россия.

E-mail: ira.busygina@gmail.com

Станислав Андреевич Климович, аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Россия.

E-mail: sklimovich@hse.ru

Для цитирования:

Бусыгина И. М., Климович С. А. Коалиция внутри коалиции: страны Балтии в Евросоюзе // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 1. С. 7—26. doi: 10.5922/2074-9848-2017-1-1.

A COALITION WITHIN A COALITION: THE BALTICS IN THE EUROPEAN UNION

I. M. Busygina*
S. A. Klimovich**

* *Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University)*
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454

** *National Research University Higher School of Economics*
20 Myasnitsky St., Moscow, 101000, Russia

Submitted on December 10, 2016

This article gives an overview of small power problem focusing on the behaviour of small power states within coalitions and their proneness to free riding. To pursue an independent agenda and increase their significance within large associations, the authors argue, small powers tend to create 'coalitions within coalitions', essentially acting as free riders and transferring costs and political responsibility for decision-making to larger players. Such an asymmetric strategy makes it possible for small powers to advance their interests within alliances and save resources. The authors test this hypothesis on the behaviour of the Baltics in the European Union. It is demonstrated that Lithuania, Latvia, and Estonia have created a stable small coalition within the EU and actively form ad hoc alliances with the leading

states to push union-level decisions, as it was the case with settling the migrant issue. In other areas, these states tend to benefit from the free rider behaviour.

Key words: small powers, coalitions, free riders, Baltics, European Union

References

1. Dosenrode-Lyng, S. Z. von. 1993, *Westeuropäische Kleinstaaten in der EG und EPZ*, Chur/Zürich.
2. Goetschel, L. (ed.), 1998, *Small States Inside and Outside the European Union: Interests and Policies*, Boston.
3. Kirt, R., Waschkuhn, A. 2001, Was ist und zu welchem Zweck betreibt man Kleinstaaten Forschung? Ein Plädoyer für die wissenschaftliche Beschäftigung mit kleinen Nationen. In: Kirt, R., Waschkuhn, A. *Kleinstaaten-Kontinent Europa: Probleme und Perspektiven*, Baden-Baden, p. 23—46.
4. Thorhallsson, B. 2000, *The Role of Small States in the European Union*, Aldershot.
5. Neumann, I.B., Gstöhl, S. 2004, Lilliputians in Gulliver's World? Small States in International Relations. Iceland; University of Iceland, *Working Paper*, no. 1, 28 p.
6. Katzenstein, P. J. 2003, Small States and Small States Revisited, *New Political Economy*, Vol. 8, no. 1, p. 9—30. DOI:10/1080/1356346032000078705.
7. Reiter, D. 1996, *Crucible of Beliefs: Learning, Alliances and World Wars*, N.Y.
8. Alesina, A., Spolaore, F. 1997, On number and size of nations, *Quarterly Journal of Economics*, Vol. 112, no. 4, p. 1027—1056.
9. Alesina, A., Warsziarg, R. 1999, Is Europe going too far? *Carnegie-Rochester Conference Series on Public Policy*, no. 51, p. 1—42.
10. Alesina, A., Spolaore, F., Warsziarg, R. 1997, Economic integration and political disintegration, *NBER Working Papers*, no. 6163, available at http://www.anderson.ucla.edu/faculty_pages/romain_wacziarg/downloads/separatism.pdf (accessed 11.03.2016).
11. Olson, M. 1982, *The rise and decline of nations: Economic growth, stagflation and social rigidities*, New Haven, CT, 273 p.
12. Olson, M., Zeckhauser, R. 1966, An economic theory of alliances, *Review of Economic Statistics*, Vol. 48, no. 3, p. 266—279.
13. Pluempner, T., Neumayer, E. 2015, Free-riding in alliances: Testing an old theory with a new method, *Conflict Management and Peace Science*, Vol. 32, no. 3, p. 247—268.
14. Chalmers, M. 2000, *Sharing Security. The Political Economy of Burden-sharing*, UK.
15. Han, D., Kirchner, E., Sperling, J. 2009, Sharing the Burden of Collective Security in the European Union, *International Organization*, Vol. 63, no. 4, p. 789—810.
16. Pastore, G. 2013, Small New Member States in the EU Foreign Policy: Toward 'Small State Smart Strategy', *Baltic Journal of Political Science*, no. 2, p. 64—87.
17. Mitchell, W., Scheunemann, L. 2014. Small States and Geopolitical Change: The Case of the Czech Republic, *Prague Center for Transatlantic Relations*, no 8, available at http://cepa.org/sites/default/files/documents/Mitchell-Scheunemann_Small%20States%20and%20Geopolitical%20Change_FINAL.pdf (accessed 13.10.2016).
18. Elgstrom, O., Bjurulf, B., Johansson, J., Sannerstedt, A. 2001, Coalitions in European Union Negotiations, *Scandinavian Political Studies*, Vol. 24, no. 2, p. 111—128.

19. Hosli, M. O. 1996, Coalitions and Power: Effects of Qualified Majority Voting in the Council of the European Union, *Journal of Common Market Studies*, Vol. 34, no. 2, p. 255—273.
20. Lane, J.-E., Mattila, M. 1998, Der Abstimmungsprozess im Ministerrat. In: König, T., Rieger, E., Schmittm H. (eds.) *Europa der Buerger? Voraussetzungen, Alternativen, Konsequenzen*, Frankfurt.
21. Mattila, M. 2004, Contested Decisions: Empirical Analysis of Voting in the European Union Council of Ministers, *European Journal of Political Research*, Vol. 43, no. 1, p. 29—50. DOI: 10.1111/j.1475-6765.2004.00144.x.
22. Kaeding, M., Torsten, J. S. 2005, Mapping out Political Europe: Coalition Patterns in EU Decision-Making, *International Political Science Review*, Vol. 26, no. 3, p. 271—290.
23. Spyros, B., Pagoulatos, G. 2008, Coalition Building in the EU: The Rise and Decline of the ‘Southern Bloc’, *Fourth ECPR Pan-European Conference on EU Politics*, Riga, Latvia, 25—27 September, 2008.
24. Thorhallsson, B. 2000, *The Role of Small States in the European Union*, UK.
25. Klemenčič, M. 2011, Formal Intergovernmental Alliances in the European Union: Disappearing or Still Alive, *Conference paper*, EUSA, 3—4 March.
26. Wallace, H. 2010, An Institutional Anatomy and Five Policy Modes. In: Wallace, H., Pollack, M. A., Young, A. R. (eds.) *Policy-Making in the European Union*, 6th ed, Chapter 4, Oxford, Oxford University Press, p. 69—106.
27. Hosli, M., Mattila, M., Uriot, M. 2009, Voting Behavior in the Council of the European Union After the 2004 Enlargement», *EUSA*, Conference Paper, Los Angelos, 23—25 April.
28. Reynaud, J., Lange, F., Gaterek, L., Thimann, C. 2008, Proximity in Coalition Building, *EconPapers*, 24 June.
29. Ruse, I. 2011, Bargaining Power of Nordic-Baltic coalition in EU Council Negotiations, *Paper presented at the ECPR Conference*, Reykjavik, 24—27 August, available at: <https://ecpr.eu/filestore/paperproposal/87423dc8-0b1f-4d51-a0b4-0d7061f49de9.pdf> (accessed 11.05.2015).
30. Kasekamp, A. 2013, Baltic States and the EU: A Rocky Road From “Outside” Towards the “Core”. In: Grigas, A., Kasekamp, A., Maslauskaitė, K., Zorgenfreija, L., Buzek, J. *The Baltic states in the EU: yesterday, today and tomorrow. Studies & Reports*, no. 98, Notre Europe — Jacques Delors Institute, available at: <http://www.institutdelors.eu/media/balticstateseu-historypolitics-kasekamp-ne-jdi-july13.pdf?pdf=ok> (accessed 17.06.2015).
31. Ozonis, A. 1994, The Policies of the Baltic Countries Vis-à-vis the CSCE, NATO and WEU, *The Foreign Policies of the Baltic Countries: Basic Issues*, p. 49—50.
32. Haab, M. 1998, Potentials and Vulnerabilities of the Baltic States. In: Hansen, B., Heurlin, B. (eds.) *The Baltic States in World Politics*, New York, St. Martin’s Press.
33. Vilpišauskas, R. 2013, Lithuanian foreign policy since EU accession: Torn between history and interdependence. In: Baun, M., Marek, D. (eds.) *The New Member States and the European Union: Foreign Policy and Europeanization*, London & New York.
34. Elson, A. 1997, Baltic State Membership in the European Union: Developing a Common Asylum and Immigration Policy, *Indiana Journal of Global Legal Studies*, Vol. 5, no. 1, Article 15, p. 317—340, available at: <http://www.repository.law.indiana.edu/ijgls/vol5/iss1/15> (accessed 13.10.2015).

35. Santel, B. 1995, Loss of Control: The Build-up of a European Migration and Asylum Regime, in Migration and European Integration: The Dynamics of Inclusion and Exclusion. In: Miles, R., Thranhardt, D. (eds.) *Migration and European integration: the dynamics of inclusion and exclusion*, London.
36. Hyndle-Hussein, J. 2015, *How the refugee issue is affecting the Baltic states*, available at: <https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/analyses/2015-09-23/how-refugee-issue-affecting-baltic-states> (accessed 03.09.2016).
37. Eurostat *Population and social conditions — Asylum and managed migration*, 2015, available at: <http://ec.europa.eu/eurostat/data/database> (accessed 02.10.2016).
38. Ramishvili, T. 2016, Baltic Nations and the Continuing EU Refugee Crisis, available at: <http://www.fpri.org/2016/01/baltic-nations-and-the-continuing-eu-refugee-crisis/> (accessed 12.10.2016).
39. Potemkina, O. Yu. 2015, The space of freedom, security and justice, *Evropeiskii Soyuz: fakty i kommentarii*, no. 80—81, p. 49—57. (In Russ.)
40. Latvia has most negative attitude towards refugees in EU, 2015, *The Baltic Times*, 14 September, 2015, available at http://www.baltictimes.com/latvia_has_most_negative_attitude_towards_refugees_in_eu/ (accessed 02.09.2016).
41. Pettai, V., Veebel, V. 2005, Navigating between Policy and Populace: Estonia, its Accession, Referendum and the EU Convention, *Politique européenne*, Vol. 15, o. 1, p. 113—135.
42. Ragozin, L. 2015, Latvians find unity in rejecting refugees, *POLITICO*, available at: <http://www.politico.eu/article/latvia-migration-asylum-crisis-baltics-eu/> (accessed 05.06.2016).
43. Veebel, V., Markus, R. 2015, Europe's Refugee Crisis in 2015 and Security Threats from the Baltic Perspective, *Journal of Politics and Law*, Vol. 8, no. 4, p. 254—262. DOI:10.5539/jpl.v8n4p254.
44. Sytas, A. 2015, Opening door to refugees, Lithuania says finds few takers, *Reuters*, Oct 26, available at: <http://www.reuters.com/article/uk-europe-migrants-lithuania-idUSKCN0SK2DT20151026> (accessed 19.08.2016).
45. Mardiste, D. 2016, Resettled in the Baltics, refugees flee for wealthier lands, *Reuters*, Nov 28, available at: <http://www.reuters.com/article/us-europe-migrants-baltics-idUSKBN13N0RY> (accessed 12.10.2016).

The authors

Prof. Irina M. Busygina, Department of Comparative Political Science, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Russia.

E-mail: ira.busygina@gmail.com

Stanislav A. Klimovich, PhD student, National Research University Higher School of Economics, Russia.

E-mail: sklimovich@hse.ru

To cite this article:

Busygina, I. M., Klimovich, S. A. 2017, A Coalition within a Coalition: The Baltics in the European Union, *Balt. reg.*, Vol. 9, no. 1, p. 7—26. doi: 10.5922/2074-9848-2017-1-1.

УДК 327

**СИСТЕМА
БЕЗОПАСНОСТИ
В БАЛТИЙСКОМ РЕГИОНЕ
КАК ПРОЕКЦИЯ
ГЛОБАЛЬНОГО
ПРОТИВОСТОЯНИЯ
РОССИИ И США**

*В. Воловой**

*И. А. Баторшина***

Рассматривается проблематика безопасности Балтийского региона, как Польши, так и стран Балтии. В качестве теоретической основы используются теории сообщества безопасности Карла Дойча, Эммануила Адлера и Майкла Барнетта, а также комплекса региональной безопасности Барри Бузана. Также применяется теория управляемого хаоса Стивена Манна и понятие Междуморья (Intermarium). Исходной стала мысль о том, что ситуация в Балтии зависит в первую очередь от политики внешних сил — России и Соединенных Штатов Америки, является проекцией их глобального геополитического противостояния.

Ключевой момент в данном случае — стратегия США. Делается предположение, что после второй войны в Ираке американская элита идеологически раскололась на сторонников теории хаоса и традиционалистов, мыслящих категориями раздела сфер влияния с другими мировыми центрами силы.

Применительно к Балтийскому региону стратегия США не направлена на провоцирование открытого военного конфликта с Россией. Скорее следует говорить о стремлении США зафиксировать существующий уровень конфронтации между Россией и ЕС, убедив последний в реальности российской угрозы.

Польша и страны Балтии, традиционно настроенные на противостояние с Россией, в данном случае выполняют функцию проводника стратегии Вашингтона в Европе и «санитарного кордона» в форме Intermarium, призванного отделить Россию от ЕС. Они активно действуют на этом направлении, стремясь получить статус ключевых союзников США в регионе и на европейском континенте в целом.

Москва со своей стороны делает все возможное для того, чтобы «оторвать» Брюссель от Вашингтона, но влияние США на Европу все еще достаточно велико.

Ключевые слова: Балтийский регион, комплекс региональной безопасности, Барри Бузан, стратегия США, теория хаоса, Междуморье (Intermarium), отношения России и ЕС

* Университет им. Миколаса Рёмериса, LT-08303, Литва, Вильнюс, ул. Атеитис, 20.

** Российский институт стратегических исследований, 125413, Россия, Москва, ул. Флотская, 15 Б.

Поступила в редакцию 20.11.2016 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2017-1-2

© Воловой В., Баторшина И. А., 2017

Балтийский регион: от сообщества к комплексу региональной безопасности

В последнее время Прибалтика (Литва, Латвия и Эстония) и Польша оказались в центре глобального противостояния России и США (НАТО). Исследовать происходящие в нем процессы можно практически, однако стоит подчеркнуть, что в данном случае есть место для эффективного теоретического подхода. В этой связи актуальными выглядят концепции сообщества безопасности (англ. *security community*) Карла Дойча (впоследствии Эммануила Адлера и Майкла Барнетта) [13; 20] и комплекса региональной безопасности (англ. *regional security complex*) Барри Бузана [17].

Суть первой состоит в том, что в определенном регионе восторжествовал конструктивный подход к решению всех проблем, основанный не на конфронтации, а на общности интересов, ценностей и идентичности, а также доверии. Можно было предположить, что после окончания холодной войны Балтийский регион станет территорией мира и согласия. Более того, вступление Польши и стран Балтии в НАТО должно было лишь укрепить эти надежды. Существовала вероятность того, что их членство в Североатлантическом альянсе может снизить уровень недоверия к внешней политике России и положит начало урегулированию сложных российско-балтийских отношений.

Однако, как показала практика межгосударственных отношений 2004—2016 годов, потепления или перезагрузки отношений России и стран Балтии не произошло. Это объясняется тем фактом, что в основе мотивации вступления Прибалтийских республик и Польши в евроатлантические структуры был прагматизм первых в вопросе обеспечения интересов национальной безопасности (экономической, военно-политической) за счет использования ресурсов ЕС и НАТО. Прибалтийские политические элиты были нацелены на то, чтобы исключить вероятность проникновения российского доминирующего влияния в Прибалтику и максимально дистанцироваться от военных, политических и экономических институтов и организаций, иницируемых Российской Федерацией [29]. Тем самым Прибалтийские государства скорее фиксировали линию водораздела между ЕС/НАТО и Россией, а не способствовали формированию в Прибалтике «сообщества безопасности».

Конфликт на Украине обострил отношения между Россией и Прибалтикой до предела. Соответственно, «сообщество безопасности» в регионе не состоялось. При этом концепция Барри Бузана, фактически являясь продолжением работ Дойча, Адлера и Барнетта, предлагает более конкретные рамки для эмпирического исследования. Ее дополнительное преимущество состоит в том, что упор делается именно на безопасности, которая сегодня выходит на первый план в Балтийском регионе.

Конкретизируя, следует отметить, что автор идеи предлагает четыре уровня анализа [17, с. 51]. Первый — национальный, требующий

углубления в специфику отдельно взятого государства региона (его политику, экономику и идентичность). Второй — межгосударственный, сосредоточенный на отношениях между странами региона. Третий — межрегиональный, в центре внимания которого находится пересечение соседних комплексов безопасности. Наконец, отдельно Барри Бузан отмечает роль глобальных сил в регионе, которые самостоятельно и в соперничестве друг с другом способны сыграть ключевую роль в его развитии.

Авторы данной статьи считают последний уровень анализа Балтийского региона важнейшим по сравнению с остальными тремя. Глобальные силы в данном случае — это США и Россия, и можно с достаточно большой долей уверенности утверждать, что ситуация в Прибалтике стала лишь проекцией их общего геополитического противостояния. Но если позиция Москвы достаточно последовательна и ясна, то в американской элите с некоторых пор на лицо раскол стратегической мысли, что по своему отражается и на политике Вашингтона в Балтийском регионе. Поэтому дальнейший анализ правильно будет начать именно с конкретизации двойственного (даже тройственного) американского подхода.

Теория хаоса, реализм и неизоляционизм во внешней политике США

Вторая война в Ираке стала переломной в осмыслении глобальной стратегии США. Проект демократизации Ближнего и Среднего Востока под предлогом борьбы с терроризмом на волне терактов 11 сентября провалился, и американская стратегическая мысль столкнулась с непростой задачей переосмысления подхода к глобальной политике, поиска нового врага и методов борьбы с ним. И тут, как показывает практика, произошел достаточно серьезный идеологический конфликт.

Как отметил российский эксперт-международник Сергей Караганов: «Нужно понимать, что наши партнеры провалились и заблудились, особенно американские партнеры... Там идут открытые ссоры между разными группами элиты. Америка потеряла стратегические ориентиры» [1].

Продолжая данную мысль влиятельного специалиста по международным отношениям, стоит уточнить, что доминирующая роль Соединенных Штатов в мире как основная цель под сомнение не ставится, но предложены разные способы ее достижения. В этой связи американскую элиту условно можно разделить на две, а с недавних пор — на три части (при этом надо понимать, что соответствующие линии разделения пронизывают практически все основные политические институты страны: Администрацию президента, Госдеп, Пентагон, ЦРУ и т. д.).

Первых можно назвать сторонниками так называемой теории управляемого хаоса, автором которой является Стивен Манн [4]. Смысл ее в том, что Америка должна быть готова усиливать и эксплуа-

тирывать хаос, создавать точки напряженности, если это соответствует ее национальным интересам. По сути, основы для перехода к данной стратегии заложил Дж. Буш младший [7], когда эксперимент неоконсерваторов из его команды, таких как Д. Чейни, по демократизации Ближнего и Среднего Востока закончился хаотизацией Ирака, которую, судя по всему, было решено использовать с пользой для США и которую (видимо уже сознательно) дополнила так называемая «Арабская весна».

По отношению ко второй элитной группе применим термин «традиционалисты». Это приверженцы классической теории (нео)реализма, ветераны холодной войны, мыслящие категориями сфер влияния и готовые к их разделу при определенных обстоятельствах. Представителями умеренного политического крыла являлся Б. Обама, которого, по словам Г. Киссинджера, можно назвать скорее «идеологическим реалистом», а не стратегическим [30]. Конфликты на Украине и в Сирии продемонстрировали, что он был не склонен эскалировать напряжение в российско-американских отношениях, и проявлял готовность к переговорам по урегулированию ситуации в зонах военных конфликтов. При этом ему трудно было совладать с влиянием «ястребов» в вышеупомянутых регионах в целом.

В свою очередь, Х. Клинтон — представитель «ястребов», убежденных в необходимости усиления политического, военного и экономического давления на Россию с целью ее ослабления — в том числе за счет создания очагов напряженности (хаоса) на ее границах (например, на Украине и в Прибалтийских государствах за счет размещения в них сил НАТО). Тогда как вышеупомянутый традиционный «реалист» Г. Киссинджер, который уже успел встретиться с президентом Дональдом Трампом и обсудить с ним будущую внешнюю политику США, в 2015 году заявил: «Если мы считаем Россию сильным игроком, с которым необходимо считаться, то необходимо уже на ранней стадии определить, можно ли примирить их интересы с нашими целями. Мы должны исследовать возможность образования демилитаризованных зон между нынешними границами НАТО и Россией... Целью стало сломать Россию; в то время как долгосрочная цель должна быть в том, чтобы ее интегрировать» [30].

В данном контексте необходимо обратить внимание на следующий момент. Сторонники «хаоса» не признают наличия альтернативного центра силы, работают на поражение любого соперника, а «реалисты» допускают статус США как первой державы среди равных.

Здесь уместным будет привести наглядный пример конкуренции вышеизложенных подходов. Место действия — Ближний и Средний Восток. Затронувшая его «Арабская весна» более чем похожа на «теорию управляемого хаоса» в действии. Очередными ее жертвами, по замыслу вероятных авторов «проекта», вероятно, должна была стать и Сирия, а впоследствии и Иран. В 2013 году под предлогом применения Б. Асадом химического оружия США готовы были начать военную операцию против Дамаска.

Однако в этот момент президент России Владимир Путин предложил своему коллеге в Вашингтоне совместно избавиться от сирийского химического оружия. Важно, что Барак Обама принял план российского президента. Таким образом, глава США и его команда «реалистов» (среди которых, кстати, и госсекретарь Джон Керри) не позволили агрессивному крылу американской элиты создать еще одну точку «большого хаоса» (гражданская война в Сирии в настоящее время продолжается, однако Асад смог избежать реализации на территории своего государства ливийского сценария). Более того, он все-таки сумел выйти на соглашение с Ираном, которое определенно сняло с повестки дня тему ударов по «проповедникам с атомной бомбой». Схожее противостояние можно рассмотреть и на Украине¹.

Олицетворением третьей группы влияния является Дональд Трамп. На протяжении долгого времени было абсолютно непонятно, какова программа Трампа и кто за ним стоит. Все высказывания эксцентричного политика по вопросам внутренней и особенно внешней политики напоминали сплошную импровизацию. Внесло ясность программное интервью Трампа «The Washington Post». В нем он сформулировал несколько простых тезисов, но за которыми просматривается профессиональная рука с четкой стратегической позицией. А озвучил Трамп следующие мысли: «Мы строим школы в Ираке, и их взрывают. Мы строим еще одну, и снова взрыв. Мы строим там школу три раза, но не можем построить нормальную школу в Бруклине... Украина — страна, которая нас должна беспокоить меньше любой другой страны из НАТО, но вся ответственность почему-то на нас. Почему Германия не занимается от лица НАТО проблемами на Украине? Почему страны, которые находятся в непосредственной близости к этой стране, ничего не предпринимают? Почему именно мы должны быть теми, кто ведет мир к новой мировой войне с Россией? Мы просто не можем себе позволить этим заниматься. НАТО обходится нам в целое состояние. И да, мы защищаем Европу с помощью НАТО, но мы тратим огромные деньги... Южная Корея очень богатая, развитая индустриальная страна, но мы почему-то не получаем от нее отдачи, соответствующей нашим усилиям. Мы постоянно посылаем туда корабли, самолеты, играем в наши военные игры, но взамен получили лишь крохи по сравнению с тем, чего нам это все стоит» [12].

¹ Авторитетный немецкий журнал «Spiegel» опубликовал статью, в которой подробно рассказал о том, как бывший командующий войсками НАТО в Европе с группой единомышленников сознательно преувеличивали российскую угрозу на Украине, чтобы было принято решение о поставке Киеву летального вооружения, что, конечно же, обострило (дополнительно хаотизировало) бы конфликт на Донбассе. При этом Бридлав и его соратники сетовали на «политически наивную и контрпродуктивную» политику Барака Обамы и Ангелы Меркель, пытавшихся ослабить напряжение в конфликте. «Spiegel поведаль, зачем бывший главком НАТО хотел обострить конфликт на Украине». URL: <https://russian.rt.com/inotv/2016-07-26/Spiegel-povedal-zachem-bivshij-glavkom> (дата обращения: 10.09.2016).

Таким образом, Трамп транслирует классическую позицию американского изоляционизма, фактически предлагает обновленную «доктрину Монро», суть которой заключается в том, что Америка не вмешивается в дела остального мира и концентрируется на собственном развитии. Как объяснил Трамп: «Я уверен, что мы сегодня живем в другом мире, и я не думаю, что нам следует заниматься отстраиванием государств. Очевидно, что это не работает. У нас самих долг в 19 триллионов долларов. Мы живем в пузыре, который если лопнет, всем будет очень плохо. Нам нужно отстроить заново собственную страну... И в какой момент придет время сказать "Нам пора бы уже позаботиться о себе?" Я понимаю, что внешний мир существует, но в то же время наша страна разлагается, огромные ее куски» [12].

До сих пор изоляционистское направление не являлось определяющим в американской внешней политике. Однако победа Дональда Трампа на президентских выборах в США позволяет сделать предположение, что внешнеполитический курс страны может быть серьезно скорректирован. В ходе своего выступления 1 декабря в г. Цинциннати штата Огайо Трамп заявил: «Мы уничтожим ИГИЛ. И в то же время мы будем проводить новую внешнюю политику, в которой наконец-то учтем прошлые ошибки. Мы больше не будем устраивать перевороты и свержать режимы и правительства, друзья, — добавил он. — Наша цель — стабильность, а не хаос, потому что мы хотим восстановить нашу страну. Время для этого пришло» [23]. Одновременно, встреча Д. Трампа с Г. Киссинджером говорит о том, что его националистический изоляционизм в отдельных случаях может совмещаться с позицией «традиционалистов».

О вероятной корректировке внешнеполитической повестки дня США свидетельствуют и первые назначения избранного президента. К примеру, назначение представителя нефтяной компании «Еххон Мобил» Р. Тиллерсона Госсекретарем (на Западе его прямо называют «другом Путина»), а Советником по национальной безопасности М. Флинна, считающего важнейшим приоритетом внешнеполитической повестки дня США борьбу с международным терроризмом, подразумевающей сотрудничество и с Россией [21].

Балтийский *Intermarium*

Теперь попытаемся спроецировать вышеуказанные подходы на Балтийский регион, прежде всего — «хаотичный» и «реалистический». Сегодня в российском информационном пространстве все чаще можно слышать мысль о том, что НАТО готовит стратегический плацдарм для нападения на Российскую Федерацию (особенно это касается развертывания системы ПРО). Например, военный эксперт И. Коротченко прямо говорит: «Россия сегодня является для США реальным военным противником. Поэтому система боевого и оперативного планирования НАТО исходит из того, что война с Россией не только возможна — к ней реально готовятся. Заявления, которые делают и прежний, и но-

вый главнокомандующие ОВС НАТО в Европе — отражение этого факта, как бы вершина айсберга. Под эти политические заявления подведена соответствующая база. Состоит она в том, что уже сегодня, не дожидаясь решений Варшавского саммита, Североатлантический альянс приступил к обустройству полноценной военной инфраструктуры на территории стран, которые могут являться плацдармом для группировок, нацеленных против России. Это Прибалтика, Польша, Румыния, ряд других государств» [3].

Зампредседателя комитета Совета Федерации по обороне и безопасности Ф. Клинецвич, комментируя размещение войск альянса на бывших советских военных базах в Восточной Европе, отметил: «У них есть много серьезных планов в рамках концепции так называемого глобального удара. По сути, готовится плацдарм, куда может быть поставлено оборудование и подготовлены площадки для реализации больших планов» [2]. При этом Североатлантический альянс не перестает утверждать, что лишь реагирует на агрессивные действия Москвы на Украине.

Дело даже не в том, что у России и Запада разные точки отсчета ситуации: Кремль считает, что красная черта была пересечена поддержанным США и ЕС переворотом на Украине, а американцы и европейцы объясняют свои действия «аннексией Крыма». Очевидно, что на Западе понимают правоту Москвы, но продолжают трактовать события в свою пользу. Вопрос в том, с какой целью. Иными словами, реально ли военное столкновение России и НАТО?

На политическом, военном и экспертном уровнях не только на Западе, но даже в Прибалтике признается маловероятность полномасштабной войны между Россией и НАТО. В интервью немецкой газете *Neuer Zürcher Zeitung* президент Эстонии Х. Ильвес в декабре 2015 года заявил: «Опасения, что Россия осуществит прямую атаку против балтийских наций или даже применит элементы гибридной войны, преувеличены». И далее: «Мы — члены НАТО, и Россия не пойдет против НАТО» [22].

Схожие оценки присутствуют в докладах национальных спецслужб. К примеру, в отчете эстонской разведслужбы, опубликованном в 2016 году, отмечено: «Маловероятно, что военная сила против стран Балтии будет применена, хотя полностью исключать эту возможность нельзя» [6]. Литовские спецслужбы полагают, что «осуществляемое военное укрепление балтийских государств и дополнительные средства сдерживания НАТО расцениваются как устрашение, снижающее вероятность того, что Россия решится перейти от подготовки конфликта к реальному использованию военной силы» [5].

Отсюда следует простой вывод: все военно-политические «маневры» США/НАТО в Прибалтике и Польше всего лишь геополитическая игра, целью которой является стратегическая конфронтация России с Европой.

Логика в данном случае достаточно проста. Америке не нужен единый (особенно федеративный) Евросоюз, у которого сложились бы

партнерские отношения с Евразийским экономическим союзом. Поэтому нужно убедить европейцев в реальности российской угрозы. Это во многом удалось, о чем свидетельствуют принятые на Варшавском саммите в июле 2016 года решения НАТО о размещении многонациональных батальонов в Прибалтике и Польше. Действия Москвы в Балтийском регионе во многом носят реактивный характер: российское руководство вынуждено принимать ответные меры по укреплению военного потенциала своих западных рубежей (о чем говорит переброска ОТРК «Искандер» и комплексов «Бастион» в Калининградскую область РФ). В итоге происходит дальнейшее раскручивание конфронтационной спирали, а Балтийский регион превращается в одно из «наиболее уязвимых и сложных пространств взаимодействия России и НАТО» [8].

Вместе с тем Балтийский регион не место для «управляемого хаоса», поскольку он является частью единого евроатлантического цивилизационного и институционального пространства. Поэтому американские «ястребы» и «реалисты», остро соперничая в других частях планеты, в этой сходятся во мнении, что она должна стать «геополитическим забором» между Россией и ЕС. В этой связи крайне актуальной выглядит концепция *Intermarium*.

В начале прошлого года глава «Stratfor» Джордж Фридман выступил с речью в Чикагском совете по глобальным проблемам (англ. *Chicago Council on Global Affairs*) [24], обратившись к идее «Междуморья», основы которой в свое время заложил известный польский политик и военачальник Юзеф Пилсудский. Суть данной концепции заключается в образовании союза наций между Балтийским и Черным морями, построенного вокруг Польши и включающего Чехию, Словакию, Венгрию, Румынию, Финляндию и Прибалтику. Так создается «санитарный кордон» между Россией и «старой» Европой, в первую очередь — между Россией и Германией, что, по мнению Фридмана, является для Америки ключевой внешнеполитической задачей хотя бы потому, что немецкий капитал и технологии в связке с российскими природными ресурсами и рабочей силой — непобедимая комбинация.

То, что это не является рассуждениями отдельно взятого эксперта, подтверждается следующими обстоятельствами. В сентябре 2015 года по инициативе хорватского президента Колинды Грабар-Китарович при активной поддержке Соединенных Штатов Америки (о чем свидетельствует визиты Джо Байдена в Хорватию и переговоры с Грабар-Китарович) была запущена Балто-Черноморско-Адриатическая инициатива, которая, по сути, представляет собой обновленную версию Междуморья Ю. Пилсудского [16]. Первая встреча заинтересованных стран-участниц (Польши, Румынии, Болгарии, Венгрии, Словакии, Литвы, Латвии, Эстонии, Австрии, Словении, Хорватии, Чехии) прошла 29 сентября 2015 года в Нью-Йорке на площадке организации *Atlantic Council*. В качестве ключевых целей этой инициативы были заявлены усиление экономического сотрудничества, реализация совместных энергетических и транспортных проектов [14]. При этом детали намеченных планов по строительству, к примеру, газопровода, соеди-

няющего СПГ — терминалы Прибалтики и Хорватии, свидетельствуют об их антироссийской направленности и стремлении сократить российское присутствие на европейском газовом рынке под предлогом диверсификации поставок энергоресурсов.

Если вернуться к уровням анализа Б. Бузана, открытым остается всего один вопрос: «Почему Польша и Прибалтика готовы быть проводником интересов США в Европе?» Следует назвать следующие причины.

Во-первых, горькая историческая память этих стран в отношениях с Москвой и ее действия на Украине лишь усилили подсознательные фобии и принципиальное желание противостоять ей.

Во-вторых, Прибалтийские республики и Польша традиционно считают основой своей безопасности США, а не Евросоюз, который рассматривают в основном как инструмент улучшения экономического благосостояния. Показательным в этом отношении стал подготовленный в ноябре 2015 г. литовской консервативной партией «Союз Отечества/Христианские демократы» меморандум под названием «Стратегия политического сдерживания России в регионе Балтийского моря». Авторы доклада консерваторы А. Кубилюс, Р. Юкнявичене, Л. Качюнас, З. Павиленис убеждены, что присутствие США в регионе и его роль необходимо резко усилить. «Нам необходимо лидерство США и мы полагаем, что нынешняя администрация США недостаточно оценивает природу российского политического режима, и мы хотели бы, чтобы это лидерство вернулось» [27]. Исходя из этих установок, согласно тексту документа, «цель Литвы — стать государством стратегической важности для США в Балтийском регионе. Для этого необходимо согласовывать национальные интересы Литвы и США по распространению западных ценностей на восток от наших границ, ослабляя тем самым путинский режим и авторитарных политиков».

Заинтересованность политических кругов Литвы, Латвии и Эстонии в лидерстве США на европейском континенте обусловлена не только совпадающими интересами в регионе Балтийского моря, но и обнажившимся фактом отсутствия солидарности и явного энтузиазма западноевропейских стран отправлять свои войска для защиты Прибалтики.

Согласно результатам опроса, проведенного американским социологическим центром «Pew Research» в июне 2015 года, большинство респондентов Германии (58%), Франции (53%) и Италии (51%) заявили, что их страны не должны направлять национальные войска для защиты союзников по НАТО в случае серьезного военного конфликта с Россией [15; 25]. Более того, даже в Британии появляется все больше скепсиса в отношении Североатлантического альянса. В качестве примера можно привести слова лидера британских лейбористов Д. Корбина с призывами к отказу от выполнения обязательств защиты своих союзников по НАТО, прозвучавшие 19 августа 2016 г. на встрече с однопартийцами, которые были встречены аплодисментами [18].

Результаты социологических исследований в западноевропейских странах стали тревожным сигналом для политиков Прибалтийских рес-

публик, которые приходят к мысли, что чем сильнее присутствие США в регионе, тем безопаснее для Литвы, Латвии и Эстонии. На местном экспертном уровне активно продвигается лозунг «America first», обосновывающий необходимость дислокации американских военных подразделений в Прибалтике уверенностью, что США немедленноотреагируют на факт российской агрессии, в то время как другие союзники по НАТО будут медлить, обсуждая на политическом уровне решение об оказании военной поддержки [28].

В-третьих, ранее упомянутый «Stratfor» в своем прогнозе на 2015—2025 годы особо выделил роль Польши как одного из потенциальных лидеров ЕС и антироссийской коалиции, а также едва ли не ключевого союзника США в Европе [19]. И Польша стремится соответствовать этому статусу. Весьма симптоматичными в этой связи являются требования Варшавы отказаться от действия основополагающего акта Россия-НАТО 1997 года и ликвидировать периферийность новых членов НАТО, обеспечив «равный уровень безопасности» между Западной Европой и новыми членами альянса. Достаточно напомнить слова министра иностранных дел Польши В. Вашиковского о том, что «мы не можем иметь два уровня безопасности, один для Западной Европы с американскими войсками, с военными базами и оборонной инфраструктурой и другой для Польши, без этих элементов» [26].

В Прибалтике присутствует понимание и одобрение возрастающей роли Польши как противовеса возможному сближению России и ЕС, вследствие чего местные политические круги высказывают согласие признать руководящую роль Польши в регионе и ограничить собственные региональные амбиции. Особенно это касается Литвы: в рамках состоявшейся в литовском Сейме дискуссии 13 ноября 2015 года, посвященной сдерживанию России в регионе Балтийского моря, литовскими консерваторами было признано, что «мы открыто поворачиваемся к Польше. Мы полагаем, что в Польше возвращаются аутентичные политические силы, с ясными ценностными установками. Мы полагаем, что нынешняя Польша достойна быть ответственным региональным лидером, и Литва может быть поддержкой этого лидерства в регионе» [27].

Таким образом, польско-литовские и в целом польско-прибалтийские интересы смыкаются в части, касающейся политики безопасности в регионе и поддержания антироссийской европейской повестки.

Наконец, антироссийскую карту удобно использовать во внутренней политике. Как правило, правые в Прибалтике очень сильно акцентируют геополитические угрозы, исходящие от России. Фактор Москвы традиционно помогает консервативным, национально ориентированным политическим партиям мобилизовать свой электорат. В этой связи обращает на себя факт активизации антироссийской риторики, которая нарастающими темпами набирала обороты накануне осенних парламентских выборов в Литве (выборы состоялись в октябре 2016 года).

Стоит отметить, что даже партии левого толка, к примеру, Социал-демократическая партия Литвы, оказавшись под давлением агрессивного информационного фона, были вынуждены поддерживать не свойственную ей ранее антироссийскую риторику.

Ответ России

Руководство России, следует полагать, прекрасно понимает стратегию оппонента, но в то же время не может не предпринимать симметричных шагов в области усиления национальной безопасности. В первую очередь страна позиционирует себя как одну из ведущих стран мира, определяющих глобальную повестку дня, что предопределяет необходимость реагировать на вызовы альтернативного центра силы. Так, в Стратегии национальной безопасности России, утвержденной Указом Президента РФ 31 декабря 2015 года отмечено, что одной из целей страны является «закрепление за Российской Федерацией статуса одной из лидирующих мировых держав, деятельность которой направлена на поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях полицентричного мира» [10].

По этой причине Россия не может игнорировать действия НАТО, особенно в том, что касается развертывания систем ПРО в Восточной Европе (важно учитывать возможность использования на их основе не только ракет-перехватчиков, но и крылатых ракет, а также перспективу увеличения радиуса действия данных комплексов). Поэтому развертывание на западном направлении дополнительных дивизий, смена руководства Балтийского флота и усиление военного потенциала Калининградской области РФ выглядят вполне логично.

Однако понимание того, что стратегической целью Соединенных Штатов Америки является фиксация существующего раскола между Россией и Западной Европой, выдвигает на первый план для российского руководства задачу преодоления отчуждения с Европейским союзом и восстановление утраченного за последние годы доверия.

В целом можно констатировать, что в Евросоюзе уже наметилась определенная тенденция политической, а главное — экономической — усталости от конфронтации с Россией. Об этом свидетельствуют визиты европейских политиков в Крым, нежелание отдельных членов ЕС автоматически продлевать санкции против России, приезд главы Еврокомиссии Жана Клода Юнкера на Петербургский международный экономический форум со словами: «Важно говорить и с Россией, с руководством России и ее народом. Для некоторых эта мысль покажется радикальной, но для меня это здравый смысл. Для ЕС и России цена разобщенности будет очень высокой. Важно, чтобы мы обеспечивали свободную торговлю, свободный оборот товаров и услуг» [11].

На этом фоне даже появился термин «друзья Путина» в Европе (к ним причисляются отдельные политики и политические силы в разных странах ЕС) [9], однако говорить о том, что в европейском общественном сознании, а главное — в европейской элите — произошел коренной перелом, пока преждевременно. К тому же влияние США на Брюссель все еще достаточно велико, чтобы удерживать его от сближения с Москвой. И тем не менее есть основания ожидать, что уже в краткосрочной перспективе ситуация может скорректироваться в сторону улучшения.

Заключение

Стратегическое значение Балтийского региона, к которому до украинского кризиса внимание ведущих западных держав (в первую очередь США) было по большей степени ситуативным, резко возросло. Следует полагать, что в краткосрочной перспективе ситуация в сфере безопасности в регионе будет зависеть от политики главных игроков — США и России.

Сдерживание России на восточном фланге НАТО является для США показателем доверия к внешней политике США и к военно-политическому блоку НАТО. Вместе с тем речь не идет о стремлении спровоцировать Россию на военный конфликт. Главной целью Вашингтона стала фиксация конфронтации между Россией и ЕС и активное противодействие возможному сближению России с Западной Европой посредством создания «санитарного кордона» из государств Центрально-Восточной Европы и Прибалтики. Нарастание военного присутствия сил альянса на восточном фланге и подогревание милитаристских настроений агрессивной антироссийской информационной кампанией фиксирует отмеченные тренды и способствует дальнейшему отрыву России от Западной Европы (прежде всего от Германии).

Действия российского руководства во многом носят реактивный характер и направлены скорее на компенсацию нарастания военных сил НАТО в Балтийском регионе.

Представляется преждевременным говорить о том, что в европейском общественном сознании, а главное — внутри европейском политической элите, — произошел коренной перелом, который бы свидетельствовал о стремлении нормализовать отношения с Россией. Тем не менее есть основания ожидать, что уже в краткосрочной перспективе ситуация может скорректироваться в сторону улучшения в зависимости от позиции новой администрации США, а также результатов выборов во Франции и Германии.

Список литературы

1. *Право* знать. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=45puyE7x2AY> (дата обращения: 03.10.2016).

2. *Клинецвич*: НАТО готовит плацдарм для «глобального удара» по России. URL: <http://izvestia.ru/news/616778#ixzz4GZCJrPI> (дата обращения: 18.12.2016).
3. *Коротченко*: НАТО готовится к реальной войне. URL: http://ria.ru/radio_brief/20160506/1427964205.html (дата обращения: 18.12.2016).
4. *Манн С.* Теория хаоса и стратегическое мышление. URL: <http://spkurdyumov.ru/what/mann/> (дата обращения: 21.11.2016).
5. *Grėsmių nacionaliniam saugumui vertinimas*. URL: <http://www.vsd.lt/Files/Documents/635948635773762500.pdf> (дата обращения: 18.12.2016).
6. *Estonian Information Board «International Security and Estonia 2016»*. URL: <https://www.teabeamet.ee/pdf/2016-en.pdf> — Р. 9 (дата обращения: 18.12.2016).
7. *Стент А.* Почему Америка и Россия не слышат друг друга. Взгляд Вашингтона на новейшую историю российско-американских отношений. М., 2015.
8. *Тимофеев И.* Россия и НАТО в регионе Балтийского моря. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=8445#top-content (дата обращения: 18.12.2016).
9. *Russia's European supporters*. In the Kremlin's pocket // *The Economist*. URL: <http://www.economist.com/news/briefing/21643222-who-backs-putin-and-why-kremlins-pocket> (дата обращения: 18.12.2016).
10. *О стратегии национальной безопасности Российской Федерации*: указ президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. *Юнкер* приехал на Петербургский форум «наводить мосты» // *BBC.com*. URL: http://www.bbc.com/russian/news/2016/06/160616_russia_juncker (дата обращения: 18.12.2016).
12. *A transcript of Donald Trump's meeting with The Washington Post editorial board* // *The Washington Post*. 21 March 2016. URL: <https://www.washingtonpost.com/blogs/post-partisan/wp/2016/03/21/a-transcript-of-donald-trumps-meeting-with-the-washington-post-editorial-board/> (дата обращения: 18.12.2016).
13. *Adler E., Barnett M.* Security Communities. Cambridge, 1998.
14. *Adriatic-Baltic-Black sea initiative. A triangle of stronger partnership* / Newsletter of the Office of the President of the Republic of Croatia. 2015. № 2.
15. *Andersson J.* Defence: solidarity, trust and threat perception // *European Union Institute for Security Studies*. July 2015. URL: http://www.iss.europa.eu/uploads/media/Alert_33_Transatlantic_defence.pdf (дата обращения: 21.11.2016).
16. *Bekić J., Funduk M.* The Adriatic-Baltic-Black Sea Initiative as the revival of “Intermarium” // *IRMO Brief*. 2016. №2. URL: <http://www.irmo.hr/wp-content/uploads/2016/01/IRMO-Brief-2-2016.pdf> (дата обращения: 21.11.2016).
17. *Buzan B., Waever O.* Regions and Powers. The Structure of International Security. N. Y., 2003.
18. *Corbyn's Nato comments echo flak from Trump and across Europe*, 19.08.2016 // *The Financial Times*. 19 August 2016. URL: <https://www.ft.com/content/ce6f413a-660c-11e6-8310-ecf0bddad227> (дата обращения: 21.11.2016).
19. *Decade Forecast: 2015—2025* // *Stratfor*. 23 February, 2015. URL: <https://www.stratfor.com/forecast/decade-forecast-2015-2025> (дата обращения: 21.11.2016).
20. *Deutsch K. W., Burrell S. A., Kann R.* Political Community and the North Atlantic Area: International Organization in the Light of Historical Experience. Princeton, 1957.
21. *Donald Trump's Choice for National Security Adviser Has One Priority: Combatting 'Radical Islamic Terrorism'* // *The Atlantic*. 18 November 2016. URL: <http://www.theatlantic.com/news/archive/2016/11/michael-flynn-trum-national-security-adviser/508115/> (дата обращения: 18.12.2016).

22. *Ives*: Russia will not attack Baltic nations // News. err. ee. 14 December 2015. URL: <http://news.err.ee/v/politics/1b199f58-abaf-4769-88ec-90556a955687/ilves-russia-will-not-attack-baltic-nations> (дата обращения: 15.12.2016).
23. *Full Speech*: President-Elect Donald Trump "Thank you" Rally in Cincinnati, Ohio // Information Clearing House. 05 December 2016. URL: <http://www.informationclearinghouse.info/article45976.htm> (дата обращения: 05.12.2016).
24. *Friedman G.* Europe: Destined for Conflict? // The Chicago Council on Global Affairs. URL: <https://globalaffairspress.com/2016/05/23/the-chicago-council-on-global-affairs-george-friedman-europe-destined-for-conflict/> (дата обращения: 11.10.2016).
25. *Many* NATO Countries Reluctant to Use Force to Defend Allies // PewResearchCentre. 08 June 2015. URL: <http://www.pewglobal.org/2015/06/10/nato-publics-blame-russia-for-ukrainian-crisis-but-reluctant-to-provide-military-aid/russia-ukraine-report-46/> (дата обращения: 16.12.2016).
26. *Minister*: Poland Wants NATO-Russia Deal Scrapped // DefenseNews. 25 November 2015. URL: <http://www.defensenews.com/story/defense/2015/11/25/minister-poland-wants-nato-russia-deal-scrapped/76395554/> (дата обращения: 15.12.2016).
27. *Pristatyta* Rusijos sulaikymo strategija Baltijos regione // Bernardinai.lt. URL: <http://www.bernardinai.lt/straipsnis/2015-11-13-pristatyta-rusijos-sulaikymo-strategija-baltijos-regione/137271> (дата обращения: 21.11.2016).
28. *Stoicescu K.* Russian threat to Security in the Baltic Sea Region // RKK ICDS. October 2015. URL: <http://www.icds.ee/publications/article/the-russian-threat-to-security-in-the-baltic-sea-region/> (дата обращения: 21.11.2016).
29. *Bajarnas E., Haab M., Viskne I.* The Baltic States: security and defence after independence / ed. by Peter van Ham // Chaillot Papier. 1995. № 19.
30. *The Interview*: Henry Kissinger // The National Interest. August 19 2015. URL: <http://nationalinterest.org/feature/the-interview-henry-kissinger-13615?page=3> (дата обращения: 15.12.2016).

Об авторах

Вадим Воловой, доктор политологии, лектор, Университет им. Миколаса Рёмериса, Литва.

E-mail: vadim@geopolitika.lt

Ирина Александровна Баторшина, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Российский институт стратегических исследований, Москва, Россия.

E-mail: ibatorshina@rambler.ru

Для цитирования:

Воловой В., Баторшина И. А. Система безопасности в Балтийском регионе как проекция глобального противостояния России и США // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 1. С. 27—43. doi: 10.5922/2074-9848-2017-1-2.

SECURITY IN THE BALTIC REGION AS A PROJECTION
OF GLOBAL CONFRONTATION BETWEEN RUSSIA AND THE USA

V. Volovoy*
I. A. Batorshina**

* *Mykolas Romeris University (MRU),
20 Ateities st., Vilnius, LT-08303, Lithuania*

** *Russian Institute for Strategic Studies,
15B, Flotskaya str., Moscow, 125413, Russia*

Submitted on 20 November 2016

This article considers the problem of security in the Baltic region, namely, that of Poland and the Baltics. The authors rely on the works of Karl Deutsch, Emanuel Adler, on Michael Barnett's theory of security communities and Barry Buzan's regional security complex theory, address Steven Mann's controlled chaos theory and the concept of Intermarium. Their starting assumption is that the situation in the Baltic depends largely on the politics of external powers — Russia and the United States, — being a projection of their global geopolitical confrontation.

The US strategy thus becomes a major part of the equation. The authors believe that since the end of the second Iraq war the American elite has been divided along ideological lines into adherents of the chaos theory and traditionalists thinking in terms of sharing control with the other centres of global power.

The US strategy in the Baltic region does not seek an open military conflict with Russia. On the contrary, the US strives to preserve the current level of confrontation between Russia and the EU, convincing the latter of the reality of the Russian threat. Countries that traditionally support confrontation with Russia, Poland and the Baltics, serve as a conduit for Washington strategy in Europe and a cordon sanitaire. This function is implemented through the Intermarium project meant to separate Russia from the EU. The four countries are rather active in this area, striving to attain the status of the US principal partners in the region and Europe in general.

To retaliate, Moscow does everything within its power to 'separate' Brussels from Washington, yet the US influence is still very strong in Europe.

Key words: Baltic region, regional security complex, Barry Buzan, US strategy, chaos theory, Intermarium, Russia-EU relations

References

1. *Pravo znat'*, 2015, *TV Center*, available at <https://www.youtube.com/watch?v=45puyE7x2AY> (accessed 03.10.2016). (In Russ.)
2. Korzinkina, S. 2016, Klintsevich: NATO prepares a base for a "global impact" on Russia, *Izvestia*, June 5, available at: <http://izvestia.ru/news/616778#ixzz4GZC1JrPI> (accessed 18.12.2016). (In Russ.)
3. Fomichev, M. 2016, Korochenko: NATO prepares for real war, *RIA Novosti*, May 6, available at: http://ria.ru/radio_brief/20160506/1427964205.html (accessed 18.12.2016). (In Russ.)
4. Mann, S.R. 1992, *Chaos Theory and Strategic Thought*, available at: <http://spkurdyumov.ru/what/mann/> (accessed 21.11.2016). (In Russ.)

5. *Grėsmių nacionaliniam saugumui vertinimas*, 2016, available at: <http://www.vsd.lt/Files/Documents/635948635773762500.pdf> (accessed 18.12.2016).
6. Estonian Information Board «International Security and Estonia, 2016, p. 9, available at: <https://www.teabeamet.ee/pdf/2016-en.pdf> (accessed 18.12.2016).
7. Stent, A. 2015, *Pochemu Amerika i Rossiya ne slyshat drug druga. Vzglyad Vashingtona na noveishuyu istoriyu rossiisko-amerikanskikh otnoshenii* [Why America and Russia can not hear each other. Washington Looking at the recent history of Russian-American relations], Moscow. (In Russ.)
8. Timofeev, I. Russia and NATO in the Baltic, 2016, *Russian International Affairs Council*, 02 December 2016, available at: http://russiancouncil.ru/en/inner/?id_4=8445 (accessed 18.12.2016).
9. Russia's European supporters. In the Kremlin's pocket, 2015, *The Economist*, Feb 14, available at: <http://www.economist.com/news/briefing/21643222-who-backs-putin-and-why-kremlins-pocket> (accessed 18.12.2016).
10. National Security Concept Of The Russian Federation, 2000, available at: http://www.mid.ru/en/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk6B6BZ29/content/id/589768 (accessed 18.12.2016).
11. Juncker came to St. Petersburg Forum "build bridges", 2016, *BBC (Russia)*, June 16, available at: http://www.bbc.com/russian/news/2016/06/160616_russia_juncker (accessed 18.12.2016). (In Russ.)
12. Brockell, G. 2016, A transcript of Donald Trump's meeting with The Washington Post editorial board, *The Washington Post*, 21 March 2016, available at: <https://www.washingtonpost.com/blogs/post-partisan/wp/2016/03/21/a-transcript-of-donald-trumps-meeting-with-the-washington-post-editorial-board/> (accessed 18.12.2016).
13. Adler, E., Barnett, M. 1998, *Security Communities*, Cambridge, Cambridge University Press.
14. Adriatic-Baltic-Black sea initiative. A triangle of stronger partnership, 2015, Newsletter of the Office of the President of the Republic of Croatia, no. 2.
15. Andersson, J. 2015, Defence: solidarity, trust and threat perception, *European Union Institute for Security Studies*, July 2015. Available at: http://www.iss.europa.eu/uploads/media/Alert_33_Transatlantic_defence.pdf (accessed 21.11.2016).
16. Bekić, J., Funduk, M., 2016, The Adriatic-Baltic-Black Sea Initiative as the revival of "Intermarium", *IRMO Brief*, no. 2, available at: <http://www.irmo.hr/wp-content/uploads/2016/01/IRMO-Brief-2-2016.pdf> (accessed 21.11.2016).
17. Buzan, B., Waeber, O. 2003, *Regions and Powers. The Structure of International Security*, New York, Cambridge University Press.
18. Corbyn's Nato comments echo flak from Trump and across Europe, 2016, *The Financial Times*, 19 August 2016, available at: <https://www.ft.com/content/ce6f413a-660c-11e6-8310-ecf0bddad227> (accessed 21.11.2016).
19. Decade Forecast: 2015—2025, 2015, *Stratfor*, 23 February, available at: <https://www.stratfor.com/forecast/decade-forecast-2015-2025> (accessed 21.11.2016).
20. Deutsch, K. W., Burrell, S. A., Kann, R. 1957, *Political Community and the North Atlantic Area: International Organization in the Light of Historical Experience*, Princeton, NJ, Princeton University Press.
21. Krishnadev C. 2016, Donald Trump's Choice for National Security Adviser Has One Priority: Combatting 'Radical Islamic Terrorism', *The Atlantic*, 18 November 2016, available at: <http://www.theatlantic.com/news/archive/2016/11/michael-flynn-trump-national-security-adviser/508115/> (accessed 18.12.2016).
22. Laats, J.M. 2015, Ilves: Russia will not attack Baltic nations, *Eesti Rahvusringhääling*, 14 December 2015, available at: <http://news.err.ee/v/politics/1b199f58-abaf-4769-88ec-90556a955687/ilves-russia-will-not-attack-baltic-nations> (accessed 15.12.2016).

23. Full Speech: President-Elect Donald Trump "THANK YOU" Rally in Cincinnati, Ohio, 2015, *Clearing House*, 05 December 2016, available at: <http://www.informationclearinghouse.info/article45976.htm> (accessed 05.12.2016).

24. Friedman G., «Europe: Destined for Conflict?», 2016, *Global Affairs Press*, May 23, available at: <https://globalaffairspress.com/2016/05/23/the-chicago-council-on-global-affairs-george-friedman-europe-destined-for-conflict/> (accessed 11.10.2016).

25. Many NATO Countries Reluctant to Use Force to Defend Allies, 2015, *PewResearchCentre*, 08 June 2015, available at: <http://www.pewglobal.org/2015/06/10/nato-publics-blame-russia-for-ukrainian-crisis-but-reluctant-to-provide-military-aid/russia-ukraine-report-46/> (accessed 16.12.2016).

26. Minister: Poland Wants NATO-Russia Deal Scrapped, 2015, *Agence France-Presse*, November 25, available at: <http://www.defensenews.com/story/defense/2015/11/25/minister-poland-wants-nato-russia-deal-scrapped/76395554/> (accessed 15.12.2016).

27. Pristatyta Rusijos sulaikymo strategija Baltijos regione, 2015, Bernardinai.lt, available at: <http://www.bernardinai.lt/straipsnis/2015-11-13-pristatyta-rusijos-sulaikymo-strategija-baltijos-regione/137271> (accessed 21.11.2016).

28. Stoicescu, K. 2015, Russian threat to Security in the Baltic Sea Region, *RKK ICDS*, October 6, available at: <http://www.icds.ee/publications/article/the-russian-threat-to-security-in-the-baltic-sea-region/> (accessed 21.11.2016).

29. Bajarnas, E., Haab, M., Viskne, I. 1995, The Baltic States: security and defence after independence, *Chaillot Papier*, no. 19.

30. Heilbrunn, J. 2015, The Interview: Henry Kissinger, *The National Interest*, 19 August, available at: <http://nationalinterest.org/feature/the-interview-henry-kissinger-13615?page=3> (accessed 15.12.2016).

The authors

Dr Vadim Volovoy, lecturer, Mykolas Romeris University (MRU), Lithuania.

E-mail: vadim@geopolitika.lt

Dr Irina A. Batorshina, Research Associate, Russian Institute for Strategic Studies, Russia.

E-mail: ibatorshina@rambler.ru

To cite this article:

Volovoy, V., Batorshina, I.A. 2017, Security in the Baltic Region as a Projection of Global Confrontation between Russia and the USA, *Balt. reg.*, Vol. 9, no. 1, p. 27—43. doi: 10.5922/2074-9848-2017-1-2.

**МЕХАНИЗМ
ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ
СОВРЕМЕННОЙ
ПОЛЬШИ:
ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ
АНАЛИЗ**

Я. А. Ворожеина*

Посредством анализа политико-правовой базы внешней политики современной Польши определяется специфика внешнеполитического механизма Республики. Уделяется особое внимание полномочиям в сфере внешней политики правительства и министра иностранных дел в частности, внешнеполитической роли президента, а также порядку выработки внешнеполитической стратегии Польши. Отдельно рассматривается роль органов местного самоуправления в процессе реализации внешнеполитического курса РП.

Показывается специфика внешнеполитического механизма Польши, в частности указывается на его потенциальную нестабильность в связи с многоуровневостью порядка принятия решений, а также недостаточно конкретным разграничением в Конституции Республики полномочий в области внешней политики между правительством и президентом, что, в свою очередь, создает поле для политических конфликтов между двумя институтами государственной власти. Отмечается, что эффективность функционирования внешнеполитического механизма Польши напрямую зависит от характера взаимоотношений правительства и президента страны и требует постоянного достижения консенсуса по ключевым вопросам, касающимся внешней политики. Выявляется значимое влияние внутриполитической конъюнктуры на действие механизма внешней политики Польши и, как следствие, на специфику поведения Республики в международных отношениях.

* Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236041, Россия, Калининград,
ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 15.09.2016 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2017-1-3

© Ворожеина Я. А., 2017

Ключевые слова: Республика Польша, политико-правовой механизм реализации внешней политики Польши, Министерство иностранных дел Польши, внешнеполитические полномочия правительства Польши, внешнеполитические полномочия президента Польши

В настоящее время в связи со значительными внутривнутриполитическими изменениями в Республике Польша — приходом к власти в 2015 году правой консервативной партии «Право и справедливость», являющейся идеологическим антагонистом партии «Гражданская платформа»¹ — существенную трансформацию претерпевает также внешнеполитический курс официальной Варшавы. Чуть более чем за полгода после вступления к своим обязанностям нового правительства, сформированного партией «Право и справедливость», во внешнеполитическом курсе Польши произошел ряд серьезных изменений. Так, подготовка и проведение новым правительством Республики реформ, касающихся прежде всего внутривнутриполитической сферы, спровоцировало возникновение и развитие продолжающегося до сих пор кризиса отношений на линии Варшава-Брюссель². Произошли негативные изменения внешнеполитического курса официальной Варшавы в отношении России, что уже нашло выражение в приостановке на неопределенный срок Польшей действия режима местного приграничного передвижения с Калининградской областью. Охлаждены отношения также на линии Варшава-Киев, после признания Сеймом Польши «Волынской трагедии» геноцидом польского народа [18].

Примеров изменений, происходящих во внешнеполитическом курсе официальной Варшавы, кроме указанных выше, можно привести много, что, безусловно, говорит о том, что «новая» польская внешняя политика становится все более актуальным объектом исследований. В данном контексте внимания заслуживает тот факт, что основной интерес отечественных исследователей как к внешней политике Польши, так и в целом к международным отношениям в регионе Центрально-Восточной Европы, сосредоточен на анализе концептуальных истоков польской иностранной политики, конкретных внешнеполитических действий, исторических аспектов и пр. Однако вопросам, касающимся непосредственно политико-правового механизма формирования и реализации внешней политики современной Польши, отечественными исследователями внимания практически не уделяется. Текущий же процесс трансформации внешнеполитического курса Польши еще более актуализирует потребность в понимании системы, определяющей порядок формирования и реализации внешней политики Республики, а также в выделении акторов (обладающих равновесными возможностями политического влияния), наделенных полномочиями в данной сфере. Поэтому в настоящей статье рассматривается политико-правовая специфика функционирования внешнеполитического механизма Республики

¹ «Гражданская платформа» — на текущий момент крупнейшая оппозиционная партия Польши, являлась правящей партией коалиционных правительств с 2007 по 2015 год.

² Речь идет прежде всего о реформе Конституционного Трибунала Польши, которая повлекла за собой острую реакцию в отношении Республики официального Брюсселя.

Польша, а также выделяются конкретные институты государственной власти, уполномоченные на осуществление внешнеполитического курса страны.

Принципы реализации внешней политики Польши определяются Конституцией Республики от 2 апреля 1997 года. Компетенциями в области различного рода вопросов, непосредственно или опосредованно связанных с процессами формирования и реализации внешнеполитического курса страны, наделены министр иностранных дел и Совет министров, президент, нижняя и верхняя палаты польского парламента (Сейм и Сенат соответственно), а также, что примечательно, органы местного самоуправления.

Несмотря на то что акторов, уполномоченных на участие во внешнеполитической деятельности несколько, непосредственно «право реализации внешней политики» предписано только Совету министров, то есть правительству Республики [9]. Вместе с тем Конституция Республики не закрепляет ни за главой правительства, ни за министром иностранных дел всего спектра полномочий, необходимых для всестороннего исполнения данной компетенции. Кроме того, отсутствует исчерпывающая конкретизация данного конституционного полномочия, что осложняет его корректную интерпретацию. Согласно основному закону Польши реализация внешней политики предполагает общее координирование в сфере отношений с иными государствами и международными организациями. За правительством закреплены компетенции «заключения международных договоров, требующих ратификации, а также утверждения и денонсации иных международных договоров» [9, art. 146]. Иные положения, способные дополнить или раскрыть содержание столь многозначной формулировки как «право на реализацию внешней политики», Конституцией Польши не предусмотрены.

Ключевыми акторами, уполномоченными на фактическую реализацию внешней политики РП, являются Министерство иностранных дел, а также дипломатические учреждения за границей. Подробным образом компетенции главы внешнеполитического ведомства Польши закреплены законом от 4 сентября 1997 года «О действиях правительственной администрации» [27]. Настоящим законом Министерству иностранных дел и главе внешнеполитического ведомства предписан широкий спектр обязательств, среди которых: координация внешней политики Польши; поддержание отношений с другими государствами и международными организациями; представление и защита интересов Польши за рубежом (в том числе в судах и международных трибуналах); поддержка деятельности, способствующей формированию благоприятного имиджа польской экономики, культуры, языка, туризма, науки и др. [27]. Отдельный же интерес представляет дополнение к указанным полномочиям, в соответствии с которым глава внешнеполитического ведомства ответственен за ежегодную разработку, согласование и представление на рассмотрение Совета министров и Сейма официального документа, содержащего основные направления и цели внешней политики Польши, а также стратегию продвижения интересов Респуб-

лики на следующий год. В дополнении также определена необходимость подготовки и представления Совету министров долгосрочных стратегий в сфере иностранных дел государства. Это, в свою очередь, позволяет закрепить за МИД Польши и его главой в целом ключевую роль в формировании содержательной части, как внешнеполитической повестки дня, так и долгосрочного стратегического курса внешней политики Республики. В данном контексте уместно упомянуть о существовании специального департамента Министерства иностранных дел — Департамента стратегии и планирования внешней политики, в задачи которого входит содействие главе МИД Польши в выработке содержания внешнеполитического курса.

Комплекс задач Департамента закреплен в организационном Положении о Министерстве иностранных дел Республики Польша. Так, в сфере ответственности данного структурного подразделения среди прочего находятся следующие задачи:

- анализ ключевых (с точки зрения польских национальных интересов) внешнеполитических направлений;
- подготовка внешнеполитической стратегии действий Польши в европейском и глобальном измерениях;
- подготовка средне- или долгосрочных внешнеполитических прогнозов;
- в сотрудничестве с иными структурами МИД подготовка ежегодной информации министра иностранных дел на тему внешней политики Польши;
- разработка стратегии политики Польши в рамках Европейского союза;
- обеспечение руководству Министерства иностранных дел постоянного доступа к информации, предоставленной разведывательными службами [31].

Кроме того, деятельность Департамента стратегии и планирования внешней политики МИД Польши сосредоточена не только на аналитических задачах, а также на регулирующих, среди которых:

- координация работы над стратегическими документами польской внешней политики;
- контроль над реализацией приоритетов и основ польской внешней политики;
- координация сотрудничества Министерства с государственными и зарубежными научными центрами, исследовательскими и аналитическими институтами³ [31].

Располагая представленным спектром задач, данный Департамент играет, безусловно, значительную роль в формировании стратегии внеш-

³ В данном положении в первую очередь речь идет о важнейших партнерах Департамента, выступающих экспертами по анализу внешнеполитических условий и выработке прогнозов — Польском институте международных дел и Институте Центрально-Восточной Европы.

ней политики Польши, будучи главным советником министра иностранных дел по вопросам концептуальной части стратегического плана, а также непосредственно связующим звеном между внешнеполитическим ведомством и сообществами польских экспертов в области международных отношений.

Вместе с тем, несмотря на существенные полномочия МИД Польши в правовом измерении, необходимо подчеркнуть, что и кадровая политика внешнеполитического ведомства, и подбор экспертных сообществ напрямую зависимы от установленной политической конъюнктуры. Так, победа на парламентских выборах новой политической силы в Польше автоматически обозначает не только смену главы внешнеполитического ведомства, но и основной части штата МИД (генерального директора дипломатической службы, государственных секретарей и их заместителей). Это говорит о непосредственной зависимости курса проводимого Министерством иностранных дел от идеологического вектора партии, формирующей правительство Польши. Примечательно также и то, что за всю историю современной Польши пост министра иностранных дел профессиональные дипломаты занимали всего четырежды⁴, в свою очередь, остальные восемь экс-глав внешнеполитического ведомства Республики до назначения на пост были политиками, учеными или экономистами.

Нельзя не сказать о том, что до 1997 года (принятия актуальной Конституции Польши) все главы польского внешнеполитического ведомства являлись так называемыми президентскими министрами, в связи с тем что премьер Республики имел обязательство предложения кандидатуры министра иностранных дел на одобрение президенту. Настоящая же Конституция от 1997 года не предусматривает данной компетенции президента.

Ныне президент, будучи высшим представителем Республики, располагает хоть и весомыми, но недостаточно конкретизированными полномочиями в области внешней политики. Так, в соответствии с основным законом Республики президент в сфере внешней политики должен сотрудничать с председателем Совета министров и главой профильного ведомства [9, art. 133]. Однако содержание понятия «сотрудничество» в данном контексте в Конституции Польши не уточнено, что служит причиной ситуационных интерпретаций этого положения. Примечательно, что в отдельный период истории современной Польши это становилось одним из поводов к открытым конфликтам между президентом и председателем правительства, представляющих антагонистически настроенные друг к другу политические силы, неспособные достигнуть консенсуса по внешнеполитическим вопросам. Так, в ок-

⁴ Значительный опыт дипломатической работы до назначения на пост главы внешнеполитического ведомства Польши имели Владислав Бартошевский (министр иностранных дел в 1995-м и 2000—2001 гг.), Адам Ротфельд (министр иностранных дел в 2005 г.), Стэфан Меллер (министр иностранных дел в 2005—2006 гг.) и нынешний министр иностранных дел Витольд Вашиковский.

тябре 2008 года спор разразился между президентом Польши Лехом Качиньским («Право и справедливость») и председателем Совета министров Дональдом Туском (лидером партии «Гражданская платформа»). Конфликтная ситуация возникла не только по причине их политического противостояния, но и вследствие объективных сложностей при конституционно обоснованном определении представителя Польши на форуме Европейского совета. Спор в данном случае касался вопроса о том, имеет ли президент конституционное право представления Республики на заседаниях Европейского совета [19; 20].

Разрешило данную конфликтную ситуацию постановление Конституционного Трибунала Польши, согласно которому президент, правительство и премьер при исполнении своих конституционных задач в сфере внешней политики должны руководствоваться положением о взаимодействии властей. Кроме того, было признано, что президент как высший представитель Республики может самостоятельно принимать решение о своем участии в заседаниях Европейского совета. Однако в это же время в постановлении подчеркнуто, что президент не располагает полномочиями на самостоятельное осуществление внешней политики Республики⁵ [15].

Неоднократно противостояние президента Л. Качиньского и премьера Д. Туска проявлялось в их внешнеполитической риторике: они демонстрировали или существенно отличающиеся, или даже противоположные взгляды на приоритеты внешней политики, на конкретные события, происходящие на международной арене, а также на роль Польши в них. Так, например Д. Туск выступал в качестве активного сторонника развития польско-немецких отношений, в отличие от Л. Качиньского, занимавшего крайне скептическую позицию в оценке официального Берлина. Отличную позицию премьер и президент демонстрировали также в оценке вооруженного конфликта в Южной Осетии в августе 2008 года, когда Д. Туск дал критическую оценку участию Л. Качиньского в митинге в поддержку М. Саакашвили [10]. Конфронтация президента и премьера на внешнеполитическом поле стала также одной из причин разделения визита польской делегации в Катынь — на визит премьера Д. Туска 7 апреля и трагически известный визит президента Л. Качиньского 10 апреля 2010 года.

Указанные выше примеры показывают, что конституционное положение о взаимодействии и сотрудничестве в вопросах внешней политики при условиях политической конфронтации президента и правитель-

⁵ В данном контексте стоит внимания также то, что Конституцией Польши не закреплено положений, определяющих представителя страны в институтах Европейского союза. Исследователи современной правовой системы Польши Лех Мажевский и Мариан Гжибовский отмечают, что особые сложности вызывает процесс разработки и подписания текстов трактатов ЕС, связанных с вопросами безопасности и совместной внешней политики, так как в Конституции Польши не определено института, уполномоченного в данных вопросах [7, s. 14; 12, s. 14].

ства в Польше может применяться ситуативно. Иными словами, возможность сотрудничества в области внешней политики президента и премьера в условиях их политического противостояния напрямую зависит от конкретной ситуации. Так, совершенно иной характер внешнеполитический механизм Польши принял после победы летом 2010 года на досрочных президентских выборах Б. Коморовского («Гражданская платформа»), когда глава государства и правительство Республики стали представлять одну и ту же политическую силу. Вследствие отсутствия внешнеполитических амбиций президента Б. Коморовского, а также его идеологического единства с правительством внешнеполитический механизм Польши функционировал стабильно. В настоящее время, когда после прихода к власти в 2015 году партии «Право и справедливость» президент Польши А. Дуда и правительство аналогичным образом представляют одну политическую силу, внешнеполитический механизм Республики функционирует также стабильно и бесконфликтно. Стоит в этом контексте заметить, что именно условия полного контроля над механизмом формирования и осуществления внешней политики Республики позволили «Право и справедливость» трансформировать внешнеполитический курс Польши в соответствии со своим видением приоритетных направлений иностранной политики.

Фактически же, если опустить приведенные примеры и возможные сценарии расклада политических сил в Польше, сотрудничество президента, правительства и министра иностранных дел в вопросах формирования и осуществления внешней политики должно выражаться в согласовании различных решений. Например, в соответствии со статьей 17 закона от 27 июля 2001 года «О заграничной службе Республики Польша» президент назначает послов по ходатайству министра иностранных дел, которое, в свою очередь, должно быть заранее утверждено премьером Польши. Обязаны согласовывать между собой президент, премьер и министр иностранных дел Польши вопросы, касающиеся представления страны на международной арене, что прежде всего касается контактов с иными государствами, а также международными организациями, из которых в первую очередь стоит выделить НАТО и ООН.

Несмотря на возможность возникновения сложностей при определении обоснованной степени вовлеченности президента в реализацию внешней политики, необходимость согласования действий в данной сфере с премьером и министром иностранных дел, все же стоит подчеркнуть неоспоримость весомости внешнеполитической роли высшего представителя Польши. На основе Конституции президент не только верховный представитель государства, но и гарант непрерывности власти, соблюдения Конституции, защиты суверенитета и безопасности государства, а также неприкосновенности и целостности территории Польши [9, art. 126]. В соответствии с Конституцией Польши президент обладает рядом компетенций во внешнеполитических вопросах, из которых стоит выделить следующие:

- ратификация и денонсация международных договоров (при обязательном уведомлении Сейма и Сената);

- назначение и освобождение от должности уполномоченных представителей Республики Польша в зарубежных странах и международных организациях;

- принятие верительных грамот и аккредитованных при нем дипломатических представителей зарубежных стран и международных организаций [9, art. 133].

Среди представленных выше компетенций отдельный интерес вызывает право ратификации и денонсации международных договоров, которое также служит примером многоуровневости процесса принятия решений в области внешней политики Польши и необходимости сотрудничества уполномоченных в данной сфере институтов власти. Конституцией Республики закреплено, что прежде всего на ратификацию международного договора необходимо согласие правительства и обеих палат парламента, только потом — условно обязательное согласие президента. По мнению авторитетных исследователей конституционного права Польши профессора Леха Гарлицкого и профессора Рышарда Стемпловского, право отказа в ратификации международного договора, безусловно, усиливает значимость роли президента в процессе реализации внешнеполитической стратегии государства [5, s. 282; 23, s. 242]. До настоящего времени президент ни разу не отказал в ратификации международного договора, однако, например, в октябре 2015 года президент А. Дуда наложил вето на закон о ратификации Духийской поправки к Киотскому протоколу⁶ [17].

Бесспорно, что президент Польши способен оказывать существенное влияние на реализацию внешней политики страны. Однако непосредственно «право реализации» внешней политики Конституцией за высшим представителем Республики не закреплено, что дает возможность охарактеризовать внешнеполитическую роль президента в сравнении с ролью правительства Польши в правовом измерении в качестве второстепенной. Вместе с тем необходимо учитывать, какое влияние на функционирование внешнеполитического механизма Польши может оказать характер взаимоотношений президента и правительства Республики, а также их способность достигать консенсуса по ряду внешнеполитических вопросов, лежащих в сфере компетенций обоих указанных институтов государственной власти.

Необходимо также обратить внимание на то, что в измерении политическом (в отличие от правового измерения) внешнеполитическая роль президента Польши может быть доминирующей. Данная специфика механизма осуществления внешней политики Польши проявляется в настоящее время, когда президент Республики Анджей Дуда в силу своей внешнеполитической амбициозности демонстрирует большой динамизм в области международных отношений, чем премьер Беата Шидло или министр иностранных дел Витольд Вашиковский. Иными

⁶ В указанный период президент и правительство Польши представляли антагонистически настроенные друг другу политические силы — «Право и справедливость» и «Гражданская платформа» соответственно.

словами, президент Дуда, выступая с премьером и министром иностранных дел в политическом трио, благодаря высокой активности⁷ в области международных отношений претендует на ведущую внешнеполитическую роль, несмотря на фактическое отсутствие под этим правовой базы. На основе настоящего примера и указанных ранее стоит заключить, что даже в рамках ограниченных в правовом измерении внешнеполитических компетенций президент Польши в состоянии играть в области внешней политики более динамичную роль, нежели правительство, или вступать с ним как в конкуренцию, так и конфронтацию (в случае если президент и премьер представляют различные политические силы), что, в свою очередь, подчеркивает нестабильность политико-правового механизма данной страны⁸.

Нельзя не отметить, что возможностью влияния на процесс реализации внешней политики Польши обладают и обе палаты польского парламента [9, art. 89]. В соответствии с Конституцией Республики ратификация международных договоров требует одобрения Сейма и Сената, что говорит о зависимости функционирования механизма внешней политики Польши также от расстановки политических сил в парламенте страны.

Однако указанными выше акторами, взаимодействующими в процессе реализации внешнеполитического курса Польши, механизм внешней политики Республики не исчерпывается. Так, отдельного внимания стоит факт того, что компетенциями, которые можно отнести к сфере реализации внешней политики государства, Конституцией Польши также наделены органы местного самоуправления. Местное самоуправление РП имеет право вступать в международные ассоциации местного и регионального сотрудничества с местными и региональными сообществами других государств [9, art. 172]. Кроме того,

⁷ Сразу же после избрания на пост президента страны Анджей Дуда выступил с заявлением о своей будущей активности в области внешней политики, высказав идею о необходимости реализации Польшей так называемого внешнеполитического проекта «Междуморье». По настоящее время А. Дуда поддерживает высокий уровень внешнеполитической активности (в том числе и в отношении реализации проекта «Междуморье»), а также на таких проблемных направлениях как Украина и Германия), претендуя на собственное концептуальное видение внешней политики Польши [16; 30].

⁸ Как отмечает в своей работе «Политические институты и практики посткоммунизма в Центрально-Восточной Европе» И.Н. Тарасов, несовпадение политической ориентации главы государства и парламентского большинства в целом во всех постсоциалистических странах Центрально-Восточной Европы имеет свое выражение в особенностях процесса принятия решений как в области внутренней, так и внешней политики. Однако, как отмечает исследователь, ни в одной стране Центрально-Восточной Европы не рассматривалась возможность конституционных реформ, способных каким-либо образом исключить или минимизировать негативное влияние несовпадения политической ориентации президента и правительства на управление внутривнутриполитическими или внешнеполитическими процессами [2].

представительный орган воеводства — Сеймик воеводства — имеет обязательство по принятию приоритетов международного сотрудничества. В соответствии с положениями закона «О местном самоуправлении воеводства» от 05 июня 1998 года основой для внешней активности региона являются приоритеты международного сотрудничества. Приоритеты международного сотрудничества воеводства представляют собой постановление Сеймика, предварительно одобренное министром иностранных дел [28, art. 75]. Как предписано указанным законом, приоритеты международного сотрудничества воеводства должны определять:

- основные цели международного сотрудничества;
- географические приоритеты для будущего сотрудничества;
- планы по вступлению в международные региональные объединения [28, art. 75].

Международное сотрудничество воеводства с региональными сообществами других стран должно осуществляться в рамках его компетенций и в безоговорочном соответствии с внутренним законодательством, внешней политикой государства и его международными обязательствами. Примечательно, что за воеводствами закреплено право на инициативы в вопросах внешней политики, которые могут быть приняты к исполнению после согласования с министром иностранных дел Польши [28, art. 77]. Это говорит о том, что местное самоуправление Польши в состоянии принимать участие не только в реализации внешней политики, но в том числе и в формировании содержания внешней политики страны.

Воеводство может также вступать в международные ассоциации местных и региональных сообществ, предварительно получив на это одобрение министра иностранных дел Польши [26]. Интересно, что периодически представители органов местного самоуправления Польши поднимают ряд вопросов о расширении круга своих полномочий в сфере международного сотрудничества⁹ [21]. Вместе с тем следует заметить, что даже текущего ряда компетенций регионов Польши в сфере международного сотрудничества достаточно, чтобы иметь заметное влияние на осуществление внешней политики Республики в целом.

Стоит внимания также и то, что если в правовом измерении конфронтация в области внешней политики между правительством и органами самоуправления Польши невозможна, то в измерении политическом характер взаимодействия официальной Варшавы и регионов Польши по вопросам, касающимся сферы международных отношений, может приобретать различные окраски. Так, например, после приостановления режима местного приграничного передвижения между Республикой Польша и Российской Федерацией по инициативе официаль-

⁹ В частности, речь идет о сформулированной в 2012 году позиции конвента маршалов воеводств Польши, включающей положения о необходимости получения регионами Республики компетенции на принятие ряда решений без согласования с министром иностранных дел и повышения статуса права воеводств на инициативу в вопросах внешней политики.

ной Варшавы свое несогласие с данным решением выразил маршал Поморского воеводства Мечислав Струк, направив министру иностранных дел открытое письмо с рекомендациями о возобновлении действия МПП [13]. В данном контексте необходимо отметить, что маршал Поморского воеводства представляет оппозиционную правительству партию «Гражданская платформа», что еще раз подчеркивает зависимость специфики функционирования механизма внешней политики Польши от политической конъюнктуры в Республике. Однако в связи с тем что правовыми инструментами влияния на решения министерства иностранных дел Польши органы самоуправления не располагают, то, очевидно, что несогласие маршала Поморского воеводства с приостановлением режима местного приграничного передвижения представляет собой исключительно политический акт.

Выводы

Во внешнеполитический механизм Республики Польша вовлечено значительное количество акторов, располагающих как взаимодополняющими, так и тождественными компетенциями в области формирования и реализации внешней политики. Это позволяет охарактеризовать механизм осуществления внешней политики Польши как многоуровневый и сложно функционирующий. Отдельную специфику механизму осуществления внешней политики Польши придает также ряд внешнеполитических компетенций органов местного самоуправления, которые активным образом могут способствовать реализации конкретных приоритетов внешней политики Республики.

Несмотря на то что именно правительство Польши, наделенное наиболее широким спектром полномочий в сфере внешней политики, оказывает определяющее влияние на содержание внешнеполитического курса и его осуществление, необходимо отдать должное также внешнеполитической роли президента Республики, так как без его всестороннего сотрудничества с Советом министров не представляется возможным полноценное функционирование механизма иностранной политики страны.

Вместе с тем, если в правовом измерении внешнеполитическая роль президента Польши второстепенна по отношению к роли правительства, то в измерении политическом при определенных условиях глава Республики способен претендовать на ведущую роль во внешней политике. Указанное является одним из факторов, обуславливающих потенциальную нестабильность механизма формирования и реализации внешней политики Республики, что необходимо учитывать не только исследователям, но и практикам в области международных отношений.

Специфика механизма осуществления внешней политики современной Польши определяет прямую зависимость его эффективного функционирования от политической принадлежности и взаимоотношений правительства и президента страны, а также расстановки политических сил в парламенте. Так, внешняя политика Польши при условии

антагонистических взаимоотношений президента и правительства является потенциальным полем для внутривластного противостояния, что может оказывать существенное влияние на поведение Республики на международной арене. Необходимо заметить, что политическая ситуация в Польше оказывает непосредственное влияние на характер действия механизма осуществления внешней политики даже при неизменности правовых условий его функционирования.

В настоящих политических условиях, сложившихся в Польше, когда президент и правительство представляют одну и ту же политическую силу, функционирование внешнеполитического механизма Республики можно охарактеризовать как стабильное. Однако не исключено, что характер действия внешнеполитического механизма Польши может претерпевать значительные изменения в связи с высокой активностью президента А. Дуды в области формирования и реализации внешней политики страны.

Список литературы

1. *Внешняя политика: вопросы теории и практики* : матер. науч. семинара. М., 2009.
2. *Тарасов И. Н.* Политические институты и практики посткоммунизма в Центрально-Восточной Европе. Саратов, 2009.
3. *Allison G.* Essence of decision: explaining the Cuban missile crisis. Boston, 1971.
4. *Bieleń S.* Deficyt realizmu w polskiej polityce zagranicznej. Stosunki Międzynarodowe // International Relations. 2008. Т. 38, № 3—4. S. 9—29.
5. *Garlicki L.* Polskie prawo konstytucyjne. Zarys wykładu. Warszawa, 2004.
6. *Grodzki R.* Polska polityka zagraniczna w XX i XXI wieku. Główne kierunki — fakty — ludzie — wydarzenia. Zakrzewo, 2009.
7. *Grzybowski M.* Role ustrojowe Prezydenta RP w kontekście członkostwa w Unii Europejskiej. PiP, 2004. Z. 7.
8. *Kaczyński M. P.* Polska polityka zagraniczna z lat 2005—2007: co po konsensie? Warszawa, 2008.
9. *Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 2 kwietnia 1997 r.*, Dz.U. 2009. № 114. Poz. 946.
10. *Lech Kaczyński* kontra Donald Tusk. URL: <http://wpolityce.pl/polityka/154481-lech-kaczynski-kontra-donald-tusk-konflikt-rosyjsko-gruzinski-ujawnil-roznicew-ocenie-sposobu-prowadzenia-polityki-wobec-rosji-miedzy-rzadem-i-prezydentem> (дата обращения: 20.08.2016).
11. *Łoś-Nowak T.* Polityka zagraniczna Rzeczypospolitej Polskiej: wyzwania i zagrożenia fazy transformacji ustrojowej, (w:) Polityka w Polsce w latach 90. Wybrane problemy, pod red. A. Antoszewskiego i R. Herbuta. Wrocław, 1998.
12. *Mażewski L.* Prowadzenie polityki zagranicznej w Rzeczypospolitej Polskiej. RPEiS, 2009. Z. 3.
13. *Pismo Marszałka Struka* ws. małego ruchu granicznego. URL: <http://www.dziennikbaltycki.pl/aktualnosci/a/pismo-marszalka-struka-ws-malego-ruchu-granicznego,10484418/> (дата обращения: 20.08.2016).
14. *Pomianowski J.* Priorytety polskiej polityki zagranicznej a aktywność międzynarodowa samorządów. URL: https://www.umww.pl/attachments/article/38240/SOKWMS_1_publicacja.pdf (дата обращения: 20.08.2016).

15. *Postanowienie* Trybunału Konstytucyjnego z dnia 20 maja 2009 r. sygn. akt Kpt 2/08, M. P. 2009. № 32—1748. Poz. 478.

16. *Prezydent* Andrzej Duda buduje «Międzymorze» — Polska ma szansę być potęgą. URL: <https://thehumanitypress.wordpress.com/2015/11/05/prezydent-andrzej-duda-buduje-miedzymorze-polska-ma-szansę-być-potęga/> (data обращения: 20.08.2016).

17. *Prezydent* Duda zawetował ustawę o ratyfikacji tzw. poprawki dauhańskiej do Protokołu z Kioto. URL: <http://www.polskieradio.pl/42/273/Artykul/1536921,Prezydent-Duda-zawetował-ustawę-o-ratyfikacji-tzw-poprawki-dauhanskiej-do-Protokolu-z-Kioto> (data обращения: 20.08.2016).

18. *Sejm* przyjął uchwałę o Wołyniu ze stwierdzeniem o ludobójstwie. URL: <http://www.polskieradio.pl/5/3/Artykul/1646377,Sejm-przyjął-uchwałę-o-Wołyniu-ze-stwierdzeniem-o-ludobójstwie> (data обращения: 20.08.2016).

19. *Spór* kompetencyjny między premierem a prezydentem w Trybunale. URL: http://prawo.gazetaprawna.pl/artykuly/167596,spor_kompetencyjny_miedzy_premierem_a_prezydentem_w_trybunale.html (data обращения: 20.08.2016).

20. *Spór* premiera i prezydenta o szczyt UE. URL: <http://www.polityka.pl/tygodnikpolityka/kraj/270698,1,spor-premiera-i-prezydenta-o-szczyt-ue.read> (data обращения: 20.08.2016).

21. *Stanowisko* Konwentu Marszałków Województw RP w sprawie współdziałania administracji rządowej oraz województw w zakresie inicjatyw współpracy międzynarodowej z dnia 17 kwietnia 2012 r. URL: <http://zwrp.pl/pl/o-zwzp/organy/konwent-marszalkow-wojewodztw-rp-rada-programowa/stanowiska/9004-stanowisko-konwentu-marszalkow-wojewodztw-rp-acut-nowa-wie645.html> (data обращения: 20.08.2016).

22. *Stemplowski R.* Kształtowanie polskiej polityki zagranicznej. Wstęp do analizy. Warszawa, 2004.

23. *Stemplowski R.* O konstytucyjnym pojęciu prowadzenia polityki // Przegląd Sejmowy. 2007. № 4(81). S. 229—253.

24. *Swianiewicz P.* Kontakty międzynarodowe samorządów // Samorząd terytorialny, 2005. № 10. S. 7—27.

25. *Szmigiel K.* Regionalne po co i z kim? Relacje międzynarodowe samorządów województw. Warszawa, 2009.

26. *Ustawa* z dnia 15 września 2000 r. o zasadach przystępowania jednostek samorządu terytorialnego do międzynarodowych zrzeszeń społeczności lokalnych i regionalnych, Dz. U. 2000. № 91. Poz. 1009.

27. *Ustawa* z dnia 4 września 1997 r. o działach administracji rządowej, Dz. U. 1997. № 141. Poz. 943.

28. *Ustawa* z dnia 5 czerwca 1998 r. o samorządzie województwa, Dz. U. 2016.0.486.

29. *Uwarunkowania* i kierunki polskiej polityki zagranicznej w pierwszej dekadzie XXI wieku / pod red. Wolański M. S. Wrocław, 2004.

30. *Wizyta* prezydenta Polski na Ukrainie. URL: <http://wiadomosci.wp.pl/kat,1025897,title,Wizyta-prezydenta-Polski-na-Ukrainie-Duda-przedstawil-ambitna-wizje-geopolityki-chce-silnego-paktu-panstw-Trojmorza,wid,18478600,wiadomosc.html?tid=117a74> (data обращения: 20.08.2016).

31. *Zarządzenie* nr 5 Ministra Spraw Zagranicznych z dnia 25 marca 2013 r. w sprawie nadania regulaminu organizacyjnego Ministerstwu Spraw Zagranicznych, Dz. Urz. Min. Spraw Zagr. z 2013 r. poz. 4, z późn. zm.

32. *Zięba R.* Uwarunkowania polityki zagranicznej Polski na początku drugiej dekady XXI wieku. Stosunki Międzynarodowe // International Relations. 2011. T. 43, № 1—2. S. 9—37.

Об авторе

Яна Антановна Ворожеина, аспирант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: j.worozheina@gmail.com

Для цитирования:

Ворожеина Я. А. Механизм осуществления внешней политики современной Польши: политико-правовой анализ // Балтийский регион. 2017. Т. 9, №1. С. 44—59. doi: 10.5922/2074-9848-2017-1-3.

POLAND'S FOREIGN POLICY MECHANISMS: LEGAL FRAMEWORK AND POLICY ANALYSIS

Y. A. Vorozheina*

** *Immanuel Kant Baltic Federal University*
14 A. Nevskogo ul., Kaliningrad, 236041, Russia

Submitted on September 15, 2016

This article describes the features of Poland's foreign policy. Special attention is paid to the foreign policy mandate of the president, government, and minister of foreign affairs and the procedure for devising Poland's foreign policy strategy. Another focus is the contribution of local government to Poland's foreign policy.

The author describes the features of Poland's foreign policy mechanism and emphasises its potential instability associated with a multi-tier decision-making procedure and blurred boundaries between foreign policy mandates conferred by the Constitution upon the government and president. The latter creates a potential for institutional conflict. It is stressed that the efficiency of Poland's foreign policy mechanism is strongly affected by the relations between the government and the president and requires consensus on all major foreign policy issues. The author emphasises the effect of the domestic policy situation on Polish foreign policy mechanism and, as a result, the Republic's stance in the international arena.

Key words: Republic of Poland, Poland's foreign policy, foreign policy mechanism, foreign policy powers

References

1. Tsygankov, P. A. (ed.) 2009, *Vneshnjaja politika: voprosy teorii i praktiki. Materialy nauchnogo seminaru* [Foreign policy: Theory and practice. Seminar materials, Series: «Nauchnye seminaru», «Kruglye stoly», «Diskussii», Vol. VIII. (In Russ.)
2. Tarasov, I. N. 2009, *Politicheskie instituty i praktiki postkommunizma v Central'no-Vostochnoj Evrope* [Political institutions and practice of post-communism in Central-Eastern Europe], Saratov. (In Russ.)
3. Allison, G. 1971, *Essence of decision: explaining the Cuban missile crisis*, Boston, Little Brown.
4. Bieleń, S. 2008, Deficyt realizmu w polskiej polityce zagranicznej // *Stosunki Międzynarodowe, International Relations*, Warszawa. Vol. 38, no. 3—4, p. 9—29.

5. Garlicki, L. 2004, *Polskie prawo konstytucyjne. Zarys wykładu*, Warszawa.
6. Grodzki, R. 2009, *Polska polityka zagraniczna w XX i XXI wieku. Główne kierunki — fakty — ludzie — wydarzenia* [Poland's foreign policy in the 20th and 21st century. The main directions — facts — people — events], Zakrzewo.
7. Grzybowski, M. 2004, *Role ustrojowe Prezydenta RP w kontekście członkostwa w Unii Europejskiej* [Constitutional roles of President of Poland in the context of membership in European Union], PiP, p. 7.
8. Kaczyński, M. P. 2008, *Polska polityka zagraniczna z lat 2005—2007: co po konsensie?* [Poland's foreign policy in 2005—2007, what is after the consensus?], Warszawa, Instytut Spraw Publicznych.
9. *Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 2 kwietnia 1997 r.* [The Constitution of the Republic of Poland of 2 April 1997], Dz.U. 2009r. nr 114 poz. 946.
10. Dudek, A. 2013, Lech Kaczyński kontra Donald Tusk, *Wpolityce.pl*, available at: <http://wpolityce.pl/polityka/154481-lech-kaczynski-kontra-donald-tusk-konflikt-rosyjsko-gruzinski-tujawnil-roznice-w-ocenie-sposobu-prowadzenia-polityki-wobec-rozji-miedzy-rzadem-i-prezydentem> (accessed 20 August 2016).
11. Łoś-Nowak, T. 1998, *Polityka zagraniczna Rzeczypospolitej Polskiej: wyzwania i zagrożenia fazy transformacji ustrojow.* In: Antoszewski, A., Herbut, R. (eds.) *Polityka w Polsce w latach 90. Wybrane problemy*, Wrocław, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego.
12. Mażewski, L. 2009, *Prowadzenie polityki zagranicznej w Rzeczypospolitej Polskiej* [Conducting foreign policy in the Republic of Poland], RPEiS, p. 3.
13. Pismo Marszałka Struka ws. małego ruchu granicznego [The letter of Marshal Struk about local border traffic], 2016, *Dziennik Bałtycki*, available at: <http://www.dziennikbaltycki.pl/aktualnosci/a/pismo-marszalka-struka-ws-malego-ruchu-granicznego,10484418/> (accessed 20 August 2016).
14. Pomianowski, J. 2012, *Priorytety polskiej polityki zagranicznej a aktywność międzynarodowa samorządów* [Priorities of Poland's foreign policy and international activity of local governments.], *Współpraca międzynarodowa samorządów a priorytety polskiej polityki zagranicznej*, Materiały pokonferencyjne, Pierwsze posiedzenie w Poznaniu, 15 listopada 2012 r. Pierwsze posiedzenie w Poznaniu, 15 listopada 2012 r., p. 8—11, available at: https://www.umww.pl/attachments/article/38240/SOKWMS_1_publicacja.pdf (accessed 20 August 2016).
15. *Postanowienie Trybunału Konstytucyjnego z dnia 20 maja 2009 r.* sygn. akt Kpt 2/08 [The decision of the Constitutional Court dated 20 May 2009 ref. No. 2/08], M. P. 2009 nr 32—1748 — poz. 478.
16. *Prezydent Andrzej Duda buduje «Międzymorze» — Polska ma szansę być potęgą*, 2015, [President Andrzej Duda builds «Intermarium» — Poland has a chance to be a power], available at: <https://thehumanitypress.wordpress.com/2015/11/05/prezydent-andrzej-duda-buduje-miedzymorze-polska-ma-szansę-być-potęga/> (accessed 20 August 2016).
17. *Prezydent Duda zawetował ustawę o ratyfikacji tzw. poprawki dauhańskiej do Protokołu z Kioto* [President Duda vetoes the Doha amendment to the Kyoto protocol], 2015, *PolskieRadio.pl*, available at: <http://www.polskieradio.pl/42/273/Artykul/1536921,Prezydent-Duda-zawetował-ustawę-o-ratyfikacji-tzw-poprawki-dauhanskiej-do-Protokołu-z-Kioto> (accessed 20 August 2016).
18. *Sejm przyjął uchwałę o Wołyniu ze stwierdzeniem o ludobójstwie* [Parliament adopted a resolution on Volyn with the statement about the genocide], 2016, *PolskieRadio.pl*, available at: <http://www.polskieradio.pl/5/3/Artykul/1646377,Sejm-przyjął-uchwałę-o-Wołyniu-ze-stwierdzeniem-o-ludobójstwie> (accessed 20 August 2016).
19. *Żączkiewicz, K. 2009, Spór kompetencyjny między premierem a prezydentem w Trybunale* [The powers dispute between the prime minister and president

in Trybunale], *Gazetaprawna. pl*, available at: http://prawo.gazetaprawna.pl/artykuly/167596,spor_kompetencyjny_miedzy_premierem_a_prezydentem_w_trybunale.html (accessed 20 August 2016).

20. Zagner, A. 2008, Spór premiera i prezydenta o szczyt UE [The dispute between the prime minister and the president over the EU summit], *Polityka*, available at: <http://www.polityka.pl/tygodnikpolityka/kraj/270698,1,spor-premiera-i-prezydenta-o-szczyt-ue.read> (accessed 20 August 2016).

21. The position of the Convent of Marshals of Poland on cooperation of government and the voivodships in the initiatives of international cooperation on 17 April 2012, 2012, *Związek Województw Rzeczypospolitej Polskiej*, available at: [http://zwrp.pl/pl/o-zwrp/organy/konwent-marszalkow-województw-rp-rada-programowa/ stanowiska/9004- stanowisko-konwentu-marszakw-województw-rp-acut-nowa-wie645.html](http://zwrp.pl/pl/o-zwrp/organy/konwent-marszalkow-województw-rp-rada-programowa/stanowiska/9004- stanowisko-konwentu-marszakw-województw-rp-acut-nowa-wie645.html) (accessed 20 August 2016).

22. Stemplowski, R. 2004, *Kształtowanie polskiej polityki zagranicznej. Wstęp do analizy* [Formation of Poland's foreign policy. Introduction to the analysis]. Warszawa.

23. Stemplowski, R. 2007, Constitutional concept of pursuing a policy, *Przeгляд Сеймовы*, no. 4(81).

24. Swianiewicz, P. 2005, International contacts of local governments, *Samorząd terytorialny*, no. 10.

25. Szmigielski, K. 2009, *Regionalne po co i z kim? Relacje międzynarodowe samorządów województw* [Why regional cooperation and with whom? International relations of regional authorities], Warszawa, Geoprofit.

26. The Act of 15 September 2000 on the principles of joining the local government units to international associations of local and regional authorities, 2000, *Dz. U.*, no. 91, poz. 1009.

27. The Act of 4 September 1997 on activity of government administration, 1997, *Dz. U.*, no. 141, poz. 943.

28. The Act of June 5, 1998 on local governments, 2016, *Dz. U.*, 2016.0.486.

29. Wolański, M. S. (ed.) 2004, *Uwarunkowania i kierunki polskiej polityki zagranicznej w pierwszej dekadzie XXI wieku* [Conditions and directions of Polish foreign policy in the first decade of the 21st century], Wrocław.

30. Górczyński, O. 2016, The visit of Poland's President to Ukraine, *Wiadomości*, available at: <http://wiadomosci.wp.pl/kat,1025897,title,Wizyta-prezydenta-Polski-na-Ukrainie-Duda-przedstawil-ambitna-wizje-geopolityki-chce-silnego-paktu-panstw-Trojmorza,wid,18478600,wiadomosc.html?icaid=117a74> (accessed 20 August 2016).

31. Ordinance No. 5 of the Minister of Foreign Affairs of 25 March 2013 on the granting of the organizational regulations for the Ministry of Foreign Affairs, 2013, *Dz. Urz. Min. Spraw Zagr.*, 2013, poz. 4.

32. Zięba, R. 2011, Determinants of the Poland's foreign policy at the beginning of the second decade of the 21st century, *Stosunki Międzynarodowe — International Relations*, Vol. 43, no. 1—2, p. 9—37.

The author

Yana A. Vorozheina, PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: j.worozheina@gmail.com

To cite this article:

Vorozheina, Y. A. 2017, Poland's Foreign Policy Mechanisms: Legal Framework and Policy Analysis, *Balt. reg.*, Vol. 9, no. 1, p. 44—59. doi: 10.5922/2074-9848-2017-1-3.

УДК 339.923

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВ ПРИБАЛТИКИ И СЕВЕРНЫХ СТРАН: К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ

И. А. Максимцев^{*}

Н. М. Межевич^{**}

А. В. Королева^{*}

^{*} Санкт-Петербургский
государственный экономический
университет
191023, Россия, Санкт-Петербург,
ул. Садовая, 21.

^{**} Санкт-Петербургский
государственный университет
199034, Россия, Санкт-Петербург,
Университетская наб. 7/9.

Поступила в редакцию 25.11.2016 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2017-1-4

© Максимцев И. А., Межевич Н. М.,
Королева А. В., 2017

Экономическая модель развития является неотъемлемой частью понимания, с одной стороны, исторического становления страны, а с другой — служит предопределяющим фактором для характеристики экономических перспектив дальнейшего развития. Северные страны тесно связаны общими культурными, историческими, политическими и экономическими факторами со странами Прибалтики. Данные государства имеют общий интерес в обеспечении стабильности, безопасности и благосостояния в таком региональном объединении, как регион Балтийского моря. Цель статьи — определить, почему Североевропейская модель экономического развития наиболее привлекательна в мире с точки зрения эффективного использования национальных и внешних ресурсов, нежели модель экономического развития стран Прибалтики.

Опыт национальных моделей Северных стран и стран Прибалтики наглядно показывает, что наличие достаточно схожих финансово-экономических показателей не является залогом схожих результатов в рамках успешного экономического развития.

Рассматриваются основные экономические показатели Северных стран и стран Прибалтики в динамике за последние десять лет. Анализируются экономические модели с позиций теории неoinституционализма. В результате определяется понятие «успешности экономической модели развития».

Ключевые слова: Балтийский регион, государства Прибалтики, Северные страны, экономическая теория, неoinституционализм, национальные экономические системы, экономическое развитие, динамика экономических показателей как ВВП

Введение

Сторонники традиционных экономических научных парадигм, прежде всего классической, достаточно сдержано относились к попыткам экономического анализа неэкономических факторов общественного развития. Внимательное изучение марксистской политэкономии позволяет сделать вывод о том, что его основатели не отвергали учет страновой специфики, что следует из выводов основателей о том, что социалистическая революция и диктатура пролетариата в одних странах (Пруссии) возможна, а в других (Россия) маловероятна.

Представления о разнообразии рыночных моделей изначально основывались на ключевых экономических характеристиках, таких как доля валового внутреннего продукта, перераспределяемого через государственный бюджет, соотношение долей частной и государственной собственности, специфика механизмов регулирования, осуществляемых как государством, так и рыночными институтами. Эти положения справедливы и сегодня, однако и для мировой экономики, и для рассматриваемого региона это недостаточно верифицируемые данные.

Национальная экономика, как правило, является страновой разновидностью рыночной экономической модели. Она характеризуется как указанными выше обобщающими макроэкономическими показателями, так и набором социальных, политических, географических характеристик. Национальная экономическая модель — это формализованное описание ключевых принципов развития государства. Основу любой современной государственной политики той или иной страны составляет не вообще рыночная экономика, а ее национальная модель. В рамках междисциплинарного подхода понятие «национальная экономика» подразумевает географические детерминанты, в том числе природно-ресурсный потенциал: «...объективными предпосылками выступают уровень развития и характер национальных производительных сил; специфические "неэкономические" факторы (природно-климатический, географический, геополитический, социокультурный и др.); жизненно необходимые (а поэтому объективные) цели национального развития» [6, с. 24]. Не менее важны оценки собственно экономического потенциала страны и ее социального капитала, традиции и национальная психология, региональная история. Если не учитывать все это, теоретическая конструкция оказывается оторванной от реальности, от специфики национальной экономики. Исследователи привыкли мыслить глобально или в рамках регионов, анализируя основные макроэкономические показатели, и все реже встречаются исследования национальных деталей [4]. В этом смысле подходы школы неoinституционалистов — оптимальный выбор для анализа экономических моделей государств Прибалтики.

Экономические модели с позиций теории неoinституционализма

С позиции неoinституционалистов аксиомой стал тезис о том, что социальные институты имеют значение и что они поддаются анализу с помощью стандартных инструментов микроэкономики. Базовые эко-

номические категории в неоклассике получили более глубокую интерпретацию и более широкое применение. Новая институциональная теория заложила теоретические основы анализа национальной экономики. При этом под институциональной средой понимается «совокупность основополагающих социальных, политических, юридических и экономических правил, определяющих рамки человеческого поведения» [2, с. 45]. Неинституциональный подход акцентирует внимание на том факте, что получаемый результат будет зависеть от модели поведения человека и условий, в рамках которых он функционирует, т. е. совокупности институтов или институциональной среды. Блумингтонская школа, в целом относящаяся к неоинституционализму, считает опасной ситуацию неэффективного экстенсивного использования общих ресурсов, особо подчеркивая то, что распад социальных связей внутри общества может предотвратить четкая конфигурация институциональных отношений, предусматривающая общее использование ресурсов и контроль.

Неоинституционалисты подчеркивают значимость правил входа и выхода, процедурных и информационных правил, моделей распределения полномочий и мониторинга с соответствующим наказанием виновных в их несоблюдении [13]. Именно поэтому неоинституциональная теория хорошо применима к анализу хозяйственной практики в Прибалтике, поскольку здесь хорошо видны последствия нарушений основных принципов неоинституционализма при построении формально рыночной модели. Возвращаясь к блумингтонской школе вспомним то, что Элино́р Остро́м справедливо указывала, что коллективная собственность может успешно управляться различными социальными и социально-профессиональными общностями, и это не отрицает собственно рыночных принципов организации [17]. Так получилось в Северной Европе и не получилось в государствах Прибалтики.

Следующий важный вопрос. Исключает ли неоинституционализм фактор получения политической ренты? Конечно же, нет. Однако политическая рента, связанная с использованием властных полномочий в экономике, означает искусственное ограничение конкуренции. Конкуренция при этом не исчезает, а переносится из собственно рыночной сферы в сферу воздействия на государство (из экономической сферы в политическую): «...права собственности и, следовательно, индивидуальные контракты определяются и устанавливаются политическими решениями, однако структура экономических интересов также влияет на политическую структуру» [7, с. 70]. Это называется в Эстонии *seemukapitalism*, то есть «капитализм братанов». Соблюдение формальных правил функционирования экономических институтов при нарушении принципов реального конкурентного рынка — специфика экономической модели Эстонии и Латвии. Есть ли политическая рента у бизнеса в Северных странах? Безусловно, но она жестко ограничена тем, что в Северных странах «по социал-демократическим чертежам был осуществлен долговременный социально-политический эксперимент» [8, с. 2].

Современные модели социально-экономических процессов в разных странах формировались под влиянием соответствующих объектив-

ных и субъективных факторов развития общества. Вместе с тем и теоретические концепции, официально провозглашенные и реализуемые в той или иной стране, имеют значение для построения национальных моделей. Как и в нашем конкретном случае — государствах Прибалтики и Северных странах, — теоретические концепции реализовались в моделях развития национальной экономики и в значительной степени определили специфику, структуру национальных экономик. Однако исторический, географический, политический, этнический контекст экономических процессов оказался различным, что предопределило возникновение ситуации, в рамках которой можно говорить о двух национально-региональных моделях: прибалтийской и северной. Финансово-экономические показатели в рамках двух моделей могут быть достаточно схожими (табл.), однако специфику национальных моделей этим полностью объяснить нельзя. В контексте позиций неоинституционалистов, мы должны при рассмотрении ВВП по ППС учитывать не только количественное, но и качественное содержание показателей.

Основные социально-экономические показатели государств Прибалтики и стран Северной Европы, 2015 г.

Страна	Численность населения, человек	Совокупный ВВП, млн евро (в рыночных ценах)	ВВП по ППС, евро на душу населения	Уровень инфляции, %	Уровень безработицы, %
Швеция	9 799 186	447 009,5	45 600	0,7	7,4
Норвегия	5 190 239	348 332,1	67 100	2,0	4,4
Дания	5 683 483	271 786,1	47 800	0,2	6,2
Финляндия	5 479 531	209 149,0	38 200	-0,2	9,4
Эстония	1 314 608	20 251,7	15 300	0,1	6,2
Латвия	1 977 527	24 348,5	12 300	0,2	9,9
Литва	2 904 910	37 330,5	12 900	-0,7	9,1

Источник: Eurostat. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/data/database> (дата обращения: 10.11.2016).

Эффективность теории трансформации изначально вызывала вопросы: «Существует серьезная опасность, подстерегающая исследователя современного экономического роста, увлечься картиной сходных изменений, через которые проходят столь различные по культурным традициям общества, попытаться выстроить жесткую, обязательную для всех стран траекторию развития» [3, с. 23]. Тезис о том, что следование стратегии реформ позволило достигнуть впечатляющих результатов в ряде развивающихся стран и стран Центральной и Восточной Европы [18] продвигался с иррациональной настойчивостью. Итог подвели в оплоте либеральной теории в России — центре Карнеги: «Экономическая модель Восточной Европы изначально подразумевает, что уровень жизни там должен оставаться примерно в два раза ниже, чем в развитых странах. Без этого она теряет свою привлекательность. А если

во время циклического подъема их все-таки выносит выше, то потом неизбежно наступает кризис, застой и откат назад, потому что они не могут вернуться к росту, пока не восстановят свое отставание» [11].

Анализ экономического развития Прибалтийских государств и Северных стран с 2006 по 2016 год (оценки)

Успех экономической модели развития зависит от способности эффективного использования конкурентных позиций. Однако наибольшую сложность составляет факт распознавания и использования конкурентных преимуществ.

Следует рассмотреть и сравнить экономические показатели Северных стран и стран Прибалтики в динамике за последние десять лет с 2006 по 2016 год (2016 год — оценки). Статистические данные по государствам Прибалтики свидетельствуют о том, что тезисы Дж. Хеллмана относительно связи ВВП с масштабом реформ здесь не работают [15]. Реформа с точки зрения управленческого содержания и по смыслу должна так воздействовать на систему, чтобы ее не разрушать, не сокращать уровень благосостояния, накопленный до назревания необходимости реформирования, а наращивать его. Собственно, именно так проходили последовательные трансформации в странах Северной Европы. В государствах Прибалтики реализовывалась иная модель. Распродажа советского наследия — первый этап, использование европейских фондов — второй. В результате коэффициенты Джинни фиксируют значительное расхождение между прибалтийской и северной моделями.

Это связано со спецификой финансового сектора в государствах Прибалтики и в Северных странах. В Прибалтике особо велика роль банков. Капитал не просто сосредоточен в банковской сфере, большая часть страховых, лизинговых и инвестиционных фирм и фондов принадлежат банкам. Банки государств Прибалтики — это, как правило, филиалы шведских и датских банков. Это сознательный результат либерализации финансовых рынков. В этом контексте вспомним то, что «после принятия странами мер по открытию своих счетов операций с капиталом они сталкиваются с увеличением неравенства в доходах» [14]. Однако и это только часть проблемы. Следующий важный вопрос заключается в том, в какой степени лидеры заинтересованы помогать отстающим? «Для разрыва кругов бедности требовались "инвестиции рынка", однако подобных ресурсов по объему и качеству, обычно не удается мобилизовать» [12, с. 10]. Это не удивительно. Зачем Финляндии способствовать «инвестициям рынка» в Эстонию, если на выходе может получиться прямой конкурент Финляндии? Впрочем, в Эстонии была выбрана такая теоретическая модель, которая исключает возможность конкурентного соревнования с Северными странами. Главное заключается в том, что «в то время, как свободное движение капитала через национальные границы в теории несет в себе многочисленные преимущества, на практике либерализация часто приводила к экономической нестабильности и финансовому кризису» [19]. Изменения ВВП по ППС, отраженные на рисунке 1, свидетельствуют об этом.

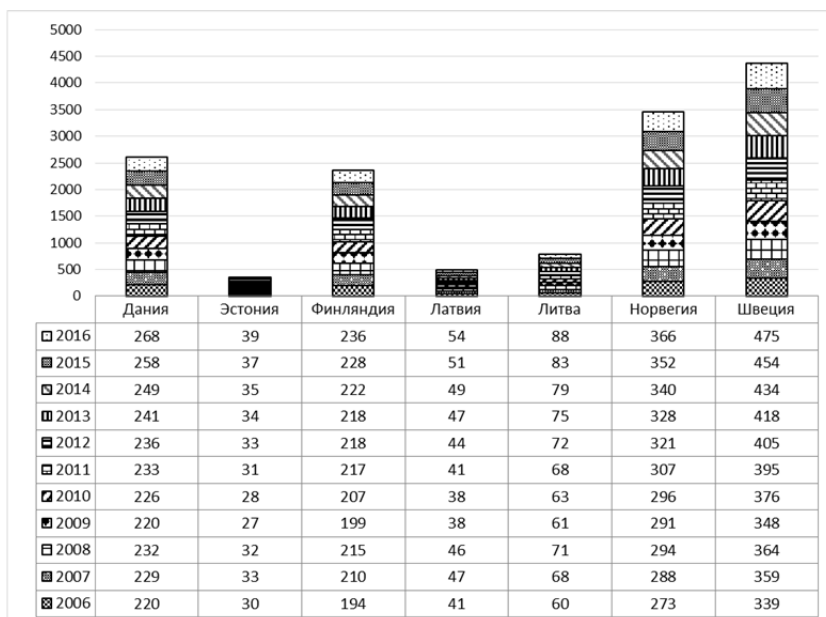

Рис. 1. ВВП по ППС Северных стран и стран Прибалтики, млрд дол.

На основе данных: [16].

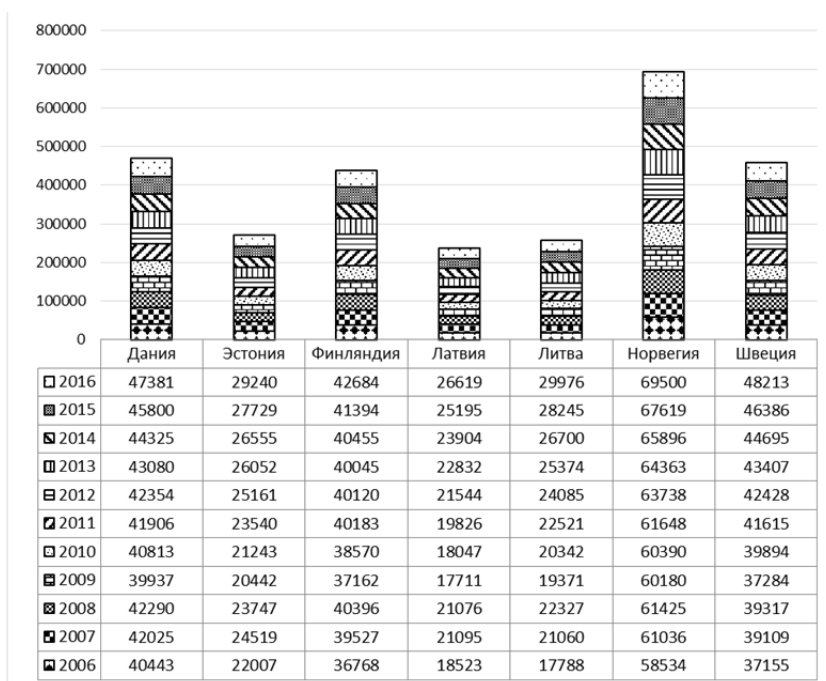

Рис. 2. ВВП по ППС на душу населения Северных стран и стран Прибалтики, млрд дол.

На основе данных: [16].

Исходя из таблицы и рисунков 1 и 2 видно, что по показателю ВВП по ППС и по показателю ВВП по ППС на душу населения с большим отрывом лидируют Северные страны в сравнении со странами Прибалтики. По показателю ВВП по ППС в динамике за последние десять лет (рис. 1) первое место среди стран Прибалтики занимает Литва, второе — Латвия, а на третьем — находится Эстония. Однако по показателю ВВП по ППС на душу населения (рис. 2) Эстония занимает первое место, второе — занимает Литва, а третье — Латвия.

При этом Северные страны являются лидерами в мировой экономике по качеству экономического роста. Этот условный показатель определяется конкурентоспособностью, индексом развития человеческого потенциала, продолжительностью и качеством жизни, уровнем развития системы социальной защиты и услуг населению, степенью компьютеризации производства, торговлей и сферами услуг, низким уровнем коррупции, экономической свободой, степенью защиты окружающей среды.

Рисунки 3 и 4 показывают, что Латвия находится на первом месте и по уровню инфляции, и по уровню безработицы в динамике за последние десять лет среди стран Прибалтики и Северных стран.

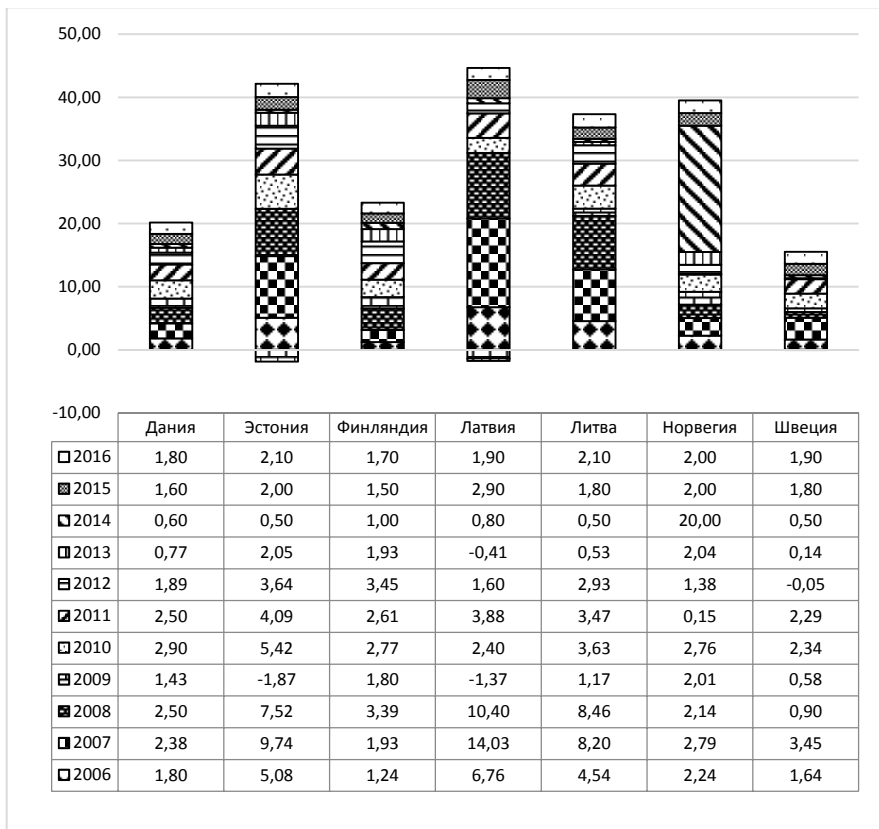

Рис. 3. Инфляция потребительских цен на конец периода Северных стран и стран Прибалтики, %-ое изменение

На основе данных: [16].

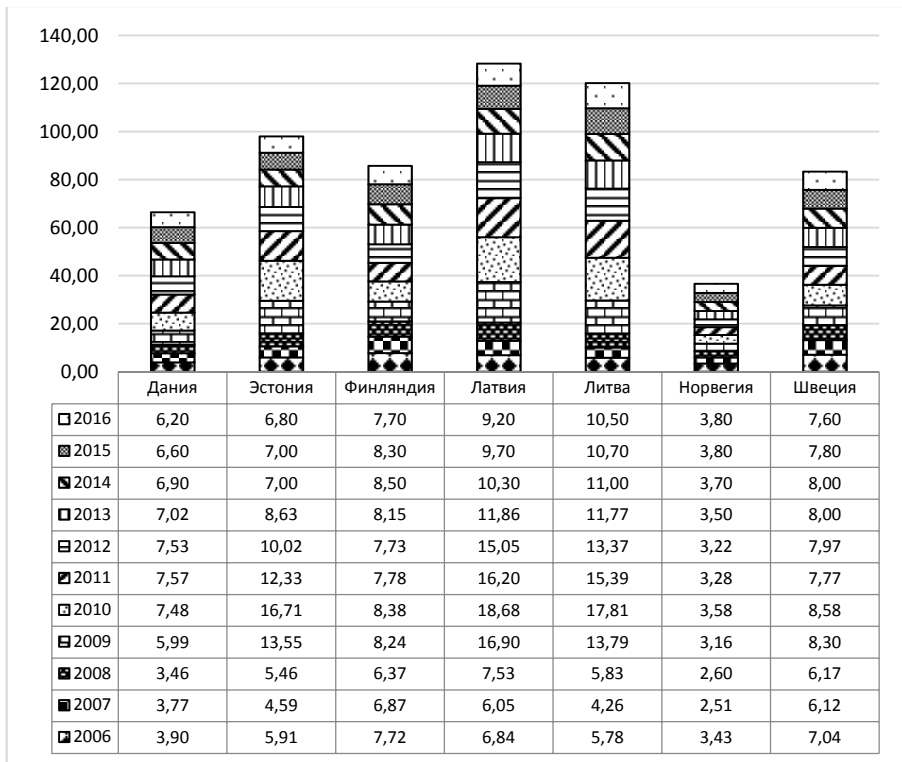

Рис. 4. Уровень безработицы Северных стран и стран Прибалтики, % от общего числа рабочей силы

На основе данных: [16].

По уровню инфляции за последние десять лет среди стран Прибалтики и Северных стран второе место занимает Эстония, на третьем месте находится Норвегия. По уровню безработицы за аналогичный промежуток времени среди стран Прибалтики и Северных стран второе место занимает Литва, на третьем — Эстония.

Среди Северных стран по уровню инфляции в динамике за последние десять лет первое место занимает Норвегия, второе — Финляндия, третье — Дания. По уровню безработицы на первом месте находится Финляндия, на втором — Швеция, а на третьем — Дания.

Среди стран Прибалтики по уровню инфляции за тот же промежуток времени первое место занимает Латвия, на втором — Эстония, на третьем — Литва. По уровню безработицы среди стран Прибалтики на первом месте находится Латвия, на втором — Литва, на третьем — Эстония.

Стратегически Прибалтийские государства проигрывают конкуренцию за инвестиции. При этом объем инвестиций в страны Прибалтики несколько увеличивается. Так, в сравнении Северных стран и стран Прибалтики по объему инвестиций лидирует Эстония и Латвия, затем — Норвегия (рис. 5). Среди Северных стран наибольший объем инвести-

ций приходится на Норвегию, далее — Швеция, Финляндия, Дания. Среди стран Прибалтики первое место по объему инвестиций занимает Эстония, с небольшим отрывом на втором месте находится Латвия. Литва занимает третье место.

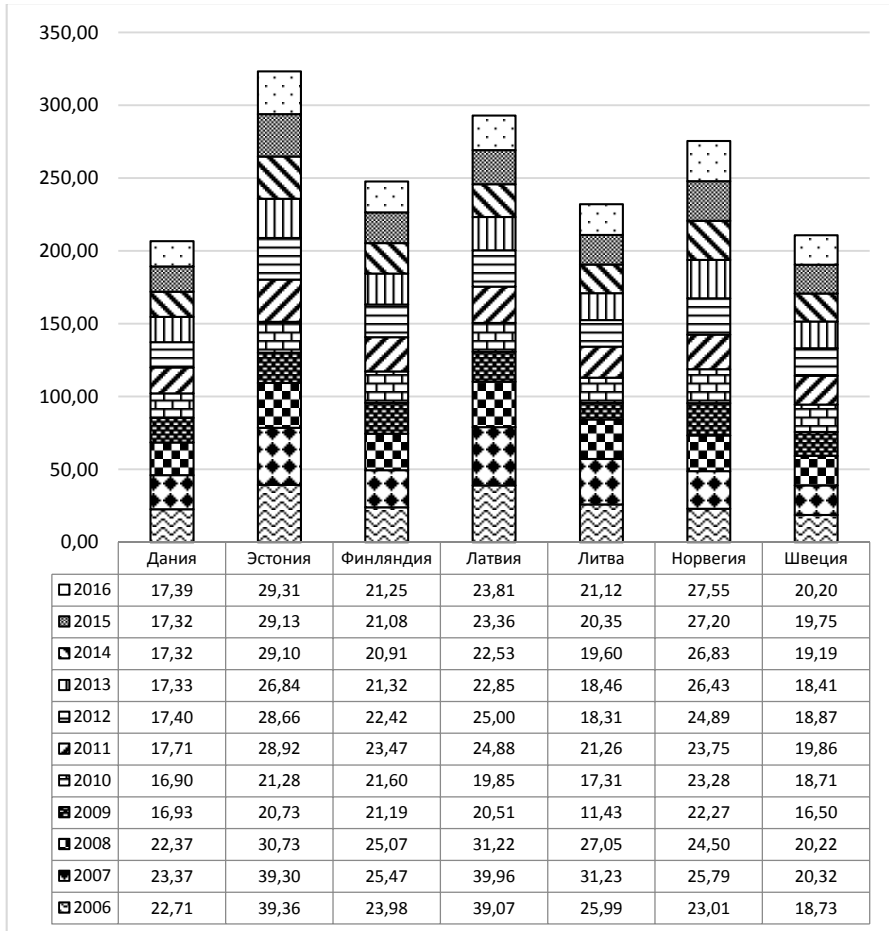

Рис. 5. Инвестиции в Северные страны и страны Прибалтики, % от ВВП

На основе данных: [16].

Вопрос, однако, стоит о качестве инвестиций. Прибалтийская модель абсолютно неконкурентоспособна именно по «долгим или стратегическим инвестициям». Это нужно учитывать при рассмотрении нижеисследующего рисунка.

Экономическая модель стран Прибалтики

Важной экономической проблемой Прибалтийских стран, которая остается актуальной и сегодня, по мнению авторов, несмотря на развитие сектора услуг, является высокая доля аграрного сектора, не обеспе-

ченного соответствующими рынками. На данный момент тождественность аграрных секторов экономик приводит к резкому возрастанию конкуренции: каждой их стран приходится снижать цены на товары и принимать множество мер для того, чтобы привлечь покупателя на свою сторону. В результате между республиками возникает масса противоречий, которые они должны постоянно преодолевать и приходиться к компромиссу, так как зарубежные бизнесмены рассматривают страны Прибалтики как единое пространство для экспансии [5].

Ко второй проблеме необходимо отнести политическую позицию Прибалтийских стран, а именно отношение стран к экономическому наследию исторического, т.е. советского прошлого. Исчерпание эффекта приватизации советского наследия привело к качественному замедлению экономического роста. Общий отрезок истории, казалось бы, должен всячески благоприятствовать сотрудничеству стран Прибалтики и такого экономически мощного соседа, как Россия, ведь за то время, что республики входили в состав СССР, возникли прочные культурные и экономические связи между всеми странами. Однако три Прибалтийских страны постоянно возвращаются к пересмотру итогов Второй мировой войны и наследия Советского Союза, поэтому общий исторический отрезок времени между данными странами становится не положительным фактором, а камнем преткновения для дальнейшего развития каких-либо экономических отношений. На данный момент между Россией и странами Прибалтики практически не развиваются внешнеторговые и транзитные связи. Для увеличения темпа экономического развития странам Прибалтики разумно бы было не игнорировать Россию в качестве потенциального партнера в экономической кооперации.

Указанные выше проблемы затормаживают темп экономического развития всех трех Прибалтийских стран. Есть и еще один важный аспект проблемы, связанный с макроэкономической политикой.

В государствах Прибалтики «повышение стоимости труда... вне связи с производительностью труда, отвергается сторонниками монетарных ("неоклассических") школ» [12, с. 10]. Однако именно этот теоретический и практический подход стал единственным возможным для практикующих экономистов и финансистов региона. Это «правило» применяется лишь для стран, вступивших на путь трансформации. Последний пример — Украина. Для государств, традиционно существующих в рыночной экономике, всегда находятся исключения, что и показывает опыт Северной Европы.

Аналогичный пример некорректной экстраполяции мировых тенденций — проблематика деиндустриализации. Нам нужно отличать деиндустриализацию, вызванную высоким технологическим уровнем производств и сводимую к сокращению доли производства в общем объеме производимого продукта в стране (это как раз случай стран Северной Европы), от деиндустриализации в государствах Прибалтики. В последнем случае мы наблюдаем не деиндустриализацию, а примитивизацию технологий и инфраструктуры, деградацию секторов эконо-

мики и связанное в том числе с этим падение качества социального капитала. Относительная экономическая успешность государств Прибалтики имеет место лишь на фоне остальных государств ЦВЕ.

В совокупности по этим причинам модель экономического развития стран Прибалтики не привлекательна с точки зрения эффективного использования национальных и внешних ресурсов. Делая упор на сферах туризма и транзита в плане экономического развития после принятия независимости, страны Прибалтики не сумели модернизировать сельское хозяйство и промышленность, как это удалось осуществить Северным странам.

Экономическая модель Северных стран

Североевропейская модель экономического развития наиболее привлекательна в мире с точки зрения эффективного использования национальных и внешних ресурсов, применяемых с учетом требований социальной справедливости и повышения устойчивости развития. Разработку и реализацию такой модели можно считать важнейшим вкладом североевропейских стран в развитие человеческой цивилизации. Данные страны стали новаторами не только в технологической, но и социально-экономической сфере. Осознание политическим руководством этих стран значения научно-технического прогресса в обеспечении экономического роста усилило этот фактор в экономической политике, что последовательно выражалось в переходе от научно-технической к технологической, а затем и к инновационной политике. По мере такого перехода расширялся объект регулирования, что приводило к сокращению инновационного цикла от выдвижения какой-либо новой идеи до ее коммерческого использования в новых продуктах, организационных и промышленных технологиях или производственных процессах. Эволюция содержания политики, сопровождаемая сведением различных звеньев НИОКР в единую национальную инновационную систему, позволила усилить ее слабые звенья и поставила научно-технические, технологические и инновационные факторы на службу экономического развития [1].

Рисунок 6 демонстрирует объем доходов в процентном соотношении от показателя ВВП, где на первом месте среди Северных стран находится Норвегия, затем следуют Дания, Финляндия и Швеция. Среди Прибалтийских стран первое место занимает Эстония, второе — Латвия, третье — Литва. По расходам в процентном соотношении от показателя ВВП (рис. 7) среди Северных стран лидирует Дания, второе место — Финляндия, далее — Швеция и Норвегия. Среди стран Прибалтики лидером по объему расходов является Эстония, затем — Латвия и Литва.

Северные страны тесно связаны общими культурными, историческими, политическими и экономическими факторами со странами При-

балтики. Данные государства имеют общий интерес в обеспечении стабильности, безопасности и благосостояния в таком региональном объединении, как регион Балтийского моря. Регулярный политический диалог и практическое сотрудничество между странами Прибалтики и Северными странами по большей части происходит в NB-8¹ и NB-6² форматов.

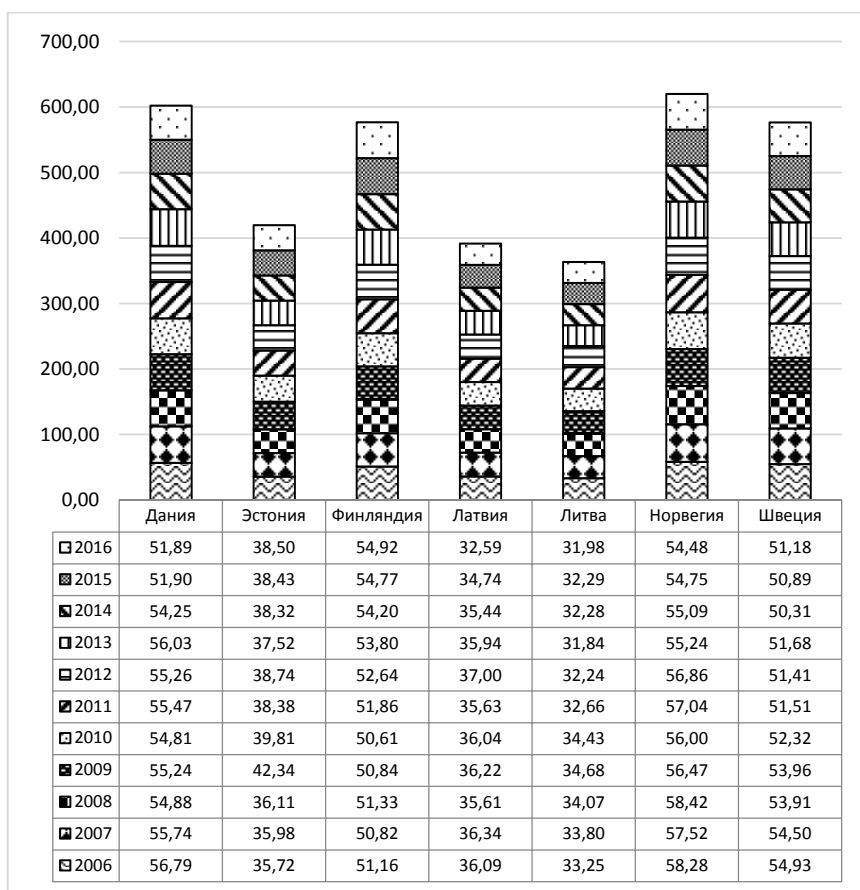

Рис. 6. Доходы Северных стран и стран Прибалтики, % от ВВП

На основе данных: [16].

¹ NB8 — это региональное объединение из восьми стран: Дания, Эстония, Финляндия, Исландия, Латвия, Литва, Норвегия и Швеция, где на регулярных встречах обсуждаются актуальные вопросы по международным темам.

² NB-6 — сотрудничество между Советом Северных стран и Балтийской Ассамблеей. Входящие страны: Дания, Финляндия, Швеция, Латвия, Литва, Эстония.

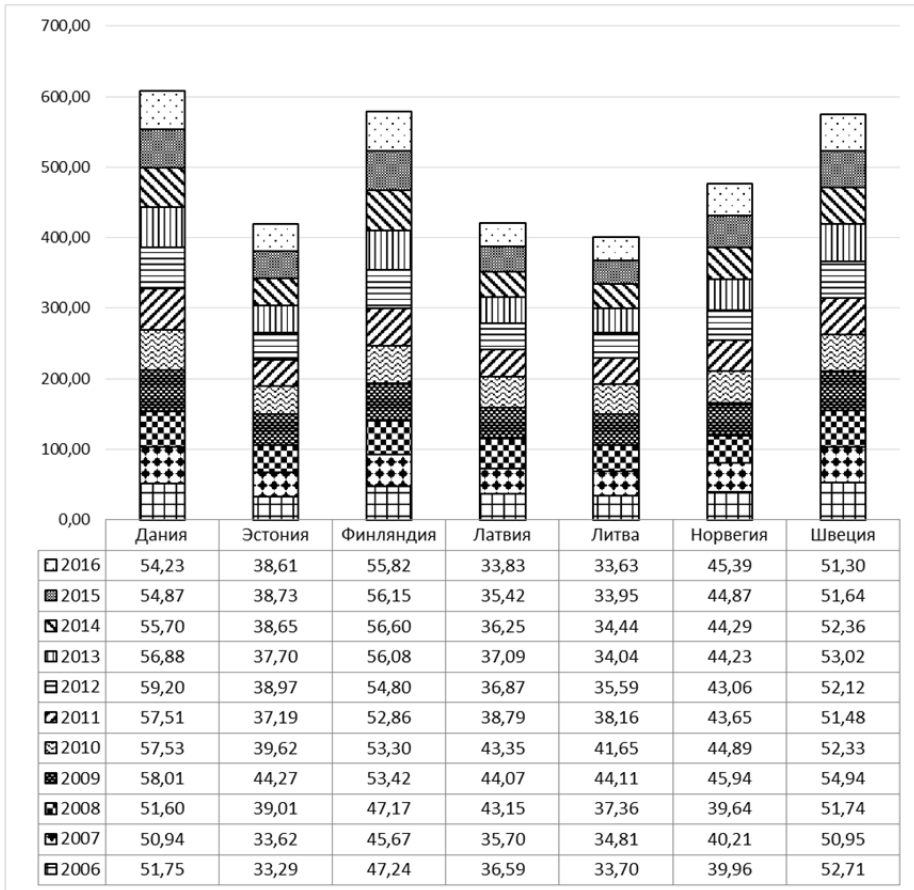

Рис. 7. Расходы Северных стран и стран Прибалтики, % от ВВП

На основе данных: [16].

Экономические связи стран Прибалтики и Северных стран базируются на трех составляющих, таких как финансовый сектор, сфера торговли и прямые иностранные инвестиции. В финансовом секторе стран Прибалтики доминируют группы банков Северных стран, которые также являются и крупными инвесторами для Прибалтийских государств.

Анализируя экономическую ситуацию Северных стран и стран Прибалтики за последние годы, можно отметить, что темп развития был достаточно высок, однако мировой финансово-экономический кризис в 2008 году ухудшил экономическое состояние стран: экспортная и импортная политики уменьшили свои показатели. Самые низкие результаты были в 2009 году (рис. 8 и 9).

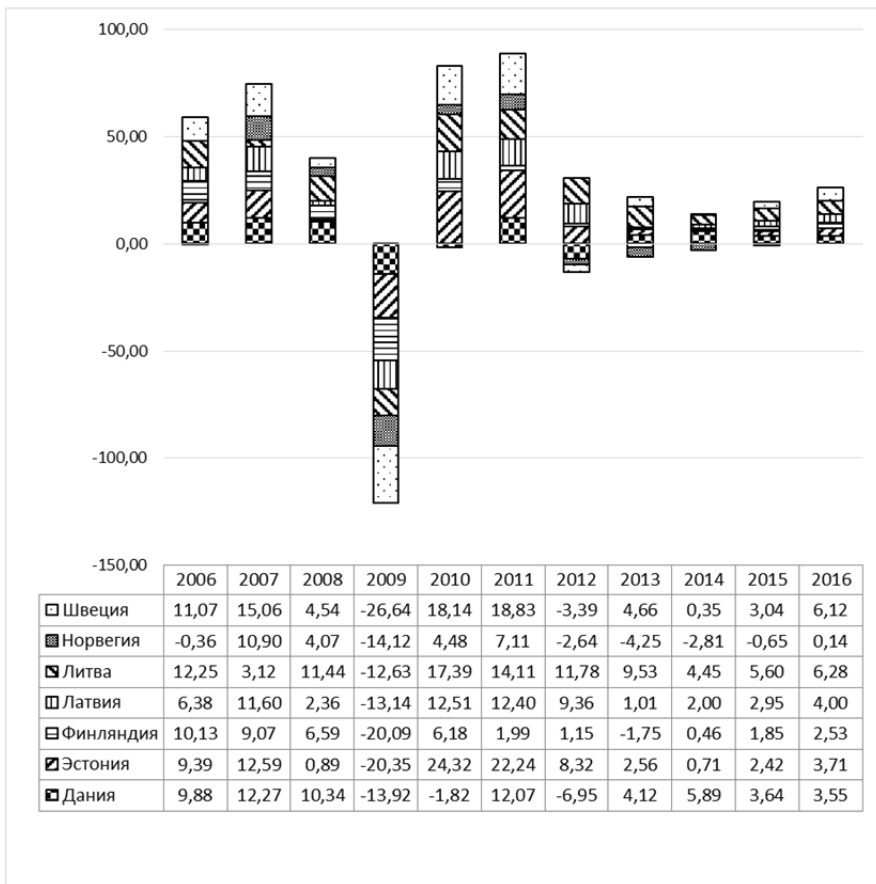

Рис. 8. Экспорт товаров и услуг Северных стран и стран Прибалтики, %-ое изменение

На основе данных: [16].

Швеция находится на первом месте среди Северных стран по объему экспорта товаров и услуг в динамике за последние десять лет, на втором месте — Дания, далее — Финляндия и Норвегия. Среди стран Прибалтики лидером по объему экспорта товаров и услуг является Литва, далее следуют Эстония и Латвия. Лидером по импорту товаров и услуг (рис. 9) среди стран Прибалтики стала Литва, затем — Эстония и Латвия. Среди Северных стран на первом месте находится Швеция, на втором — Дания, на третьем — Финляндия, а на четвертом — Норвегия.

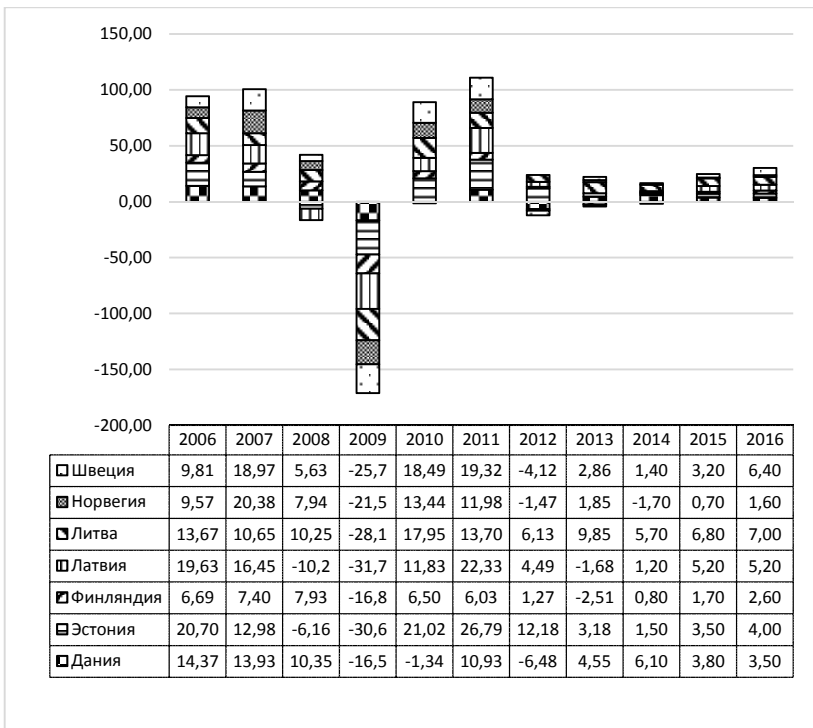

Рис. 9. Импорт товаров и услуг Северных стран и стран Прибалтики, %-ое изменение

На основе данных: [16].

В сравнении Северных стран и стран Прибалтики в динамике за последние десять лет по экспорту товаров и услуг на первом месте находится Литва, на втором — Эстония, на третьем — Швеция. Что касается импорта товаров и услуг, то первое место среди всех представленных стран в динамике за десять лет занимает Эстония, на втором месте — Латвия, на третьем — Литва.

Улучшение экономической ситуации представленных стран после мирового финансово-экономического кризиса 2008 года по различным экономическим показателям наблюдалось уже к 2010 году в Северных странах и к 2011—2012 годам в Прибалтике. Для всего региона Балтийского моря характерно то, что «в современных условиях перераспределения экономических сил в мире и активизации использования архаичных санкционных практик, переходящих в формат торговых войн, экономики региона Балтийского моря подвергаются риску снижения уровня конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности в результате так называемого *эффекта замыкания* — замедленной реакции на внешние изменения экономической конъюнктуры» [10, с. 78]. Тем не менее эта проблема существенно жестче ограничивает развитие государств Прибалтики по сравнению со странами Северной Европы.

Заключение

В результате данного анализа подтверждается наличие определенных институциональных условий успешности национальных экономических моделей развития. Эти модели очень чувствительны к географическим, историческим и этнографическим реальностям. Этими неэкономическими факторами в построении национальных моделей можно успешно воспользоваться и обратиться в преимущества, а можно и в фактор экономического разрушения. В отличие от стран Прибалтики, Северные страны эффективно воспользовались всеми историческими и географическими благами, что и привело их к успешной модели развития. В целом же корректна точка зрения норвежского экономиста Эрика Райнерта, который считал, что богатые страны стали такими благодаря сочетанию государственного вмешательства, протекционизма и стратегических инвестиций, а не из-за свободной торговли [9]. Иными словами, шансы Восточной Европы в целом и Прибалтики в частности догнать регион ориентир — страны Северной Европы — не велики. Формула Р. Кипплинга: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут» — работает и в этом случае.

Список литературы

1. *Антюшина Н.* Страны Северной Европы: наукоемкий тип развития // *Экономист*. 2007. № 10. С. 29—40.
2. *Аузан А. А.* Институциональная экономика: Новая институциональная экономическая теория : учебник. М., 2011.
3. *Гайдар Е. Т.* Аномалии экономического роста // *Вопросы экономики*. 1996. № 12. С. 20—39.
4. *Глинкина С. П., Куликова Н. В.* Переход стран Центрально-Восточной Европы от социализма к капитализму: особенности и результаты : сб. ст. / под ред. С. П. Глинкиной, Н. В. Куликовой. М., 2016.
5. *Королева А. В.* Диссертационное исследование Состояние и перспективы торгово-экономического сотрудничества России и Европейского союза в регионе Балтийского моря. URL: http://unecon.ru/sites/default/files/dissertaciya_koroleva.pdf (дата обращения: 16.11.2016).
6. *Кульков В. М.* Параметры исследования и формирования национальной экономической системы в России // *Экономическое возрождение России*. 2014. № 3 (41). С. 24—31
7. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.
8. *Плевако Н.* Шведская модель: прошлое и настоящее. URL: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/an11.pdf> (дата обращения: 12.06.2016).
9. *Райнерт Э. С.* Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М., 2011.
10. *Рекорд С. И.* Экономический потенциал региона Балтийского моря в условиях глобальной турбулентности: «эффект замыкания» или «тихая гавань»? // *Прибалтийские исследования в России : матер. Междунар. науч. конф. Калининград, 2016. С. 75—77.*

11. *Саморуков М.* Наследство соцлагеря. Почему Восточная Европа обречена жить вдвое беднее немцев. URL: <http://carnegie.ru/commentary/?fa=64958> (дата обращения: 10.10.2016).
12. *Сухарев О. С.* Институционально-структурные факторы экономического развития. М., 2015.
13. *Crawford S. E. S., Ostrom E.* A Grammar of Institutions // Understanding Institutional Diversity. NJ: Princeton University Press, 2005. P. 137—174.
14. *Furceri D., Prakash L.* Capital Account Liberalization and Inequality. IMF Working Paper 15/243. Washington, 2015.
15. *Hellman J. S.* Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transitions // World Politics. 1998. Vol. 50, № 2. P. 203—234.
16. *International Monetary Fund*, World Economic Outlook Database. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2014/02/weodata/index.aspx> (дата обращения: 16.11.2016).
17. *Ostrom E.* A general framework for analyzing sustainability of social ecological systems // Science. 2009. Vol. 325, is. 5939. P. 419—422.
18. *Schneider B. R., Heredia B.* Reinventing Leviathan: The Politics of Administrative Reform in Developing Countries. North-South Center Press at the University of Miami, 2005.
19. *Schiffrin A.* Capital Controls. N. Y., 2016.

Об авторах

Игорь Анатольевич Максимцев, доктор экономических наук, профессор, ректор, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия.

E-mail: rector@unecon.ru

Николай Маратович Межевич, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры европейских исследований, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: mez13@mail.ru

Анастасия Валерьевна Королева, кандидат экономических наук, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия.

E-mail: koroleva.anastasiia@gmail.com

Для цитирования:

Максимцев И. А., Межевич Н. М., Королева А. В. Экономическое развитие государств Прибалтики и Северных Стран: к вопросу о специфике экономических моделей // Балтийский регион. Т. 9, №1. С. 60—78. doi: 10.5922/2074-9848-2017-1-4.

ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE BALTICS AND NORDIC COUNTRIES: CHARACTERISTICS OF ECONOMIC MODELS

I. A. Maksimtsev^{*}
N. M. Mezhevich^{**}
A. V. Koroleva^{*}

^{*} Saint-Petersburg State University of Economics
21 Sadovaya str., Saint-Petersburg, 191023, Russia

^{**} Saint-Petersburg State University
7—9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

Submitted on November 25, 2016

Economic development models are crucial for understanding historical progress of countries and in forecasting their future economic prospects. The Nordic countries are connected with the Baltics through culture, history, politics, and economy. These states have a common interest of ensuring stability, security, and welfare in the Baltic region. This article strives to answer the question as to why the Nordic model of economic development is acclaimed internationally for the effective use of national and external resources, which is not the case in the Baltics.

The Nordic and Baltic national models demonstrate that similar financial and economic performance does not translate into similar economic development results.

The article tracks ten years of economic performance of the Nordic and Baltic countries and analyses economic models from the perspective of new institutionalism. The authors offer a definition of a 'successful economic development model'.

Key words: Baltic region, Baltics, Nordic countries, economic theory, new institutionalism, national economic systems

References

1. Antyushina, H. 2007, Countries in northern Europe: knowledge-intensive type of development, *Economist*, no. 10, p. 29—40. (In Russ.)
2. Auzan, A. A. 2011, *Institucionalnaya ekonomika: Novaya ekonomicheskaya teoriya* [Institutional Economics: A New Institutional Economics], p. 45. (In Russ.)
3. Gaidar, E. T. 1996, Anomalies of Economic Growth, *Voprosi ekonomiki*, no. 12, p. 20—39. (In Russ.)
4. Glinkina, S. P., Kulikov, N. V. 2016, *Perehod stran Centralno-Vostochnoj Evrope ot socializma k kapitalizmu: osobennosti i rezultati: Sbornik statej* [Transition countries of Central and Eastern Europe from socialism to capitalism: features and results], digest of articles, Moscow, p. 11. (In Russ.)
5. Koroleva, A. V. 2016, *Sostoyanie i perspektivy torgovo-ekonomicheskogo sotrudnichestva Rossii i Evropeiskogo soyuza v regione Baltiskogo morya* [Status and prospects of trade and economic cooperation between Russia and the European Union in the Baltic Sea region], PhD Thes., available at: http://unecon.ru/sites/default/files/dissertaciya_koroleva.pdf (accessed 21.12.2016). (In Russ.)
6. Kulkov, V. M. 2014, Parameters of the study and formation of the national economic system in Russia, *Ekonomicheskoye vozrozhdeniye Rossii*, no. 3 (41), p. 24—31. (In Russ.)

7. Nort, D. 1997, *Instituti, institucionalniye izmeneniya i funkcionirovaniye ekonomiki* [Institutions, Institutional Change and Economic Performance], Moscow, p. 70. (In Russ.)
8. Plevako, N. 2015, The Swedish model is: past and present, *Analiticheskaya zapiska*, no. 11, p. 2. (In Russ.)
9. Rainert, E. S. 2011, *Kak bogatiye strani stali bogatimi, i pochemu bedniye strani ostajutsa bednimi* [How the rich countries became rich, and why poor countries remain poor], Moscow. (In Russ.)
10. Rekord, S. I. 2016, The economic potential of the Baltic Sea Region in the global turbulence, "zamykaniya effect" or "safe haven"? In: Klemeshev, A. P., Mezhevich, N. M., Fedorov, G. M. *Pribaltijskiye issledovaniya v Rossii*, Materials of the International Scientific Conference, Kaliningrad, p. 78. (In Russ.)
11. Samorukov, M. 2016, The legacy of the socialist camp. Why Eastern Europe is doomed to live poorer half of Germans, *Carnegie Moscow Center*, available at: <http://carnegie.ru/commentary/?fa=64958> (accessed 10.10.2016). (In Russ.)
12. Suharev, O. S. 2015, *Institucionalno-strukturniye faktori ekonomicheskogo razvitiya* [Institutional and structural factors of economic development], Moscow, p. 10. (In Russ.)
13. Crawford, S. E. S., Ostrom, E. A. 2005, Grammar of Institutions. In: Ostrom, E., Princeton, N.J. *Understanding Institutional Diversity*, Princeton University Press, p. 137—174.
14. Furceri, D., Prakash L. 2015, Capital Account Liberalization and Inequality, *IMF Working Paper*, 15/243, Washington.
15. Hellman, J. S. 1998, Winners Take All, *World Politics*, no. 50.
16. International Monetary Fund, *World Economic Outlook Database*, 2016, available at: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2014/02/weodata/index.aspx> (accessed 16.11.2016).
17. Ostrom, E. 2009, A general framework for analyzing sustainability of soci-alecological systems, *Science*, no. 325, p. 419—22.
18. Schneider, B. R., Heredia, B. (ed.) 2005, *Reinventing Leviathan: The Politics of Administrative Reform in Developing Countries*, North-South Center Press at the University of Miami.
19. Schiffrin, A. 2016, *Capital Controls*, New York, Initiative for Policy Dialogue.

The authors

Prof. Igor A. Maksimtsev, Rector, Saint Petersburg State University of Economics, Russia.

E-mail: rector@unecon.ru

Prof. Nikolai M. Mezhevich, Department of European Studies, Saint Petersburg State University, Russia.

E-mail: mez13@mail.ru

Dr Anastasiya V. Koroleva, Saint Petersburg State University of Economics, Russia.

E-mail: koroleva.anastasiia@gmail.com

To cite this article:

Maksimtsev, I. A., Mezhevich, N. M., Koroleva, A. V. 2017, Economic Development of the Baltics and Nordic countries: Characteristics of Economic Models, *Balt. reg.*, Vol. 9, no. 1, p. 60—78. doi: 10.5922/2074-9848-2017-1-4.

УДК 314.8

СТАРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ КАК СОЦИАЛЬНО- ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА

*А. Г. Манаков**

*П. Э. Суворков**

*С. А. Станайтис***

* Псковский государственный университет
180000, Россия, г. Псков,
пл. Ленина, 2.

** Эдукологический университет Литвы.
LT — 08106, Литва, г. Вильнюс,
ул. Студенту, 39.

Поступила в редакцию 20.04.2016 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2017-1-5

© Манаков А. Г., Суворков П. Э.,
Станайтис С. А., 2017

Демографическое старение населения является одной из наиболее серьезных проблем развития стран Европы в XXI веке. В связи с быстрым старением населения в большинстве развитых стран будет продолжаться рост демографической нагрузки на население трудоспособного возраста.

Целью исследования стал прогноз демографической нагрузки до конца текущего столетия в государствах Балтийского региона. Более детальный демографический анализ и прогноз представлен для стран Балтии (Эстония, Латвия и Литва).

Статья подготовлена на базе ряда байесовских вероятностных прогнозов по данным Отдела народонаселения Департамента экономических и социальных дел Секретариата ООН. В число основных методов исследования входит имитационное многофакторное моделирование. Для наглядности некоторые результаты исследования представлены на картосхемах.

Согласно результатам исследования, наибольшую демографическую нагрузку к концу текущего столетия в Балтийском регионе будет испытывать Польша. Также в наиболее сложной ситуации окажутся Финляндия, Эстония, Дания, Норвегия и Швеция. Представлены рекомендации по применению конкретных мер демографической политики в странах Балтийского региона, которые будут испытывать наибольшую демографическую нагрузку во второй половине XXI века.

Ключевые слова: демографический прогноз, старение населения, Балтийский регион

Введение

Показатели, характеризующие демографические тенденции на национальном уровне, имеют важное значение

для демографического прогнозирования, которое строится на основе наиболее вероятностного соотношения рождений, смертей и миграции населения. Основой методик вероятностного прогнозирования выступают балансовые методы демографических прогнозов (сальдо переходов по возрастным когортам, сальдо миграции, сальдо рождений по возрастным когортам, сальдо смертей по возрастным когортам). Демографические балансовые показатели стали также базой расчета различных стандартизированных коэффициентов, служащих для соизмерения разноименных величин демографических процессов.

Демографическое старение населения в последние десятилетия становится глобальным явлением. Данный процесс чрезвычайно многоаспектен и охватывает как социально-политические, так и медико-гигиенические стороны жизни общества. В связи со старением в развитых странах значение демографической нагрузки на население трудоспособного возраста и трудоустроенное население быстро увеличивается. Особенно остро этот процесс ощущается уже в настоящее время в странах Балтийского региона.

В данной статье приняты границы Балтийского региона, проведенные по водоразделам бассейнов рек, впадающих в Балтийское море. При этом рассмотрены даже те страны, где представлены хотя бы небольшие части бассейнов таких рек. Соответственно, в состав региона исследования были включены 12 государств: Россия, Эстония, Латвия, Литва, Белоруссия, Украина, Польша, Германия, Дания, Норвегия, Швеция и Финляндия. При этом особое внимание уделяется анализу и прогнозу демографических процессов в странах Балтии (Эстонии, Латвии и Литве).

Детальный анализ динамики демографической ситуации необходим для принятия решений в вопросах, затрагивающих различные общественные интересы. Изучение изменчивости процессов демографического старения, формирующихся под воздействием значимых факторов развития территорий, представляет определенный интерес как для науки, так и для властных структур.

Цель статьи — представление результатов прогноза демографических тенденций, опирающегося на имитационное многофакторное математическое моделирование, в странах Балтии по сравнению с другими государствами Балтийского региона.

Состояние изученности проблемы

Обзору демографической и миграционной ситуации в постсоветский период в крупных частях или отдельных странах Балтийского региона посвящены работы Т. Ханел (весь Балтийский регион [11]), Н. В. Мкртчян и Л. Б. Карачуриной (страны Балтии и Северо-Запад России [5]), Т. Михальского (Польша и страны Балтии [13; 14]), А. Берзиньш, П. Звидриньш (страны Балтии [10]), А. Станайтис и С. Станайтис (Литва [7]), Е. Апсите, З. Кришьяне, М. Берзиньш (Латвия [9]) и др. С геодемогеографической обстановкой в пределах всего Балтийско-

го региона связана обстоятельная монография Т. Ю. Кузнецовой, вышедшая в 2009 г. [2]. Этой же темы касаются некоторые другие работы данного автора ([3; 4] и др.).

Ряд крупных работ посвящен изучению проблемы старения населения в пределах Европейского союза (с прогнозом до 2060 г. [15]), в том числе и стран Балтии [8], включая Литву [12]. Ранее предпринимались попытки поиска наглядного измерителя, позволяющего дать наиболее объективную оценку сложившейся демографической ситуации. Например, применительно к странам Балтийского региона был использован метод демографических рейтингов (на 2010 г. по сравнению с 1995 г.) [6]. Были попытки разработки новой методики демографического прогноза на ближайшую перспективу (на 15 лет) с опорой на концепцию «геодемографического ансамбля» [1]. Однако наибольший интерес в этом плане вызывает осуществление демографического прогноза по странам Балтийского региона на дальнейшую перспективу, а именно до конца XXI века, что и предпринято в данном исследовании.

Источниковая база и методология исследования

Статья подготовлена на базе ряда байесовских вероятностных прогнозов по данным Отдела народонаселения Департамента экономических и социальных дел Секретариата ООН [16; 17]. Исследование обосновывается формальной методологией, применяемой Департаментом по экономическим и социальным вопросам Секретариата ООН к анализу и прогнозу демографических тенденций. Учтен пересмотр методологии 2015 года и ретроспективные демографические показатели с 1950 года.

Вероятностный прогноз численности населения базируется на измерении демографических показателей как результата учета оценок возможных перспективных значений чисел рождений, смертей и сальдо миграции. Кривые зависимостей результирующих факторов в динамике по средним вариантам определялись с помощью вероятностной модели, рассматривающей некоторое начальное распределение случайной компоненты, которое для последующих моментов времени изменяется на основе данных трендов, причем учитываются общемировые тенденции.

В целях прогнозирования по модели рассчитывается 100 тысяч кривых для каждой из стран. Усредненная кривая, полученная на основе всех полученных значений, впоследствии используется для построения прогноза по среднему варианту. Ожидаемое число родившихся в выбранном для прогноза году рассчитывается путем умножения численности женщин соответствующей фертильной когорты на коэффициент рождаемости по когорте. Прогнозное число умерших определяется как разность между численностью населения в когорте на начало прогнозного периода и численностью населения на конец прогнозного периода, рассчитанного с использованием коэффициентов смертности по каждой когорте.

Учитываются прогнозные показатели миграции, характеризующие числа прибывших и выбывших по территориям. Входящий миграционный поток женщин фертильного возраста начинает учитываться в деторождении, исходящий миграционный поток женщин фертильного воз-

раста изымается из соответствующих когорт, служащих базой для расчета числа рождений по территории. Исходящие внешние миграционные потоки для территории изымаются из состава соответствующих возрастных когорт и перестают принимать участие в возрастном переходе. И наоборот, входящие внешние миграционные потоки для территории включаются в состав соответствующих возрастных когорт и начинают принимать участие в возрастном переходе.

Результаты исследования

В настоящее время страны Балтии и другие государства Балтийского региона характеризуются низкой рождаемостью, что свидетельствует о недостаточности числа рождений для того, чтобы каждая женщина замещалась дочерью, которая доживет до детородного возраста. К странам с низким уровнем рождаемости относится подавляющее большинство европейских государств, что сказывается на старении населения в них.

В течение анализируемого периода (с 1950 по 2015 год) в странах Балтийского региона произошло значительное снижение числа рождений на одну женщину. Среднее значение числа рождений на женщину (суммарный коэффициент рождаемости) и среднегодовое значение числа рождений на 1000 чел. населения (общий коэффициент рождаемости) за период 1950—2015 годов представлены в таблице 1 (страны Балтии выделены жирным шрифтом).

Таблица 1

Среднее значение суммарного коэффициента и общего коэффициента рождаемости в странах Балтийского региона в 1950—2015 годах

Страна	Среднее значение суммарного коэффициента рождаемости	Среднее значение общего коэффициента рождаемости, ‰
Польша	2,20	16,9
Норвегия	2,14	14,5
Белоруссия	2,01	15,7
Литва	2,01	15,3
Финляндия	2,01	14,3
Россия	1,97	15,9
Дания	1,95	13,5
Швеция	1,93	12,9
Украина	1,88	14,7
Эстония	1,85	13,7
Латвия	1,75	13,0
Германия	1,70	11,8

Как видно из таблицы, среди стран Балтии только Литва характеризовалась в период с 1950 по 2015 год средними для Балтийского региона коэффициентами рождаемости, в то время как Эстония и Латвия входили в тройку стран региона с наихудшими показателями рождаемости, обходя в этом плане только Германию.

Для достижения простого замещения в течение прогнозного периода (2015—2100 годы) необходим суммарный коэффициент рождаемости в странах Балтии: в Эстонии и Латвии — 2,08, в Литве — 2,07. Несмотря на прогнозируемый рост рождаемости в странах Балтии в 2015—2100 годах, она, вероятно, останется значительно ниже необходимого уровня простого замещения. Наибольшим прогнозируется средний разрыв между показателями суммарного коэффициента рождаемости для достижения простого замещения и его прогнозируемой величиной в Латвии — 0,32, несколько меньшим в Литве и Эстонии — 0,26.

Помимо общего снижения рождаемости в странах Балтии определенное значение имеет изменение показателей рождаемости в младших возрастных группах женщин. В частности, в 1950—2000 годах в Эстонии и Латвии максимальное значение коэффициента рождений детей к числу женщин приходилось на возрастную когорту 20—24-летних женщин, в 2000—2015 годах — на когорту 25—29-летних. В Литве в 1950—1965 годах максимальное значение коэффициента рождений детей к числу женщин приходилось на возрастную когорту 25—29-летних, в 1965—2000 годах — на 20—24-летних, в 2000—2015 годах — на 25—29-летних соответственно.

Согласно наиболее вероятностным прогнозным показателям, в 2015—2100 годах в странах Балтии произойдет дальнейшее смещение когорт доминантной фертильности. В Эстонии и Латвии доминантной возрастной когортой фертильности уже в 2015—2020 годах станет когорта 30—34-летних женщин, в Литве в 2015—2025 годах продолжит доминировать по фертильности когорта 25—29-летних женщин, а в 2025—2100 годах доминирующей станет когорта 30—34-летних женщин.

Демографическая ситуация недостаточности числа рождений в странах Балтии в постсоветский период осложняется относительно высокими коэффициентами смертности и отрицательным внешним миграционным сальдо.

Среднегодовое значение числа смертей на 1000 чел. населения (общий коэффициент смертности) за период 1950—2015 годов и усредненное значение результатов имитационного моделирования общего коэффициента смертности на 2015—2100 годы в странах Балтийского региона представлены в таблице 2.

Таблица 2

**Среднегодовое значение общего коэффициента смертности
в 1950—2015 годах и прогноз общего коэффициента смертности
(средний вариант прогноза) на 2015—2100 годы
в странах Балтийского региона**

Страна	Среднегодовое значение общего коэффициента смертности, ‰	Страна	Среднегодовое значение общего коэффициента смертности (средний вариант прогноза), ‰
Польша	9,4	Норвегия	9,2
Норвегия	9,6	Швеция	9,3
Финляндия	9,6	Дания	10,5
Швеция	10,4	Финляндия	11,0
Дания	10,4	Германия	13,0

Окончание табл. 2

Страна	Среднегодовое значение общего коэффициента смертности, ‰	Страна	Среднегодовое значение общего коэффициента смертности (средний вариант прогноза), ‰
Литва	11,2	Эстония	13,6
Германия	11,5	Польша	14,4
Россия	11,6	Россия	14,4
Белоруссия	11,8	Литва	14,6
Украина	12,1	Белоруссия	14,7
Эстония	12,3	Латвия	15,0
Латвия	12,9	Украина	16,3

Как видно из таблицы 2, в период с 1950 по 2015 год Латвия и Эстония отличались самыми высокими показателями смертности среди стран Балтийского региона, а Литва — средними. Тем не менее с 2015 по 2100 год по сравнению с другими странами региона ожидается несколько меньший рост смертности в Эстонии, и более заметный рост — в Латвии и Литве. Особенно ухудшится данный показатель в Литве, а Эстония по показателю смертности населения окажется на среднем уровне среди стран Балтийского региона.

Среднегодовое значение чистого числа мигрантов на 1000 чел. населения (коэффициент чистой миграции) в 1950—2015 годах и усредненное значение результатов имитационного моделирования на 2015—2100 годы по коэффициенту чистой миграции представлены в таблице 3.

Таблица 3

Среднегодовое значение коэффициента чистой миграции в 1950—2015 годах и прогноз коэффициента чистой миграции (средний вариант прогноза) на 2015—2100 годы в странах Балтийского региона

Страна	Среднегодовое значение коэффициента чистой миграции, ‰	Страна	Среднегодовое значение коэффициента чистой миграции (средний вариант прогноза), ‰
Швеция	2,6	Норвегия	3,1
Норвегия	2,3	Швеция	2,6
Германия	1,9	Дания	2,0
Эстония	1,3	Германия	1,7
Дания	1,2	Финляндия	1,7
Россия	0,9	Россия	0,7
Украина	0,3	Белоруссия	0,2
Финляндия	0,2	Латвия	- 0,1
Латвия	- 0,02	Польша	- 0,2
Польша	- 0,7	Украина	- 0,2
Белоруссия	- 0,7	Эстония	- 0,8
Литва	- 2,3	Литва	- 0,9

Если в период с 1950 по 2015 год Эстония в среднем характеризовалась небольшим миграционным приростом населения, то Латвия и, особенно, Литва по причине сильного миграционного оттока населения в постсоветский период вошли в число стран с отрицательным миграционным сальдо. В период с 2015 по 2100 год ожидается отрицательное миграционное сальдо во всех трех странах Балтии, причем Эстония и Литва могут удерживать лидерство в Балтийском регионе по миграционному оттоку населения.

Повышение качества жизни и успехи системы здравоохранения обеспечивают повышение ожидаемой продолжительности жизни для людей, достигших старших возрастов. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении для обоих полов в 2015 году в странах Балтийского региона представлена в таблице 4.

Таблица 4

**Ожидаемая продолжительность жизни при рождении для обоих полов
в 2015 году и прогноз ожидаемой продолжительности жизни
на 2015—2100 годы (средний вариант прогноза)
в странах Балтийского региона**

Страна	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении для обоих полов, лет	Страна	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении для обоих полов (прогнозируемое усредненное значение), лет
Швеция	81,9	Швеция	87,9
Норвегия	81,3	Норвегия	87,2
Германия	80,6	Германия	87,1
Финляндия	80,5	Финляндия	87,0
Дания	80,0	Дания	86,1
Польша	77,1	Польша	83,7
Эстония	76,5	Эстония	82,7
Латвия	73,9	Латвия	79,4
Литва	73,1	Литва	79,0
Украина	70,7	Белоруссия	76,4
Белоруссия	71,1	Россия	75,2
Россия	69,8	Украина	74,9

Среди стран Балтии в 2015 году ожидаемая продолжительность жизни населения в Эстонии значительно превосходила таковую в Латвии и Литве. В целом государства Балтии по этому показателю заметно превосходили все другие республики, ранее входившие в состав Советского Союза.

Средний разрыв между ожидаемой продолжительностью жизни женщин и мужчин в течение анализируемого периода (с 1950 по 2015 год) находился на достаточно высоком уровне и составлял в Эстонии и Латвии — 9,7 лет, в Литве — 9,5 лет. Тем не менее можно отметить некоторое снижение этого показателя к концу анализируемого периода в Эстонии (9,5 лет), но рост показателя в Латвии (9,8 лет) и, особенно, в Литве (11,4 лет).

Усредненное значение результатов имитационного моделирования по ожидаемой продолжительности жизни на 2015—2100 годы в стра-

нах Балтийского региона представлено в таблице 4. Ожидаемая продолжительность жизни в странах Балтии должна увеличиться примерно на 6 лет, и они сохраняют свою среднюю позицию по этому показателю в Балтийском регионе.

Потенциальное число рождений мальчиков к числу рождений девочек принимается в прогнозном периоде равным средним значениям анализируемого периода и составляет в Эстонии — 1,06, в Латвии и Литве — 1,05. Для других стран Балтийского региона этот показатель составляет: в Финляндии и России — 1,05, в Германии, Швеции, Норвегии, Дании, Белоруссии, Украине и Польше — 1,06.

Таким образом, результаты имитационного моделирования на прогнозный период подтверждают потенциальный рост продолжительности жизни по странам Балтийского региона, что в сочетании с недостаточным для простого замещения суммарным коэффициентом рождаемости, негативными миграционными тенденциями, большим числом рождений мальчиков по отношению к числу рождений девочек приведет к высоким темпам старения населения и быстрому снижению численности населения в странах региона.

В результате реализации обозначенных в исследовании негативных тенденций по странам Балтии прогнозируется отрицательный среднегодовой темп прироста населения за период 2015—2100 годов, который составит: – 4,2 % в год в Литве, – 4,4 % в год в Эстонии и – 5,1 % в год в Латвии.

Как результат обозначенного для стран Балтии отрицательного среднегодового темпа прироста населения можно прогнозировать снижение численности населения Эстонии с 2015 по 2100 год на 31,21 % (с 1313 до 904 тыс. чел.), Латвии — на 35,21 % (с 1971 до 1278 тыс. чел.), Литвы — на 30,13 % (с 2878 до 2013 тыс. чел.). Что касается других стран Балтийского региона, можно прогнозировать рост численности населения в Финляндии, Швеции, Норвегии и Дании, а также снижение численности населения в России, Германии, Беларуси, Украине и Польше. Прогноз численности населения стран Балтийского региона на 2100 год представлен на рисунке 1.

Наиболее ярко процессы старения населения в пределах стран Балтии будут выражены в Эстонии, средний возраст населения которой покажет существенный рост — с 38,7 года в 2015 году до 43,53 года в 2100 году. Эта тенденция связана с наибольшим ростом средней продолжительности жизни населения Эстонии в прогнозном периоде, а также с быстрым сокращением разрыва между продолжительностью жизни мужчин и женщин. Увеличится также средний возраст населения и в двух других странах Балтии. Средний возраст населения Латвии с 2015 по 2100 год покажет рост с 39,6 до 41,9 года, Литвы — с 39,5 до 41,3 года. Средний возраст населения стран Балтийского региона в 2015 году и его прогноз на 2045, 2070 и 2100 годы отражены на рисунке 2.

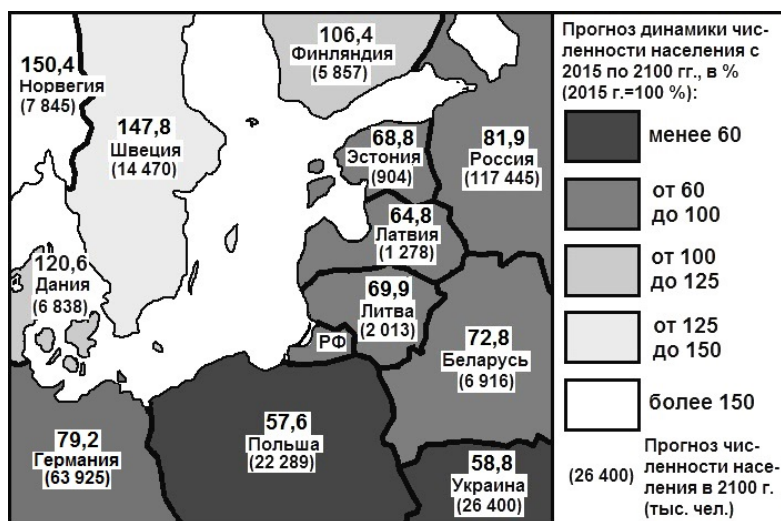

Рис. 1. Прогноз динамики численности населения стран Балтийского региона в период с 2015 по 2100 год

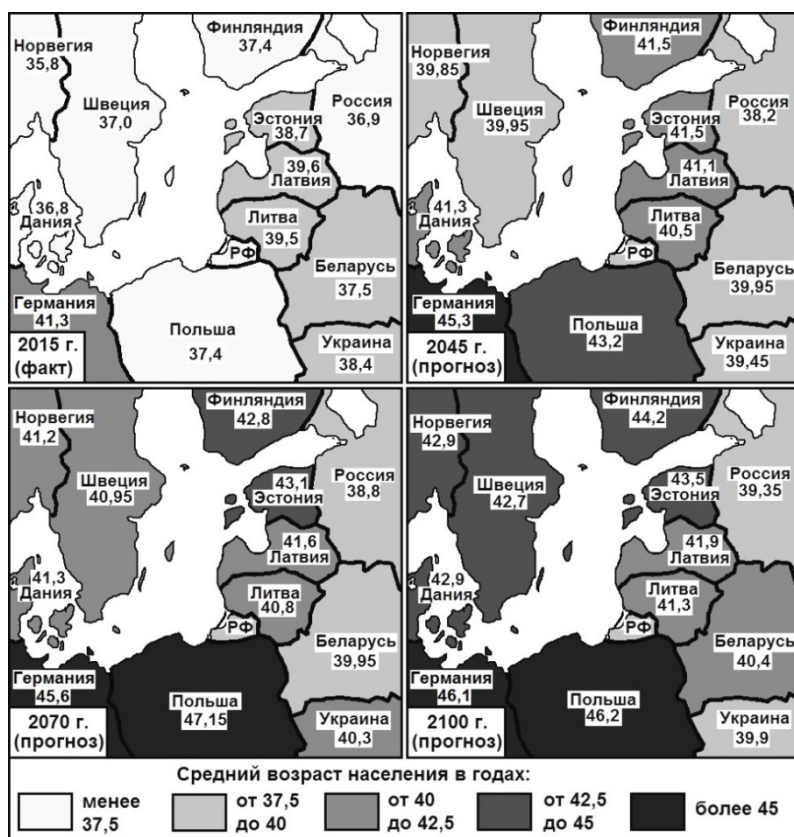

Рис. 2. Средний возраст населения в странах Балтийского региона в 2015 году и прогноз на 2045, 2070 и 2100 годы

Наиболее ярко процессы старения населения в Балтийском регионе будут выражены в Германии, а также в Польше, средний возраст населения которой покажет существенный рост. Эта тенденция связана с низкой рождаемостью в Польше и высоким миграционным оттоком младших возрастных групп населения.

В результате рассчитанных показателей соотношения возрастных групп населения по странам Балтии можно прогнозировать с 2015 по 2100 год наиболее существенный рост медианного возраста населения в Эстонии (с 41,7 до 47,6 года). Меньший рост медианного возраста прогнозируется в Латвии (с 42,9 до 45,8 года) и Литве (с 43,1 до 45,0 года). Медианный возраст населения стран Балтийского региона в 2015 году и его прогноз на 2045, 2070 и 2100 годы представлены на рисунке 3.

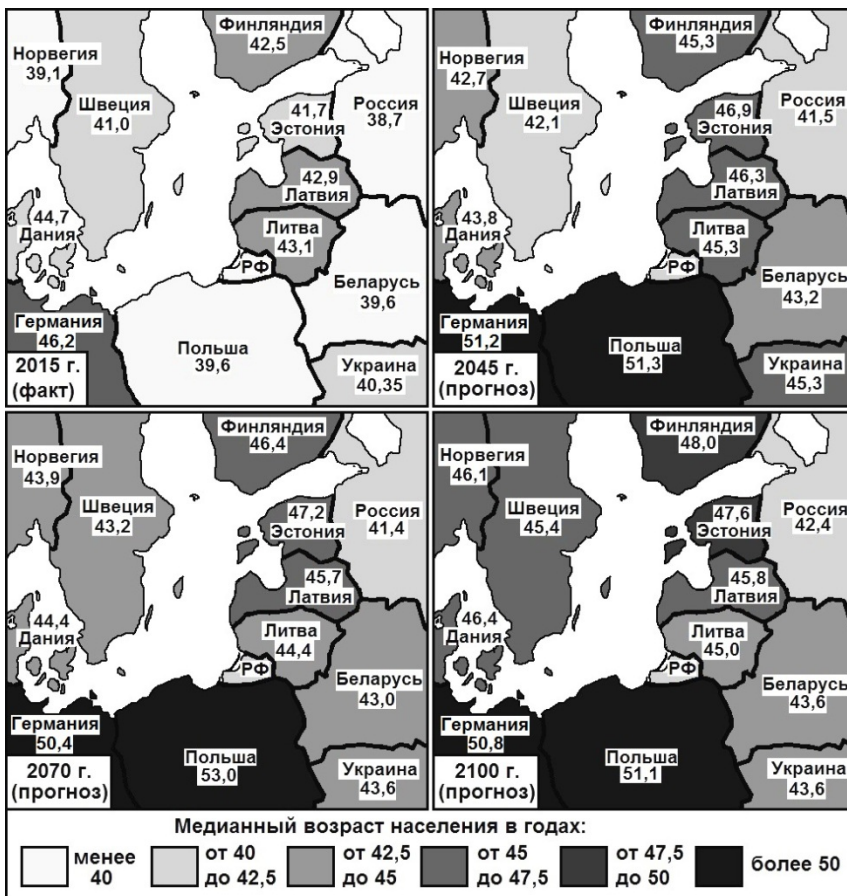

Рис. 3. Медианный возраст населения стран Балтийского региона в 2015 году и прогноз на 2045, 2070 и 2100 годы (согласно средним значениям доверительного интервала, полученного в результате имитационного моделирования)

Можно отметить увеличение разницы между медианным и средним возрастом населения, что указывает на ускорение темпов старения населения в прогнозном периоде. Разница между медианным и средним возрастом населения составила в странах Балтии (лет, соответственно в 2015 и 2100 годах): в Эстонии — 2,9 и 4,0; в Латвии — 3,3 и 4,0; в Литве — 3,6 и 3,5. Представленные показатели свидетельствуют о наиболее быстром старении населения Эстонии на фоне других стран Балтии. Из всех государств Балтийского региона наиболее быстрое старение населения характеризует Польшу. Разница между медианным и средним возрастами населения (лет) в Польше составила 2,2 в 2015 году и 5,8 в 2100 году. К примеру, в Германии разница между медианным и средним возрастами населения изменится за этот же период с 4,9 до 4,6 года.

На основе показателей отношения возрастных когорт населения к населению в целом, а также прогнозных показателей рождаемости, смертности и миграции в прогнозном периоде, может быть рассчитан уровень прогнозной демографической нагрузки по различным группировкам широких возрастных групп населения.

Прежде всего важно обозначить прогнозную динамику коэффициента демографической нагрузки пожилыми по странам Балтии по первому типу расчета (отношение населения 65 лет и старше к населению в возрастах 15—64 лет). Можно отметить, что наибольший потенциальный рост демографической нагрузки пожилыми (по первому типу расчета) в 2015—2100 годах отмечается в Эстонии: с 288 до 527 ‰. В Латвии потенциальный рост составит с 295 до 466 ‰, в Литве — с 283 до 452 ‰. Коэффициент демографической нагрузки по первому типу расчета в странах Балтийского региона представлен на рисунке 4.

Также можно рассмотреть прогнозную динамику коэффициента демографической нагрузки пожилыми по странам Балтии по третьему типу расчета (отношение населения 70 лет и старше к населению в возрастах 20—69 лет), что связано с прогрессирующей тенденцией к смещению средних возрастов вступления в социальные роли (в сторону увеличения). Отметим, что наибольший потенциальный рост демографической нагрузки пожилыми (по третьему типу расчета) в 2015—2100 годах также отмечается в Эстонии: с 209 до 432 ‰. В Латвии потенциальный рост составит с 219 до 371 ‰, в Литве — с 218 до 357 ‰.

Для понимания общих тенденций демографической конъюнктуры региона дадим прогнозную динамику коэффициента общей демографической нагрузки по странам Балтии по первому типу расчета (отношение населения 65 лет и старше в совокупности с населением 14 лет и моложе к населению в возрастах 15—64 лет). Наибольший рост общей демографической нагрузки (по первому типу расчета) в 2015—2100 годах прогнозируется в Эстонии — с 535 до 800 ‰. В Латвии ожидается рост показателя с 522 до 736 ‰, в Литве — с 501 до 728 ‰. Коэффициент общей демографической нагрузки по первому типу расчета в странах Балтийского региона представлен на рисунке 5.

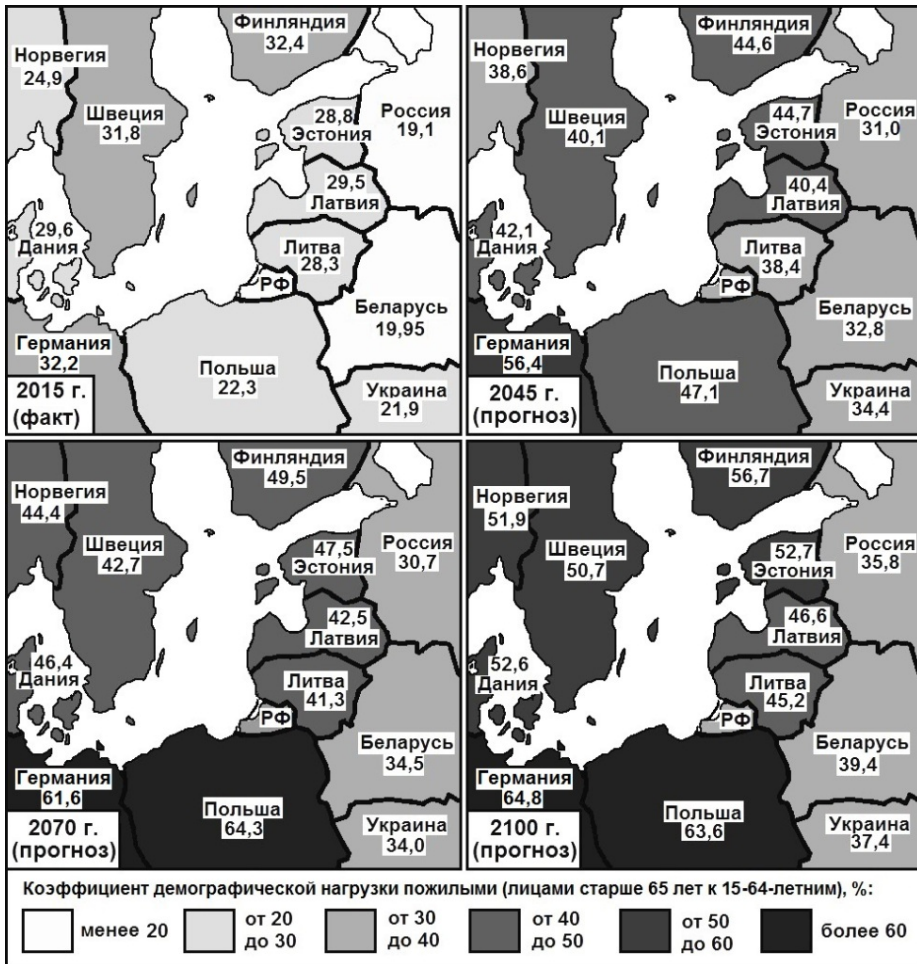

Рис. 4. Кoeffициент демографической нагрузки пожилыми (лицами старше 65 лет к 15—64-летним) по странам Балтийского региона в 2015 году и прогноз на 2045, 2070, 2100 годы (согласно средним значениям доверительного интервала, полученного в результате имитационного моделирования)

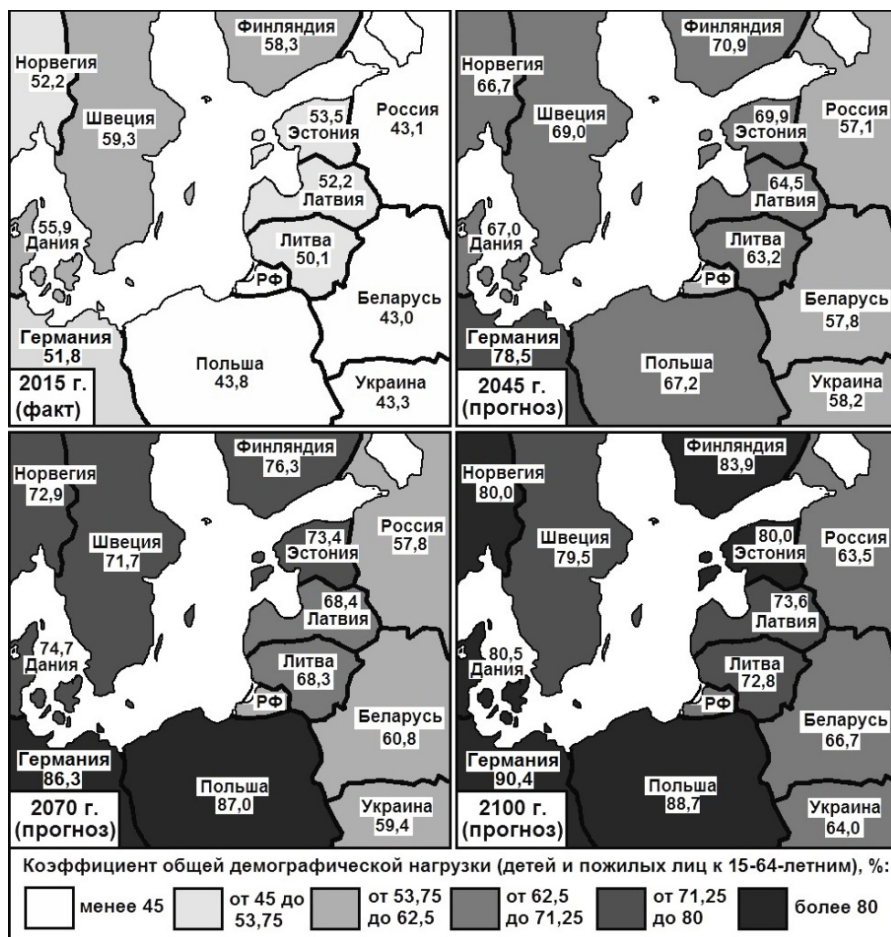

Рис. 5. Коэффициент общей демографической нагрузки (детей до 15 лет и пожилых лиц старше 65 лет к 15—64-летним) по странам Балтийского региона в 2015 году и прогноз на 2045, 2070, 2100 годы (согласно средним значениям доверительного интервала, полученного в результате имитационного моделирования)

Рассмотрим прогнозную динамику коэффициента общей демографической нагрузки по странам Балтии по третьему типу расчета (отношение населения 70 лет и старше в совокупности с населением 19 лет и моложе к населению в возрастах 20—69 лет). Наибольший рост общей демографической нагрузки (по третьему типу расчета) в 2015—2100 годах прогнозируется в Эстонии — с 517 до 802 %. В Латвии ожидается рост данного показателя с 504 до 735 %, в Литве — с 523 до 731 %.

Выводы и рекомендации

Во всех вариантах прогноза в качестве лидеров в Балтийском регионе по демографической нагрузке в конце текущего столетия выступают Германия и Польша, третьей по остроте данной проблемы станет

Финляндия. В группу стран Балтийского региона с наиболее высокой демографической нагрузкой в конце XXI века будут также входить Эстония, Дания, Норвегия и Швеция. Латвия и Литва по демографической нагрузке будут занимать средние позиции в Балтийском регионе, хотя и там отмечается заметный рост этого показателя.

В сложившейся ситуации в быстростареющих странах Балтийского региона рекомендуется применение следующих мер демографической политики: 1) усиление пропаганды практики «отсроченных пенсий»; 2) запрет аборт за редким исключением («польская практика»); 3) пропаганда материнства и детства, внедрение аналога «материнских» сертификатов («русская практика»); 4) принятие аналога закона Фийона, при котором для получения полной пенсии необходимо иметь общий трудовой стаж не менее 160 кварталов, или 40 лет («французская практика»); 5) постепенное увеличение формального пенсионного возраста до 67, а затем и до 69 лет; 6) возможность одновременного получения части пенсии и работы в течение неполного рабочего дня с 60 лет; после 65 лет допускается возможность получения пенсии и трудового дохода в полном размере («испанская практика»); 7) совокупность прямых фискальных методов демографического регулирования (рост отчислений в фонды, частично дотационный порядок формирования фондов и пр.).

Список литературы

1. Башлачев В. А. О новом измерителе демографического развития на календарном интервале 100 лет // Псковский регионологический журнал. 2014. № 19. С. 97—112.
2. Кузнецова Т. Ю. Геодемографическая обстановка в странах Балтийского макрорегиона: проблемы и перспективы : монография / под ред. Г. М. Федорова. Калининград, 2009.
3. Кузнецова Т. Ю. Тенденции и факторы демографического развития в Балтийском регионе: региональный анализ // Региональные исследования. 2013. № 3 (41). С. 50—57.
4. Кузнецова Т. Ю. Территориальная дифференциация демографического развития в регионах Балтийского моря // Региональные исследования. 2008. № 3 (18). С. 58—62.
5. Мкртчян Н. В., Карачурина Л. Б. Центры и периферия в странах Балтии и регионах Северо-Запада России: динамика населения в 2000-е годы // Балтийский регион. 2014. № 2 (20). С. 62—80.
6. Слукa Н. А., Иванов Д. С. Демографические рейтинги стран Балтийского региона // Балтийский регион. 2014. № 2 (20). С. 29—45.
7. Станайтис А. К., Станайтис С. А. Население Литвы во второй половине XX — начале XXI вв. // Псковский регионологический журнал. 2012. № 14. С. 74—84.
8. *A comparative analysis of the active ageing policies in the Baltic countries.* Tallinn, 2014.

9. *Apsite E., Krišjāne Z., Berzins M.* Emigration from Latvia under economic crisis conditions // International Proceedings of Economics Development and Research. 2012. Vol. 31. P. 134—138.
10. *Berzins A., Zvidrins P.* Depopulation in the Baltic States // Lithuanian Journal of Statistics. 2011. Vol. 50, № 1. P. 39—48.
11. *Hanell. T.* Troubling demographic trends in the Baltic Sea Region // North. 2000. Vol. 11, № 2—3. P. 5—11.
12. *Juska A., Ciciurkaite G.* Older-age care politics, policy and institutional reforms in Lithuania // Ageing and Society. 2015. Vol. 35, is. 4. P. 725—749.
13. *Michalski T.* The main demographic and health problems of the former Soviet part of Baltic Europe // Baltic Europe on the Eve of Third Millenium. Published series: Coastal Regions 3, 2001. P. 113—119.
14. *Michalski T.* Changes in the Demographic and Health Situation Among Post-Communist Members of the European Union. Pelplin, 2005.
15. *The 2015 Ageing Report.* Economic and budgetary projections for the 28 EU Member States (2013—2060) // European economy. 2015. № 3. P. 397.
16. *United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2015).* URL: <http://esa.un.org/unpd/wpp/> (дата обращения: 17.03.2016).
17. *World Population Prospects: The 2015 Revision, Methodology of the United Nations Population Estimates and Projections // United Nations Department of Economic and Social Affairs Population Division.* N. Y., 2015.

Об авторах

Андрей Геннадьевич Манаков, доктор географических наук, профессор кафедры географии, Псковский государственный университет, Россия.

E-mail: region-psk@yandex.ru

Павел Эдуардович Суворков, аспирант кафедры географии, Псковский государственный университет, Россия.

E-mail: pavel_suvorkov@mail.ru

Саулюс Алгирдович Станайтис, доктор наук, профессор, Эдукологический университет Литвы, г. Вильнюс, Литва.

E-mail: saulius.stanaitis@leu.lt

Для цитирования:

Манаков А. Г., Суворков П. Э., Саулюс А. С. Старение населения как социально-демографическая проблема Балтийского региона // Балтийский регион. Т. 9, № 1. С. 79—95. doi: 10.5922/2074-9848-2017-1-5.

POPULATION AGEING AS A SOCIODEMOGRAPHIC PROBLEM
IN THE BALTIC REGION

A. G. Manakov *

P. J. Suvorkov *

S. A. Stanaitis **

*Pskov State University

2 Lenin Sq., Pskov, 180000, Russia

**Lithuanian University of Educational Sciences

39 Studentu, Vilnius, LT — 08106, Lithuania

Submitted on April 20, 2016

Population ageing is a major problem of European development in the 21st century. Rapid population ageing in most developed countries will continue to drive the dependency ratio up.

This research aims to forecast dependency ratio in the Baltic region until the end of the century. A more detailed population analysis and forecast is provided for the case of the Baltic States — Estonia, Latvia, and Lithuania.

The authors use Bayesian probabilistic predictions based on data from the Population Division of the United Nations Department of Economic and Social Affairs. Principle research methods include multi-factor simulation modelling; some findings are presented on schematic maps.

The study shows that by the end of the century the highest dependency ratio in the Baltic region will be observed in Poland, while Finland, Estonia, Denmark, Norway, and Sweden will also face significant challenges. The authors put forward demographic policy recommendations for those Baltic region states that will reach the highest dependency ratio by the second half of the 21st century.

Key words: demographic forecast, population ageing, Baltic Sea region

References

1. Bashlachev, V. A. 2014, A new meter demographic development in the range of 100 calendar years, *Pskovskii regionologicheskii zhurnal*, no. 19, p. 97—112. (In Russ.)
2. Kuznetsova, T. Yu. 2009, *Geodemograficheskaya obstanovka v stranakh Baltiiskogo makroregiona: problemy i perspektivy* [Geo-demographic situation in the Baltic macro-region: problems and prospects], Kaliningrad, 158 p. (In Russ.)
3. Kuznetsova, T. Yu. 2013, Trends and factors of demographic development in the Baltic region: Regional Analysis, *Regional'nye issledovaniya* [Regional studies], no. 3 (41), p. 50—57. (In Russ.)
4. Kuznetsova, T. Yu. 2008, Territorial differentiation of demographic development in the regions of the Baltic Sea, *Regional'nye issledovaniya* [Regional studies], no. 3 (18), p. 58—62. (In Russ.)
5. Mkrtchyan, N., Karachurina, L. 2014, The Baltics and Russian North-West: the Core and the Periphery in the 2000s, *Balt. Reg.*, no. 2 (20), p. 48—62. DOI: 10.5922/2079-8555-2014-2-4.

6. Sluka, N., Ivanov, D. 2014, Demographic Ranking of the Baltic Sea States, *Balt. Reg.*, no. 2 (20), p. 22—34. DOI: 10.5922/2079-8555-2014-2-2.
7. Stanaytis, A. K., Stanaytis, S. A. 2012, The population of Lithuania in the second half of XX — beginning of XXI centuries, *Pskovskii regionologicheskii zhurnal*, no 14, p. 74—84. (In Russ.)
8. Nurmela, K., Osila, L., Leetmaa, R. 2014, *A comparative analysis of the active ageing policies in the Baltic countries*, Tallinn, 50 p.
9. Apsite, E., Krišjāne, Z., Berzins, M. 2012, Emigration from Latvia under economic crisis conditions, *International Proceedings of Economics Development and Research*, Vol. 31, p. 134—138.
10. Berzins, A., Zvidrins, P. 2011, Depopulation in the Baltic States, *Lithuanian Journal of Statistics*, Vol. 50, no. 1, p. 39—48.
11. Hanell, T. 2000, Troubling demographic trends in the Baltic Sea Region, *North*, Vol. 11, no. 2—3, p. 5—11.
12. Juska, A., Ciciurkaite, G. 2014, Older-age care politics, policy and institutional reforms in Lithuania, *Ageing and Society*, Vol. 35, no. 4, 25 April 2014, p. 725—749. DOI: 10.1017/S0144686X13001037.
13. Michalski, T. 2001, The main demographic and health problems of the former Soviet part of Baltic Europe, *Baltic Europe on the Eve of Third Millenium. Published series: Coastal Regions*, no. 3, p. 113—119.
14. Michalski, T. 2005, *Changes in the Demographic and Health Situation Among Post-Communist Members of the European Union*, Pelplin.
15. The 2015 Ageing Report. Economic and budgetary projections for the 28 EU Member States (2013—2060), 2015, *European economy*, no. 3, p. 397.
16. *The 2015 Ageing Report Economic and budgetary projections for the 28 EU Member States (2013—2060)*, 2015, European Commission, Directorate-General for Economic and Financial Affairs, available at: <http://esa.un.org/unpd/wpp/> (accessed 17.03.2016).
17. *World Population Prospects: The 2015 Revision, Methodology of the United Nations Population Estimates and Projections*, 2015, NY, United Nations Department of Economic and Social Affairs Population Division.

The authors

Prof. Andrei G. Manakov, Department of Geography, Pskov State University, Russia.

E-mail: region-psk@yandex.ru

Pavel J. Suvorkov, PhD student, Department of Geography, Pskov State University, Russia.

E-mail: pavel_suvorkov@mail.ru

Prof. Saulius A. Stanaitis, Department of Geography and Tourism, Lithuanian University of Educational Sciences, Vilnius, Lithuania.

E-mail: saulius.stanaitis@leu.lt

To cite this article:

Manakov, A. G., Suvorkov, P. J., Stanaitis, S. A. 2017, Population Ageing as a Sociodemographic Problem in the Baltic Region, *Balt. reg.*, Vol. 9, no. 1, p. 79—95. doi: 10.5922/2074-9848-2017-1-5.

УДК 911.3

**СОВРЕМЕННЫЕ
ГЕОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ЕВРОСОЮЗА
И МИГРАЦИОННЫЙ
КРИЗИС 2010-Х ГОДОВ**

В. Л. Мартынов*
И. Е. Сазонова*

Цель статьи — показать влияние миграционного кризиса 2010-х годов на демографическое развитие Европейского союза. Основные методы — статистический и картографический. Утверждается, что в демографическом развитии государств Европейского союза не прослеживается четкой зависимости ни от социально-экономических показателей, ни от религиозных, языковых, культурных (цивилизационных) различий. Миграционный приток населения сильно различается по разным странам и регионам Евросоюза. Анализируются основные маршруты нелегальной миграции, показывается, что их использование не всегда может быть объяснено с применением традиционных демографических подходов. Различается также и доля мигрантов по странам Европейского союза, но система их расселения при этом сходна. Мусульманское население, даже проживая в стране прибытия на протяжении десятков лет (турки в Германии), крайне слабо интегрируются в местное общество и воздействуют на него. Усиливается демографическая мозаичность Европейского союза, которая делает практически бессмысленной деятельность по прогнозированию демографических процессов на уровне государств. Но на уровне локальных общностей такой прогноз не только возможен, но и необходим. Все это приводит к усилению потребности в геодемографических исследованиях.

Ключевые слова: миграционный кризис, численность населения, маршруты нелегальной миграции, мусульманское население Евросоюза, зоны «ноу-гоу», геодемография

Введение

Одним из главных вопросов мировой политики в 2015—2016 годах стала «проблема беженцев», направ-

* Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
191186, Россия, Санкт-Петербург,
Набережная реки Мойки, 48.

Поступила в редакцию 18.05.2016 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2017-1-6

© Мартынов В. Л., Сазонова И. Е., 2017

лявшихся из стран Ближнего и Среднего Востока в государства Европейского союза. Данная тема с разных точек зрения рассматривалась практически во всех средствах массовой информации, политологических, социологических и прочих исследованиях, проводившихся буквально «по горячим следам». Рефреном большинства как публикаций, так и исследований было утверждение о том, что нынешний поток беженцев коренным образом изменит Европу, поскольку уровень рождаемости в азиатских странах намного выше, чем в европейских, что крайне негативным образом скажется на развитии «единой Европы». Следует отметить, что такого рода проблемы имеют существенное значение и для современной России.

Основные тенденции изменения численности населения Евросоюза

Для того чтобы понять, насколько нелегальные мигранты 2015 года могут повлиять на геодемографическое развитие, следует, очевидно, обратиться к сведениям не только о том, сколько их и каковы они, но и к данным о том, что представляет население нынешнего Евросоюза, выявить основные процессы его количественной и качественной трансформации. Безусловно, проблема миграции в Евросоюз в целом и нелегальной миграции в частности неоднократно привлекала внимание исследователей, статьи которых публиковались в том числе и в географических журналах (см.: [12; 14]. К числу последних работ по этой теме можно отнести статью Д. В. Житина, А. А. Краснова и А. В. Шендрика «Миграционные связи Европы: пространственно-временные трансформации», вышедшую весной 2016 года [10].

Самый простой показатель, характеризующий особенности демографического развития любой страны, региона и т. д., — динамика численности населения. В пределах Европейского союза (ЕС-28) по состоянию на 1 января 2015 года проживало примерно 508,5 млн чел. Это почти на полтора миллиона человек больше, чем на начало 2014 года, а за десять лет (2005—2015 годы) численность населения Европейского союза выросла на 14 млн чел. (по состоянию на 1 января 2005 года — 494,5 млн чел.) [25]. Очевидно, что численность населения Европейского союза не только весьма велика, но и продолжает расти, пусть и медленными темпами (примерно 0,03 % в год). Но последние годы дают некоторое ускорение темпов роста: если в 1994—2014 годах ежегодный прирост численности населения нынешнего ЕС составлял 1,3 млн человек в год, то как за 2013-й, так и за 2014 год численность населения ЕС возросла на 1,7 млн чел. [21, р. 4].

Возникает вопрос — каковы составляющие этого роста? Основу роста численности населения ЕС в 2013 году составило механическое движение населения — доля внешней миграции в общем объеме прироста населения составила примерно 95 % [21, р. 4].

До начала 90-х годов естественный прирост в целом по ЕС-28 превосходил миграционный, в 1991 году механический прирост впервые превысил естественный, и к 2003 году его доля составила 95 % общего

прироста численности населения. Затем на протяжении 2003—2009 годов происходило снижение доли механического прироста, и соответственно, рост доли естественного, в 2009 году доля естественного прироста достигла 43 %, механического, следовательно, — 57 %. И с этого показателя доля механического прироста вновь начала расти [21, р. 4]. В 2014 году доля естественного прироста в общем росте численности населения по Европейскому союзу была 14,5 %, механического — 85,5 % [23, р. 20].

Если снижение доли механического прироста 2003—2009 годах вполне объяснимо, особенно к концу этого периода (финансовый кризис 2008 года), то рост доли естественного прироста однозначного объяснения не имеет. Авторами данной статьи увеличение естественного прироста в эти годы было выявлено на примере Польши, Чехии и Словакии [7; 8] и названо «евробеббизум», поскольку по времени оно совпало с первыми годами членства этих государств в Европейском союзе.

В целом демографическую обстановку в постиндустриальном обществе можно определить как пятую стадию демографического перехода. Характерными чертами этой стадии, отличающими ее от предыдущей четвертой, стал некоторый рост рождаемости в условиях стабильного сложившегося «сытого» общества. Рождаемость на этой стадии может возрасти просто «от хорошей жизни», если можно так выразиться.

Условия жизни, в частности женщин, позволяют рожать и воспитывать более чем одного ребенка без ущерба карьере и положению в обществе (няни, свободный график работы, удаленная работа из дома). В таких условиях повышается ценность семьи. Женщины за многие годы эмансипации уже достигли определенного положения в обществе, уже не борются за свои права, имеют хорошее образование, профессию, должность и могут позволить себе воспитывать несколько и даже много детей, ненадолго прервав или продолжая работать. Как правило, возраст женщин, рожаящих детей на этой стадии, выше, чем на предыдущих.

В геодемографическом отношении практически не проявляются так называемые цивилизационные различия. Как утверждает Г. М. Федоров, описывая методику отнесения стран и территорий к той или иной цивилизационной группе, «в качестве первого типологического признака мы рассматриваем религию, второй признак — языковая общность (язык, языковая группа, языковая семья), третий — историческая (пребывание в течение продолжительного времени в составе одного государства или в качестве его колонии)» [16, с. 67]. Трудно сказать с полной определенностью, что весь набор этих признаков или какие-то из них по отдельности проявляются в геодемографии современной «единой Европы».

Самым благоприятным соотношением естественного и механического прироста в 2011—2014 годах из стран ЕС характеризовалась католическая славянская Словения, естественный прирост в которой в 2011 году в 1,6 раза превышал механический, а в 2013 году — более чем в 4 раза (по: [21, р. 7]). Какова нынешняя ситуация в этой стране,

трудно сказать, поскольку во второй половине 2015 года через нее проходил один из главных маршрутов перемещения беженцев из Греции в основную часть Евросоюза.

Для стран на окраинах ЕС свойственно сочетание естественной убыли и механического оттока. Эти государства совершенно несходны между собой в «цивилизационном» отношении. Это, например, католическая романоязычная Португалия, протестанско-православная Латвия, где большая часть населения говорит на двух языках — латышском и русском, романоязычная православная Румыния, славянская католическая (в результате геноцида сербов в 90-е годы православного населения здесь осталось очень мало) Хорватия, православная Греция, язык которой ни с каким другим индоевропейским языком не сходен.

Для «старых» стран Евросоюза, с которых начиналась это «надгосударство», свойственно большое разнообразие сочетаний показателей естественного и механического движения населения. Так, например, Бельгия и Нидерланды, в «обыденном» восприятии кажущиеся едва ли не вымирающими странами, характеризуются хотя и небольшим, но вполне устойчивым естественным приростом населения. По состоянию на 2013 год естественный прирост населения католической двуязычной (романоязычные валлоны и германоязычные фламандцы) Бельгии несколько уступал механическому (естественный прирост — 1,5%, механический — 2,3%), а германоязычных протестантских Нидерландах естественный прирост превышал механический (1,8% и 1,2%).

В Германии, самой крупной по численности населения стране Евросоюза и единственной, состоящей из протестантской (северной) и католической (южной) частей, естественная убыль сочеталась с миграционным приростом (–2,6% и 5,6%) [21, р. 4]. Более того, данные по естественному движению населения по землям Германии также не дают оснований говорить о зависимости уровня рождаемости от религиозной принадлежности населения. В 2013 году естественный прирост отмечался в двух городах — Берлине и Гамбурге (0,7 и 0,5%). Оба расположены в северной протестантской части Германии. Но в еще одном северогерманском городе — Бремене — отмечалась естественная убыль населения в 3,3%. В южной, католической, части Германии также наблюдалась естественная убыль, хотя и меньшая, чем в северной. Для Баварии показатель естественной убыли составил — 1,4%. Естественная убыль (–3,1%) отмечалась и в федеральной земле Северный Рейн — Вестфалия, характеризующейся повышенной долей мусульманского (преимущественно турецкого) населения. Разрыв между землями Германии по уровню рождаемости в 2013 году был в 1,5 раза (максимум — 10,4% в Гамбурге, минимум 6,9% в Сааре), по уровню смертности в 1,4 раза (минимальная — 9,6% в Берлине и Баден-Вюртемберге, максимальная — 13,9% в Саксонии-Ангальт) (по: [26, s. 34]).

В распределении более-менее благополучных в демографическом отношении регионов Германии очень трудно выявить существенную зависимость от религиозного, а тем более языкового состава населения (не рассматривать же всерьез влияние на рождаемость верхне- или

нижненемецких диалектов), природных и социально-экономических условий. Намного более существенными, на наш взгляд, являются трудно- или совсем не «улавливаемые» статистикой факторы и условия жизни людей в конкретных географических условиях, зачастую вообще не имеющие какого-либо количественного выражения. Это «состояние умов» в локальных или региональных сообществах, формируемое информационными потоками, поступающими как извне этих сообществ, так и формируемыми внутри. Такие информационные потоки могут отражать действительности и как обычные, и как кривые зеркала. Поскольку потоки информации не только отражают состояние общества, но и формируют его, то состояние этих потоков самым непосредственным образом сказывается на развитии общества, в том числе и геодемографическом.

Примеры государств «срединной Европы», приведенные выше, показывают, что религиозная и языковая принадлежность населения, исторические особенности государств и регионов если и оказывают влияние на современные геодемографические процессы в Евросоюзе, то очень небольшое. Более того, сам фактор религиозной принадлежности в странах Евросоюза постоянно и устойчиво сокращается, причем особенно активно этот процесс стал происходить в первые годы XXI века [1]. Этот процесс можно оценить скорее отрицательно, поскольку духовная основа нынешней Европы, собственно ее и создавшая, — это христианство. К сожалению, сейчас можно отметить, что дехристианизация Евросоюза, проявляющаяся в том числе и в репродуктивном поведении, идет весьма активно. Соответственно, размывается разница в этом отношении между католической и протестантской его частями. Православная часть ЕС-28 (Греция, Болгария, Румыния и Кипр), где приверженность населения христианским ценностям в целом выше, чем в католических и тем более протестантских странах, слишком мала и выдержать натиск дехристианизации явно не сможет.

Нелегальная миграция в Евросоюз: особенности последних лет

До массового «нашествия» беженцев из стран Ближнего и Среднего Востока государства Евросоюза характеризовались существенным различиями притока населения извне. По данным 2013 года, положительное сальдо миграционного баланса в целом по ЕС составило 1627,7 тыс. чел., из которых 72,7% (1183,9 тыс. чел.) приходилось на Италию (первая волна беженцев из Северной Африки, главным образом Ливии). До этого времени мигранты для Италии совершенно не были характерны, основной миграционный поток в пределы ЕС направлялся во Францию (выходцы из бывших французских колоний), Великобританию (выходцы из бывших британских колоний) и Германию (гастарбайтеры в основном из Турции).

Нынешняя (2015 года) волна беженцев «накрыла» в первую очередь Грецию. С подобным притоком мигрантов эта страна сталкивалась в первой половине 20-х годов XX века, когда после поражения Греции в

войне с кемалистской Турцией в Грецию было переселено примерно 1,5 млн греков. Тогда это привело к долговременному кризису греческого государства, который продолжался несколько десятков лет, до середины 70-х годов (свержение «черных полковников»).

Однако целью беженцев 2015 года стала не Греция, а Евросоюз в целом. Нынешние переселенцы, насколько можно судить по сообщениям СМИ, не намерены на долгое время оставаться, а тем более осесть в Греции, хотя какая-то их часть неизбежно останется в этой стране. В масштабах же Евросоюза механический приток в миллион человек не столь велик. Необычность ситуации заключается, главным образом, в том в высоком уровне концентрации этого потока как во времени (большая его части приходится на вторую половину 2015 года), так и в пространстве (основная часть беженцев высаживалась на греческих островах Эгейского моря, расположенных в пределах видимости от берегов Турции).

«Европейское агентство пограничной и береговой охраны» (Фронтекс, *Frontex*) выявило восемь основных маршрутов проникновения нелегальных мигрантов на территорию ЕС: Западно-Африканский, Западно-Средиземноморский, Апулийско-Калабрийский, Центрально-Средиземноморский, круговой маршрут из Албании в Грецию, Западно-Балканский, Восточно-Средиземноморский, маршрут через восточную границу. Но учет миграций по Апулийско-Калабирйскому пути с октября 2014 года отдельно не осуществляется, данные по нему включаются в состав сведений по Центрально-Средиземноморскому маршруту, так что фактически маршрутов семь (рис.).

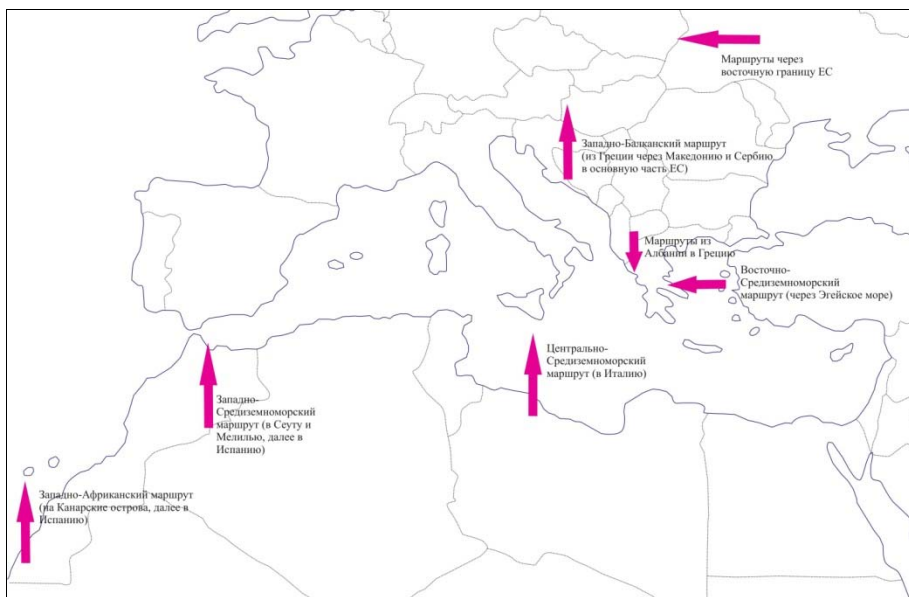

Рис. Основные маршруты проникновения нелегальных мигрантов в Евросоюз (по: [24])

Сведения об использовании этих маршрутов за 2015—2016 годы представлены в таблице.

**Численность нелегальных иммигрантов,
прибывших в пределы Евросоюза (по данным Фронтэкс)**

Маршрут	Численность нелегальных мигрантов, чел.		
	2006	2015	2016
Западно-Африканский	31 600	874	473 (январь — сентябрь)
Западно-Средиземноморский	6500 ¹	7164	6090 (январь — сентябрь)
Центрально-Средиземноморский	39 800 ¹	153 946	127 599 (январь — сентябрь)
Круговой маршрут из Албании в Грецию	42 000	8932	3054 (январь — август)
Западно-Балканский	3090 ²	764 038	121 712 (январь — сентябрь)
Восточно-Средиземноморский	52 300 ¹	885 386	172 982 (январь — сентябрь)
Маршрут через восточную границу	Нет сведений	Нет сведений	853 (январь — август)

Составлено по: [24].

Однако в сущности самостоятельного Западно-Балканского маршрута не существует. Часть западно-балканских стран уже входит в состав ЕС, а для жителей большинства других государств нет необходимости нелегально въезжать в его пределы, поскольку они имеют право безвизового въезда в пределы Шенгенской зоны (на сегодня визы для въезда в Шенген из всех жителей Западных Балкан требуется лишь жителям так называемой Республики Косово, незаконно отделившейся от Сербии). Западно-Балканский маршрут в его нынешнем виде представляет собой прямое продолжение Восточно-Средиземноморского маршрута, но часть беженцев, пересекших границу ЕС в Греции, теряется где-то в пути до другой его границы в Словении, Хорватии или Венгрии.

Иногда утверждается, что «в 2015 году... эксперты стали фиксировать значительное увеличение потока нелегальных иммигрантов по всем основным маршрутам» [5, с. 79]. Но как видно из таблицы, это не совсем так. При росте общей численности иммигрантов меняется соотношение маршрутов.

Не всегда можно объяснить, с чем связан рост «популярности» того или иного маршрута проникновения нелегальных мигрантов в пределы Евросоюза. По Западно-Африканскому маршруту (конечная точка в пределах ЕС — Канарские острова) мигрируют в основном жители

¹ 2008 год.

² 2009 год.

Гвинеи, Кот д'Ивуара, Камеруна и других западно-африканских стран. Экономическая, социальная, военная ситуация в Западной Африке в сравнении с 2006 годом кардинальных изменений не претерпела — это был и есть беднейший регион современного мира. Но поток мигрантов по этому направлению снизился примерно в 40 раз. Немногим менее пяти раз составило сокращение объема нелегальных мигрантов из Албании в Грецию, при этом уровень жизни в Албании по-прежнему существенно уступает аналогичному показателю даже самых бедных стран ЕС, а никаких причин, кроме экономических, для миграций из Албании не было и нет. Восточно-Средиземноморский маршрут, по которому сейчас идет основной поток беженцев, не является новым: в 2008 году через него прошло больше 50 тыс. чел. Скачкообразное увеличение потока через него обычно связывается с гражданской войной в Сирии, но эта война идет с 2011 года.

Нелегальные иммигранты из Сирии действительно занимают первое место по общему числу следующих по этому маршруту, но вслед за ними идут беженцы из Афганистана, где внутренние столкновения, осложняющиеся внешним вмешательством, продолжаются по крайней мере с 70-х годов XX века, и Ирака, который находится в состоянии внутренней смуты со времен свержения Саддама Хусейна в 2003 году. Очевидно, что нелегальные мигранты проникают в пределы Евросоюза в поисках лучшей жизни, но что именно вдруг приводит в движение десятки и сотни тысяч человек, и они отправляются в сопряженное со множеством рисков путешествие с неизвестным концом, понять можно не всегда. Точно также не всегда понятно, что останавливает эти потоки. Статистика нелегальной миграции в ЕС показывает и резкий рост, и столь же резкое снижение численности мигрантов по разным направлениям.

Видимо, ключевое значение в данном случае приобретают современные средства информации и коммуникации (социальные сети, мобильная связь). По уровню развития современных сетей связи «бедные» страны мира немногим уступают «богатым»: и сотовые телефоны, и доступ к Интернету, в том числе и мобильный, в странах Ближнего и Среднего Востока, дающих основной поток нелегальных мигрантов в настоящее время, давно уже не роскошь, а повседневность. Это наглядно видно по вереницам лавок, торгующих «мобильниками», компьютерами и прочей современной электронной техникой на улицах городов этой части мира. Общество в странах Востока подвержено информационным воздействиям не меньше, чем общество постиндустриальных стран. Коммуникационные технологии развиваются опережающими темпами по сравнению с традиционными видами экономической деятельности, и уровень их развития совершенно не соответствует уровню развития производительных сил этих государств. Соответственно, можно предполагать, что миграционные потоки в значительной мере формируются «модой» на миграцию, которая как появляется, так и исчезает. Однако эта проблема требует более глубоких исследований.

Можно считать, что всего в 2015 году внешние границы Евросоюза пересекли примерно 1,1 млн нелегальных мигрантов. Здесь нет никакого противоречия с данными, приводимыми в таблице. Согласно этим сведениям, всего пограничная и береговая охрана Евросоюза («Фронтэкс») учла примерно 1,8 млн нелегальных мигрантов. Легальными пересечениями границы «Фронтэкс» не занимается, это дело пограничных служб соответствующих государства. Но значительная часть из них учитывалась дважды — при пересечении внешней границы ЕС в Эгейском море (граница между Турцией и Грецией, Восточно-Средиземноморский маршрут) и при пересечении границ Шенгенской зоны на Балканском полуострове (Западно-Балканский маршрут). Обе границы, как уже говорилось выше, пересекали одни и те же люди, именно поэтому общее количество нелегальных мигрантов ниже, чем дает суммирование данных таблицы, на численность перешедших в пределы ЕС по Западно-Балканскому маршруту.

Размещение мигрантов по территории ЕС

В масштабе всего ЕС с его полумиллиардным населением это не слишком много. Часто высказываемые утверждения о том, что этот приток может существенно изменить демографическую ситуацию в Европе, способствуя ее исламизации, вряд ли оправданы. Так, например, численность турецкого по происхождению населения Германии сейчас составляет примерно 3 млн чел., при этом турецкое население ФРГ начало формироваться еще в 60-е годы XX века и представлено тремя или даже уже четырьмя поколениями. Однако одной из главных проблем турецкого населения Германии по сей день остается его слабая интегрированность в жизнь страны [2]. Другими словами, турецкое население Германии живет изолированно или по крайней мере полуизолированно от немецкого.

Во Франции доля мусульманского населения по состоянию на 2008 год составляла 8% населения в возрасте от 18 до 50 лет; по утверждению министра иностранных дел Франции, доля мусульман во Франции была от 8 до 10% [18]. Если это действительно так, то это примерно 6,5 млн чел. Во Франции, как и в Германии, мусульманское (преимущественно арабское) население крайне слабо смешивается с французским. В Великобритании доля мусульманского населения составляет 5,4% в Англии и Уэльсе и 1,5% в Шотландии [19].

Максимальная оценка численности мусульманского населения Евросоюза на 2012 год — 23 млн чел. [3]. Общую численность беженцев из мусульманских стран, прибывших в пределы ЕС за 2013—2015 годы, можно оценить в 2—2,5 млн чел. Даже с учетом этого общая численность мусульманского населения в странах ЕС составляет примерно 25 млн чел., это примерно 5% общей численности населения «единой Европы».

В Европейском союзе мусульманское население, включающее в свой состав как легальных, так и нелегальных мигрантов, предпочитает

концентрироваться в определенных кварталах, представляющих собой так называемые «ноу-гоу зоны» (англ. *No-Go zones*). Утверждается, что таких зон в Лондоне, Париже, Стокгольме и Берлине насчитывается 900, и они не контролируются государственными структурами, а живут по своим собственным законам [27]. Считается, что во Франции существуют десятки таких зон, «где полиция и жандармерия не могут установить порядок Республики или просто войти без риска противодействия, стрельбы или даже вооруженного противостояния» [22].

В связи с террористическими актами в Париже (13 ноября 2015 года) и Бельгии (22 марта 2015 года), а также в Ницце (14 июля 2016 года) широкую известность приобрела коммуна Моленбек [20], где доля выходцев из Африки составляла в 2015 году 37,1%. Растет доля африканского и азиатского населения в коммуне Гансхорен, входящей в Брюссельский столичный регион [9].

В том, что такие зоны вообще формируются, ничего необычного нет. Для всех крупных европейских городов характерен высокий уровень территориально-социальной дифференциации населения, т. е. деления города на «хорошие» и «плохие» районы. Следовательно, в любом крупном городе Европы есть чисто иммигрантские районы и районы местной бедноты, и районы, где концентрируется богатое и очень богатое население, а иммигранты и местные бедняки присутствуют только в качестве обслуживающего персонала. Районов, где проживает европейское по происхождению население, в том же Брюсселе значительно больше, чем районов с преобладанием иммигрантов из-за пределов Евросоюза. Более того, доля европейского населения бельгийской столицы в последние годы постоянно растет: с 59,3% в 2001 году до 69,7% в 2015 году [9]. При этом следует иметь в виду, что в Брюсселе находятся руководящие органы ЕС и НАТО, поэтому город в целом характеризуется очень высокой долей иностранцев.

Если же обозначать «зоны ноу-гоу» более привычными терминами, то это просто гетто, жители которых селятся туда безо всякого принуждения, совершенно добровольно. Мигранты прибывают из стран, для которых характерны совершенно иные ценности, чем для современных европейцев. Они, как и все мигранты во все времена и во всех частях света, пытаются держаться вместе, полагая, что так проще выжить в непривычном для них мире. Потребность в неквалифицированном или малоквалифицированном труде в странах ЕС сокращается, а там, где она остается, место иммигрантов из мусульманских стран занимают жители новых государств Евросоюза из Восточной Европы. Поляки, румыны, болгары в странах Западной Европы также имеют свойство формировать собственные этнические районы.

Безусловно, «ноу-гоу зоны» — рассадники криминала и даже терроризма. Однако предполагать, что их обитатели, составляющие примерно 5% населения ЕС, разбросанные в сотнях гетто (можно сказать мягче — резервациях), смогут «исламизировать» Европу, вряд ли стоит. Для мусульман, как и для христиан, ныне большее значение имеет этническая или государственная принадлежность, чем религиозная.

Мусульманский мир совершенно неоднороден, пример чему — продолжающиеся по состоянию на весну 2016 году гражданские войны в Сирии и Йемене, где одни мусульмане воюют с другими.

Прогнозы демографического развития и вероятность их реализации

Существуют прогнозы, согласно которым к 2050 году доля мусульман в населении Европейского союза составит 20%. Это находит широкое отображение в СМИ [11]. Но данные предположения основываются на линейной экстраполяции нынешних данных о естественном и механическом приросте населения Евросоюза и его мусульманского населения. Однако оба эти показателя неизбежно изменятся, в какую сторону — определенно сказать нельзя. В демографическом прогнозе, который мог быть составлен в 1980 году (35 лет назад, примерно столько же, сколько и сейчас остается до 2050 года) и отражал состояние численности населения стран Европейского экономического сообщества (ЕЭС) на 2015—2016 годы, скорее всего, мусульманам места было бы не уделено вообще, их доля в общей численности населения стран ЕЭС была крайне невелика.

Те прогнозы, которые давались в конце XX века, не реализовались. Как пишет М. А. Клупт о прогнозах 1999 года, «расхождения между прогнозными расчетами и реальностью в немалой степени обусловлены представлениями, господствовавшими всего полтора десятилетия назад. Важным элементом таких представлений был образ стареющей и вымирающей из-за низкой рождаемости Европы» [15, с. 58].

Нынешняя геодемографическая обстановка (пользуясь терминологией Г. М. Федорова, см.: [17]), изменилась так, как этого никто не мог предвидеть даже пятнадцать-двадцать лет назад. Крайняя переменчивость настроений и взглядов современного европейского общества отвергает возможность достоверного прогноза развития общества в любом направлении, включая демографическое. Долгосрочные прогнозы развития столь обширных и многолюдных территорий, как «единая Европа», фактически превращаются в гадания на кофейной гуще с тем же уровнем вероятности «прогнозируемых» событий.

К сторонникам идеи того, что хоть что-то в общественном развитии поддается прогнозированию, следует обратить вопрос: могут ли они привести хоть один пример оправдавшегося не то что долгосрочного, но даже и среднесрочного прогноза демографического, экономического, социального развития? Таких прогнозов просто не было, а их составление — просто «игра в цифры», не имеющая никакого реального результата. Всегда сбываются только прогнозы демографов ООН относительно численности населения Земли и ее крупных регионов, но следует иметь в виду, что демографы ООН как дают прогнозы, так и объявляют о том, что они исполнились, проверить же это никаким образом нельзя.

Однако на локальном и даже региональном уровне такой прогноз может дать более-менее достоверный результат. Локальные общности

населения формируются чаще всего исходя из уровня доходов и сходного социального статуса их жителей. В современном Евросоюзе это хорошо заметно. Соответственно, должно расти значение именно геодемографических исследований, в которых общество рассматривается вместе с географической средой своего обитания.

Осознание этого характерно для большинства представителей демографической науки. Так, один из наиболее известных российских демографов А. Г. Вишневецкий в статье «После демографического перехода: дивергенция, конвергенция или разнообразие» приходит к выводу о том, что «демографический переход — это в том числе и переход от одного типа пространственно-временного разнообразия демографических показателей к другому» [4, с. 128]. Но именно «пространственно-временное разнообразие» и представляет собой объект геодемографических исследований.

Однако та демографическая «мозаика», которая складывается в современном Евросоюзе разнородными процессами естественного и механического движения населения, движущие силы и мотивы которых можно, главным образом, угадывать, показывают, что время «универсальных теорий», якобы пригодных для всего мира и на все времена, в демографии прошло, так же, как и в других общественных науках. В соответствии с этим можно лишь согласиться с утверждением М. А. Клупта о том, что «парадигма однолинейного развития способствует продвижению в познании мира в тех случаях, когда рассматриваемые процессы или объединяющий их суммарный тренд однонаправлены. Для исследования причин разнонаправленности процессов, различий в развитии географических, социальных, культурных и других сегментов мира парадигмы однолинейного развития недостаточно» [13, с. 36]. Для того чтобы понимать, анализировать и прогнозировать процессы современного демографического развития Евросоюза, необходимо намного большее, чем сейчас, внимание уделять типологии геодемографических процессов, созданному на ее основе геодемографическому районированию и разработке моделей развития для каждого типа районов.

Выводы

Существует мнение о том, что особенности демографического развития стран Старого Света могут привести к сокращению их значения в современном мире. Так, по мнению Р. С. Гринберга, «и ЕС, и Россия — объективно уменьшающиеся величины в современном мире, где экономическая мощь стремительно перемещается на Восток. Главное, что и демография не в их пользу» [6, с. 8].

Однако вряд ли с этим мнением следует безоговорочно соглашаться. То, что миграционные потоки направляются в пределы ЕС, а не наоборот, уже свидетельствует о том, что уровень экономического и социального развития стран Евросоюза значительно превосходит аналогичный показатель окружающих его регионов мира. То же самое, хо-

тя и в меньшей мере, относится к России. До тех пор, пока жители большинства бывших республик СССР и даже никогда не входивших в его состав государств (например, Китая) будут стремиться в наши пределы на заработки, можно быть уверенным, что в пределах прогнозируемого будущего ни «Единая Европа», ни Россия не превратятся в «объективно уменьшающиеся величины».

Нынешний поток мигрантов и в ЕС, и в Россию очень велик, это несомненно. Но ничего катастрофического или необычного в этом потоке пока что нет, что хорошо видно на примере миграций в ЕС. Европа в большей мере, Россия в меньшей скорее приходят в «равновесное» состояние, в котором качественное и количественное (демографическое) развитие общества идут примерно одинаковыми темпами. Поэтому можно утверждать, что их значение в мире будет не сокращаться, а расти. Но следует учитывать то обстоятельство, что полумиллиардный Евросоюз нынешний «миграционный кризис» может лишь «встряхнуть», то для нашей страны, где живет немногим более 140 миллионов человек, происходящий сейчас приток мигрантов из азиатских республик бывшего Союза может иметь намного более серьезные последствия.

Список литературы

1. Балабейкина О. А., Мартынов В. Л. Лютеранство в Финляндии: историческая география и современность // Балтийский регион. 2015. №4. С. 150—161.
2. Большова Н. Германия: мигранты турецкого происхождения почти не вовлечены в политическую жизнь страны. URL: <http://old.mgimo.ru/news/experts/document240923.phtml> (дата обращения: 05.04.2016).
3. Вайнштейн Г. Будущее политики мультикультурализма в Европе // Россия и мусульманский мир. 2012. №1(235). С. 127—144.
4. Вишневский А. Г. После демографического перехода: дивергенция, конвергенция или разнообразие? // Общественные науки и современности. 2015. №2. С. 112—129.
5. Войников В. В. Правовые аспекты политики Европейского Союза по борьбе с нелегальной иммиграцией // Балтийский регион. 2015. №4. С. 73—89.
6. Гринберг Р. С. Кризис европейской интеграции: награда перед закатом? URL: <http://mirperemen.net/2012/10/krizis-evropejskoj-integracii-nagrada-pered-zakatom/> (дата обращения: 05.05.2016).
7. Дегусарова В. С., Мартынов В. Л., Сазонова И. Е. Геодемографическая обстановка в Чехии и Словакии в конце XX — начале XXI веков // Известия РГО. 2016. №2. С. 83—94.
8. Дегусарова В. С., Мартынов В. Л., Сазонова И. Е. Демографическое развитие Польши за годы ее членства в Евросоюзе // Известия РГО. 2015. Т. 147, №1. С. 77—86.
9. Елманова Д. С. Новейшие тенденции изменения этнической структуры населения Брюссельского столичного региона // Мозаика городских пространств: экономические, социальные, культурные и экологические процессы : сб. матер. Всероссийской научной конференции (Москва, МГУ, 27—29 ноября 2015 г.). М., 2015. С. 79—84.
10. Житин Д. В., Краснов А. И., Шендрик А. В. Миграционные связи Европы: пространственно-временные трансформации // Балтийский регион. 2016. Т. 8. №2. С. 101—124.

11. *Каждый* пятый житель Евросоюза к 2050 году будет мусульманином. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=308452> (дата обращения: 08.04.2016).
12. *Клунт М. А.* Иммигрантские меньшинства западных стран: геодемографическая динамика в 2000-е годы // *Известия Русского географического общества*. 2011. Т. 143, №6. С. 22—29.
13. *Клунт М. А.* Парадигмы и оппозиции современной демографии // *Демографическое обозрение*. 2014. №1 (1). С. 34—56.
14. *Клунт М. А.* Сдвиги в географической структуре мирового производства и международные миграции // *Известия Русского географического общества*. 2013. Т. 145, №5. С. 1—9.
15. *Клунт М. А.* Центр-периферийные отношения в Европе: демографический аспект // *Мировая экономика и международные отношения*. 2015. №2. С. 58—67.
16. *Федоров Г. М.* О комплексной многоуровневой типологии стран Европы // *Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов*. 2015. №1 (4). С. 67.
17. *Федоров Г. М.* Об актуальных направлениях геодемографических исследований в России // *Балтийский регион*. 2014. №2. С. 7—28.
18. *Bureau of Democracy, Human Rights and Labor.* International Religious Freedom Report for 2014. France. URL: <http://www.state.gov/j/drl/rls/irf/religiousfreedom/index.htm#wrapper> (дата обращения: 17.05.2016).
19. *Bureau of Democracy, Human Rights and Labor.* International Religious Freedom Report for 2014. United Kingdom. Режим доступа: <http://www.state.gov/j/drl/rls/irf/religiousfreedom/index.htm#wrapper> (дата обращения: 17.05.2016).
20. *Cendrowicz L.* Paris attacks: Visiting Molenbeek, the police no-go zone that was home to two of the gunmen // *Independent*. 2015—15 Nov.
21. *Demography Report.* Luxembourg: Publication Office of European Union, 2015.
22. *Kern S.* European 'No-Go' Zones: Fact or Fiction? Part 1: France. URL: <http://www.gatestoneinstitute.org/5128/france-no-go-zones> (дата обращения: 17.05.2016).
23. *Key figures on Europe: 2015 edition.* Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2015.
24. *Migratory routes map.* URL: <http://frontex.europa.eu/trends-and-routes/migratory-routes-map> (дата обращения: 04.11.2016).
25. *Population on 1 January.* URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=tps00001&plugin=1> (дата обращения: 15.04.2016).
26. *Statistisches Jahrbuch 2015.* Wiesbaden: Statistisches Bundesamt, 2016.
27. *Węry o 900 miejscach w Europie poza kontrolą państw. Imigranci przejmują miasta?* URL: <http://www.wprost.pl/ar/535039/Węry-o-900-miejscach-w-Europie-pozza-kontrola-panstw-Imigranci-przejmują-miasta/> (дата обращения: 17.05.2016).

Об авторах

Василий Львович Мартынов, доктор географических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Россия.

E-mail: martin-vas@yandex.ru

Ирина Евгеньевна Сазонова, кандидат географических наук, доцент,
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Гер-
цена, Россия.

E-mail: iesazonova@mail.ru

Для цитирования:

Мартынов В.Л., Сазонова И.Е. Современные геодемографические про-
блемы Евросоюза и «миграционный кризис» 2010-х годов // Балтийский реги-
он. Т. 9, № 1. С. 96—112. doi: 10.5922/2074-9848-2017-1-6.

CURRENT GEODEMOGRAPHIC PROBLEMS
IN THE EUROPEAN UNION AND MIGRATION CRISIS OF THE 2010s

V. L. Martynov *

I. E. Sazonova *

* *A. I. Herzen Russian State Pedagogical University*
48 Moiki nab., Saint Petersburg, 191186, Russia

Submitted on May 18, 2016

This article demonstrates the effect of the 2010s migration crisis has had on the demographic development of the European Union. Employing statistics and mapping, the study argues that the demographic development of EU states is not affected by either socioeconomic performance or religious, linguistic, and cultural characteristics. Migration inflow differs significantly by country and EU region. The authors analyse major irregular migration routes and show that their use cannot be always explained by using traditional demographic approaches. There is also a difference in the proportion of migrants by country, although settlement systems are very similar. Even with decades spent in the destination country, the Muslim population remains poorly integrated into the local community and its effect on the latter is insignificant (Turks in Germany). The demographic mosaic of the European Union is becoming increasingly fragmented, which makes any national level demographic forecasts inconsequential. However, community-level forecasts are possible and necessary. All this creates a need for geodemographic research.

Key words: migrant crisis, population, irregular migration routes, Muslim population of European Union, “no-go zones”, geodemography

References

1. Balabeykina, O., Martynov, V. 2015, Lutheranism in Finland: past and present, *Balt. Reg.*, no. 4 (26), p. 113—121. DOI: 10.5922/2079—8555—2015—4—9.
2. Bolshova, N. 2013, Germany: Turkish origin migrants are almost not involved in the political life of the country, *MGIMO University*, available at: <http://old.mgimo.ru/news/experts/document240923.phtml> (accessed 05.04.2016). (In Russ.)

3. Weinstein, G. 2012, Future policy of multiculturalism in Europe, *Rossiya i musul'manskii mir* [Russia and the Muslim world], no. 1(235), p. 127—144. (In Russ.)
4. Vishnevski, A. G. 2015, After the Demographic Transition: Divergence, Convergence or Diversity? *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], no. 2, p. 112—129. (In Russ.)
5. Voinikov, V. 2015, Legal aspects of the EU policy on irregular immigration, *Balt. Reg.*, no. 4, p. 55—65. DOI: 10/5922/2079—8555—2015—4—4.
6. Greenberg, R. S. 2012, The crisis of European integration: the award before sunset? *Mir peremen* [World change], no. 4, available at: <http://mirperemen.net/2012/10/krizis-evropejskoj-integracii-nagrada-pered-zakatom/> (accessed 05.05.2016). (In Russ.)
7. Degusarova, V. S., Martynov, V. L., Sazonova, I. E. 2016, Geo-demographic situation in the Czech Republic and Slovakia at the end of XX — beginning of XXI century, *Izvestiya Russkogo Geograficheskogo Obshchestva* [Regional Research of Russia], no. 2, p. 83—94. (In Russ.)
8. Degusarova, V. S., Martynov, V. L., Sazonova, I. E. 2015, Demographic development in Poland during the years of its membership in the European Union, *Izvestiya Russkogo Geograficheskogo Obshchestva* [Regional Research of Russia], Vol. 147, no. 1, p. 77—86. (In Russ.)
9. Yelmanova, D. S. 2015, The latest trends in the ethnic structure of the population of the Brussels-Capital Region, *Mozaika gorodskikh prostranstv: ekonomicheskie, sotsial'nye, kul'turnye i ekologicheskie protsessy* [Mosaic urban spaces: economic, social, cultural and ecological processes], Collected materials of All-Russian scientific conference, Moscow, MSU, 27—29 November 2015, p. 79 -84. (In Russ.)
10. Zhitin, D., Krasnov, A., Shendrik, A. 2016, Migration Flows in Europe: Space and Time Transformation, *Balt. Reg.*, Vol. 8, no. 2, p. 101—124. DOI: 10.5922/2079—8555—2016—2—6.
11. Every fifth inhabitant of the European Union in 2050 will be a Muslim, 2009, *Vesti. Ru*, available at: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=308452> (accessed 08.04.2016). (In Russ.)
12. Klupt, M. A. 2011, Immigrant minorities of Western countries: geo-demographic dynamics in the 2000s, *Izvestiya Russkogo Geograficheskogo Obshchestva* [Regional Research of Russia], Vol. 143, no. 6, p. 22—29. (In Russ.)
13. Klupt, M. A. 2014, Paradigms and modern demography opposition, *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review], Vol. 1, no. 1, p. 34—56. (In Russ.)
14. Klupt, M. A. 2013, Changes in the geographical structure of world production and international migration, *Izvestiya Russkogo Geograficheskogo Obshchestva* [Regional Research of Russia], Vol. 145, no. 5, p. 1—9. (In Russ.)
15. Klupt, M. A. 2015, The center-periphery relations in Europe: demographic aspect, *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], no. 2, p. 58—67. (In Russ.)
16. Fedorov, G. M. 2015, A complex multi-level typology of European countries, *Sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya. Vestnik Assotsiatsii Rossiiskikh geografov-obshchestvovedov* [Socio-economic geography. Bulletin of Russian geographers, social scientists Association], no. 1 (4), p. 67. (In Russ.)
17. Fedorov, G. 2014, Current Issues in the Geodemographic Studies in Russia, *Balt. Reg.*, no. 2, p. 4—21. DOI: 10.5922/2079—8555—2014—2—1.
18. *International Religious Freedom Report for 2014. France*, 2014, Bureau of Democracy, Human Rights and Labor, available at: <http://www.state.gov/j/drl/rls/irf/religiousfreedom/index.htm#wrapper> (accessed 17.05.2016).

19. *International Religious Freedom Report for 2014. United Kingdom*, 2014, Bureau of Democracy, Human Rights and Labor, available at: <http://www.state.gov/j/drl/rls/irf/religiousfreedom/index.htm#wrapper> (accessed 17.05.2016).
20. Cendrowicz, L. 2015, Paris attacks: Visiting Molenbeek, the police no-go zone that was home to two of the gunmen, *Independent*, 15 Nov.
21. *Demography Report*, 2015, Luxembourg, Publication Office of European Union.
22. Kern, S. 2015, European 'No-Go' Zones: Fact or Fiction? Part 1: France, *Gatestone Institute*, available at: <http://www.gatestoneinstitute.org/5128/france-no-go-zones> (accessed 17.05.2016).
23. *Key figures on Europe: 2015 edition*, 2015, Luxembourg, Publications Office of the European Union, 20 p.
24. Migratory routes map, available at: <http://frontex.europa.eu/trends-and-routes/migratory-routes-map> (accessed 04.11.2016).
25. Population on 1 January, *Eurostat*, available at: <http://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=tps00001&plugin=1> (accessed 15.04.2016).
26. *Statistisches Jahrbuch 2015*, 2016, Wiesbaden: Statistisches Bundesamt, 34 p.
27. Wędry o 900 miejscach w Europie poza kontrolą państw. Imigranci przejmują miasta? 2016, *Wprost*, 01 April 2016, available at: <http://www.wprost.pl/ar/535039/Wegry-o-900-miejscach-w-Europie-pozza-kontrola-panstw-Imigranci-przejmuja-miasta/> (accessed 17.05.2016).

The authors

Prof. Vasily L. Martynov, Herzen State Pedagogical University, Russia.
E-mail: martin-vas@yandex.ru

Dr Irina E. Sazonova, Associate Professor, Herzen State Pedagogical University, Russia.
E-mail: iesazonova@mail.ru

To cite this article:

Martynov, V. L., Sazonova, I. E. 2017, Current Geodemographic Problems in the European Union and Migration Crisis of the 2010s, *Balt. reg.*, Vol. 9, no. 1, p. 96—112. doi: 10.5922/2074-9848-2017-1-6.

ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 911.3

ТУРИЗМ В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

*А. П. Катровский**

*Ю. П. Ковалев**

*Л. Ю. Мажар**

*С. А. Щербакова**

Рассматриваются теоретические вопросы изучения и развития туризма в приграничных регионах. Цель научного исследования — выявление главных направлений географического изучения туристской деятельности в приграничном пространстве. Научная значимость представленной работы определяется тем, что в ней дан обзор подходов российских и зарубежных исследователей к вопросам изучения приграничных территорий и роли туризма в их социально-экономическом развитии. В методологическом плане работа носит аналитический характер. Подчеркивается необходимость системного подхода при диагностике ситуации в туристской сфере приграничья. Выявлены особенности развития туризма в приграничье. Отмечается, что в современных условиях институциональные барьеры стали главным препятствием на пути формирования трансграничных туристских регионов. Приводится типология границ в зависимости от особенностей пограничного режима, жесткости туристских формальностей. Особое внимание обращено на аттрактивность государственных границ. Основные выводы данного исследования связаны с выделением авторами тех внешних и внутренних условий, которые влияют на развитие и функционирование туризма в приграничных районах. Практическая значимость работы связана с возможностью ее использования при разработке программ развития туризма на приграничных территориях в условиях современной России.

* Смоленский гуманитарный университет
214014, Россия, Смоленск,
ул. Герцена, 2.

Поступила в редакцию 29.09.2016 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2017-1-7

©Катровский А. П., Ковалев Ю. П.,
Мажар Л. Ю., Щербакова С. А., 2017

Ключевые слова: туризм, приграничные регионы, трансграничные туристско-рекреационные системы, аттрактивность государственных границ

Введение

В настоящее время в российской и зарубежной научной литературе большое внимание уделяется изучению пространственного социально-экономического развития приграничных регионов, особую роль в которых играет туризм. При осмыслении данных процессов необходим анализ зарубежного опыта развития туризма в приграничных регионах. Особый интерес в условиях рыночной экономики заслуживает европейский опыт, что позволяет выявить современные взгляды на роль границ в социально-экономическом развитии прилегающих территорий и выяснить, как на практике реализуются программы социально-экономического развития приграничных регионов. Многие европейские исследователи схожи во мнении, что разнообразие трансграничных практик хотя и привело к относительности национальных границ, но тем не менее границы сохраняются в виде новых зон разграничения.

В данный момент содержание исследований проблем развития туризма в приграничных регионах сводится к нескольким аспектам:

- Специфика развития туризма в приграничье, обусловленная функциями границ, влиянием фактора границы, институциональных барьеров на состояние туризма в регионе.

- Интеграция в сфере туризма и развитие туризма, обусловленного трансграничным ценовым градиентом (шоп-туры, рекреационный туризм и пр.).

- Атрактивность самих границ и приграничных регионов для внутренних и зарубежных туристов.

- Туристский потенциал и развитие туризма в приграничье. При этом основное внимание уделяется курортам, достопримечательностям, изучению дифференциации в развитии туристской инфраструктуры и пр.

Ряд аспектов развития туризма в приграничных зонах европейских государств был изучен исследователями из Центрально-Восточной Европы [1; 10; 13; 21—24; 30]. Высокий интерес к изучению туризма в приграничных регионах проявляют и отечественные исследователи. В последние пять лет были опубликованы многочисленные статьи по данной проблематике. К числу наиболее изученных с точки зрения состояния и перспектив развития приграничного и трансграничного туризма можно отнести Калининградскую [2; 6—8], Смоленскую [5], Псковскую [11], Амурскую [3] области и ряд других.

Гипотеза исследования

Анализ имеющихся взглядов на приграничные и трансграничные туристские регионы позволяет сформулировать следующее. В российских условиях при наличии границ как с закрытым, так и открытым характером, существуют значительные различия в развитии приграничного и трансграничного туризма и отсутствуют единые подходы к его развитию в приграничье. Для приграничных районов с закрытым ха-

рактором границ, испытывающих затруднения в развитии туризма, необходима разработка комплекса мер по всемерному облегчению преодоления границы для туристов. В случае открытых границ различия способствуют развитию торговли и туризма, который в приграничных регионах ряда европейских стран считается наиболее важной областью экономики и часто рассматривается как единственный шанс для развития, становится основой интеграции приграничных территорий соседних стран. За счет соответствующей политики и инвестиций, появляются импульсы к расширению международного туризма и стимулируется экономическое развитие. Происходящие преобразования меняют восприятие приграничных регионов в том числе путем использования конкретных средств поддержки развития туризма. Кроме того, важно понять, как в условиях возрастающей террористической угрозы и значительных масштабов вынужденной миграции сочетать облегчение пограничного режима для туристов с мерами по предотвращению проникновения в страну террористов и нелегальных мигрантов.

Понятие «приграничный регион»

В европейской практике приграничный регион определяется 15-километровой зоной от таможенного пункта на пограничном переходе. Такие административные рамки территории перекликаются с российским законодательством. Приграничные регионы для любого государства являются зоной особого внимания. Именно здесь все социально-экономическим процессы подвержены влиянию дополнительных факторов, коими служат государственные границы, социально-экономическое и этнокультурное влияние соседних стран, ослабление власти собственного политического центра и др.

Государственные границы — важные элементы социально-экономического пространства: они выступают барьерами или драйверами их развития. Участки, прилегающие к государственным границам, характеризуются особой спецификой, связанной с их местоположением. Государственные границы и их характер изменяются во времени и пространстве и по этой причине их влияние на социально-экономическое развитие, включая туризм, достаточно разнообразно. Данному вопросу посвящены многочисленные исследования. На важность политических границ в организации пространства обращено внимание в работах [12; 17; 19; 20; 28].

Наиболее часто в трудах вышеперечисленных авторов рассматривались следующие вопросы:

- а) понятие границ и их роль в качестве барьеров;
- б) концепции развития регионов, прилегающих к границам, в том числе в свете теорий центральных мест, полярности, полюсов роста, регионального развития;
- в) концепции интеграции приграничных пространств.

В настоящее время функции границ изменяются в результате глобализации, а в случае ЕС — интеграционных процессов.

Геосистемный подход при изучении приграничного туризма

Приграничные регионы нуждаются в теоретическом осмыслении процесса территориальной организации. Геосистемный анализ предполагает выявление соответствия между конкретными территориями и соответствующими территориальными системами с их реальным содержанием [15]. Дискретной основой трансграничного региона стала трансграничная территориальная система, а для приграничных зон в рамках «своей» национальной юрисдикции — приграничные территориальные системы. При этом государственная граница с ее барьерными и контактными функциями является особым элементом как трансграничной системы, так и приграничных территориальных систем [9].

Приграничные регионы обладают значительным потенциалом для развития. Это в полной мере касается и туризма как динамично развивающейся сферы деятельности. Разнокачественные объекты, формирующие трансграничную туристско-рекреационную систему (ТТРС), возможно объединить в несколько подсистем: инфраструктурную, организационно-управленческую, природно-рекреационную, историко-культурную, рекреационно-деятельностную, материально-бытовую, кадровую, потребительскую и др.

Сущность ТТРС определяется составом входящих в нее элементов и характером связей между ними. Ключевые особенности трансграничной ТРС заключаются в том, что различные элементы системы расположены по разные стороны границы, а это значит, что для них характерны различия правового и экономического характера. В связи с этим формирование целостной трансграничной ТРС требует определенных политико-правовых усилий для решения проблемы эффективной туристской деятельности. В первую очередь это касается визового режима и правил пребывания туристов. Изменения в нормативной базе хотя бы одного из соседствующих государств вызывают резкое уменьшение турпотоков, как это произошло летом 2016 года после отмены в одностороннем порядке польской стороной местного облегченного режима пересечения границы с Калининградской областью для жителей приграничной зоны.

Значимым свойством общественных геосистем является управляемость, что не исключает проявления на данном уровне самоорганизации как общесистемного свойства. В случае трансграничных ТРС мы имеем дело с заметно отличающейся правовой базой соседствующих государств и серьезными различиями в функциях органов государственной власти и регионального управления. Регуляторами системообразования в данном случае стали рыночные механизмы. Через воздействие на условия и факторы развития можно влиять на динамические процессы, протекающие в территориальных системах, что в полной мере относится к развитию туристской деятельности.

Особую значимость при формировании трансграничных ТРС имеют связанные с их конкретным местоположением геотериальные факторы.

Для трансграничных ТРС главным фактором служит наличие государственной границы, по обе стороны которой на территории соседних стран ведется туристско-рекреационная деятельность.

Государственная граница в формировании приграничных туристских районов

Государственные границы играют важную роль в распределении туристских потоков и выступают в качестве рубежей географического, законодательного, налогового, административного, экономического и политического пространства отдельных суверенных государств. С позиций международного туризма и в зависимости от особенностей пограничного режима, жесткости туристских формальностей выделяется несколько типов государственных границ:

- закрытые границы (посещение приграничных регионов с целью туризма практически невозможно по военно-оборонным политическим или другим причинам);
- сложнопреодолимые границы (для посещения таких регионов туристами требуется особые меры, необходимо получение специального разрешения);
- преодолимые границы (необходимо соблюдение разного рода формальностей, включая визовые);
- легкопреодолимые границы (виза оформляется через Интернет или по прибытию в страну);
- открытые границы (имеется пограничный контроль, но оформленные визы для въезда в страну не требуется).

Политическая обстановка существенно влияет на функции государственных границ и само их существование. Европейская интеграция кардинальным образом изменила функции границ, привела к их открытости и способствовала интеграции соседних территорий. В то же время внешние границы ЕС и Шенгенской зоны испытывают процесс укрепления и ужесточения контроля на них, хотя в наши дни, безусловно, гораздо проще пересечь их, чем до 1989 года. В целом произошла либерализация пограничного режима, влекущая за собой увеличение трансграничной подвижности, что определяется самим ходом происходящих в Европе социально-экономических процессов (улучшение качества жизни, расширение индивидуальных возможностей, больше свободного времени). Наблюдается увеличение числа поездок, хотя оно серьезно зависит от потребностей и возможностей людей. Политические изменения в Европе и процессы европейской интеграции внесли изменения в функции государственных границ. После 1989 года стало возможно развитие приграничного сотрудничества между соседними государствами.

Однако размывание границ, сопровождающееся свободой передвижения, не привело к ожидаемому росту долгосрочного сотрудничества. Прослеживается протекающий одновременно процесс отказа от границ и их сохранение. Данное наблюдение нашло свое выражение в умозри-

тельной форме «фантомной границы» [25]. Подобный исследовательский подход основывается на том, что сотрудничеству в приграничных районах мешают различные языковые и социокультурные аспекты, а также институциональные противоречия, экономические факторы и системы управления [14].

Как показывают исследования, стирание границ внутри Европейского союза имеет зачастую неожиданные результаты и последствия. В ЕС появилась форма «мы против них», когда процесс взаимного отделения строится на разграничении по отношению к соседям. Он базируется на изменяющихся культурных, исторических или социально-экономических различиях, что мешает активному и эффективному трансграничному сотрудничеству. Появляются мысли о том, что тенденции разграничения на основе социально-экономических различий приведут к усилению разграничивающих барьеров на внешних границах ЕС [26].

Опыт межгосударственного сотрудничества, изученный на примере польско-литовской и немецко-польской приграничных территорий, указывает на фантомное сохранение границ между государствами и на явные несоответствия между территориальными границами и социальными разграничениями [16; 18; 29].

Особые ситуации возникают при осложнении геополитической ситуации, неблагоприятных внешнеполитических отношениях между странами.

Существенное влияние на развитие международного туризма оказывают туристские формальности, которые можно отнести к институциональным барьерам на пути развития трансграничного туризма. Не способствуют росту туристских путешествий сложная и затянутая процедура оформления въездных (выездных) документов, нарушение установленных сроков их рассмотрения или произвольное отклонение, чрезмерно высокий консульский сбор, необходимость личной явки в консульские учреждения ряда стран. Всеобщей тенденцией стало ослабление барьерной функции границ и усиление их открытости.

В условиях России новая система государственных границ привела к формированию «нового приграничья», т. е. государственная граница России стала характерна для регионов, не имеющих исторического опыта приграничного положения или имевших его в достаточно далеком прошлом. Это касается западного участка границы страны от Балтики до Азовского и Черного морей и южного участка от Кавказа до Алтая. Недооценка данного фактора порой ведет к формированию ошибочной стратегии развития приграничных регионов.

Таким образом, при формировании трансграничных ТРС необходимо относиться к государственной границе как к главному фактору формирования туристско-рекреационной системы. Более того, в современном мире собственно государственная граница стала элементом туристского показа.

Аттрактивность политических границ

Границы не только ограничивают туристские потоки, связывают страны и регионы, но могут располагать особым туристским потенциалом. Граница несет в себе аттрактивность и может представлять самостоятельный туристский познавательный интерес [4].

Аттрактивность границ в значительной степени зависит от трансграничного культурного, экономического, конфессионального, политического градиента. Чем больше отличия между странами, тем выше аттрактивность. Примером очень высокой аттрактивности является государственная пограничная демилитаризованная зона между Республикой Корея и КНДР. Ежедневно ее организовано посещают сотни туристов. Границам присуща иерархия, более высока аттрактивность границ первого порядка (основных).

Повышению туристской аттрактивности отдельных территорий способствовало создание на них искусственных виртуальных «государств». Наиболее известные из них Христиания в Копенгагене, Ужупис в Вильнюсе, Республика Конк, Княжество Себорга, Силенд и др. Виртуальные «микросоударства» особое внимание уделяют вопросам делимитации. При входе в Христианию имеется надпись: «Здесь кончается ЕС и начинается Христиания». Известность, определенная интрига посещения, удачное брендингирование, сувенирная и иная маркетинговая стратегия привлекает в них тысячи туристов. Потоки туристов объективно стимулируют развитие туристской инфраструктуры, которая не только служит источником дохода, но и решает проблемы занятости.

Повышенной аттрактивностью обладают границы непризнанных государств и квазигосударств, например Ватикана или Мальтийского ордена.

Различают современные и исторические границы, которые были в прошлом, но ныне не выполняющие свою функцию. Однако эти исторические и важные в прошлом границы могут обладать высокой аттрактивностью, а в качестве примеров можно назвать Берлинскую стену, линию Керзона, линию Мажино, линию Сталина и др.

Новой традицией стала установка специальных знаков в месте прохождения исторических границ. Среди объектов познавательного туризма Берлина не только Брандбургские ворота, являющиеся частью исторической границы между ГДР и Западным Берлином, но и специально восстановленный в 2000 году контрольно-пропускной пункт «Чарли» с музейной экспозицией.

Государственные границы часто совпадают с ярко выраженными естественными рубежами. Приграничные районы традиционно насыщены интересными и уникальными природными объектами для познавательного туризма. Четыре водопада из числа наиболее посещаемых в мире (Виктория, Игуасу, Ниагара, Дэтэнь) расположены в приграничных регионах. В качестве особого типа политической границы и объекта туризма выступают горные перевалы.

Государственные границы часто разделяют уникальные природные комплексы. В российском приграничье находятся многие известные памятники природы: Куршская и Балтийская косы, Убсунурская котловина горные вершины Большого Кавказа и Алтай, оз. Ханка и др.

Границы в зависимости от их характера и функции, которую они выполняют, могут представлять собой для развития туризма барьеры или фильтры, они могут изменять прилегающее пространство и быть составным элементом интеграции. Границы влияют на развитие туризма за счет мотивации и формирования стимулов для путешествия, развития туристской инфраструктуры, маркетинга.

Туристское пространство чрезвычайно чувствительно к изменениям в местоположении границ и функций, которые они выполняют. Новая граница (или закрытие существующей) может привести к исчезновению сложившегося туристского пространства или серьезным изменениям в функционировании туристских пространств в соседних странах, когда будут отсутствовать отношения между ними.

В случае, когда границы исчезают, туристское пространство может получить дополнительные импульсы к развитию. Исчезновение границы как барьера приводит к увеличению потока товаров и людей, а также — к повышению роли населенных пунктов, расположенных рядом с границей.

Основные возможные формы современного туризма в приграничных районах:

- шоппинг,
- гастрономический,
- досуговый,
- медицинский,
- транзитный,
- природно-ориентированный,
- культурно-познавательный,
- событийно-ориентированный.

Туристское пространство внутри российского пограничья может принимать различные формы:

а) тесного трансграничного сотрудничества за счет использования синергии. Следствие — появление трансграничных туристских регионов (Благовещенск-Хэйхэ);

б) самостоятельное развитие соседних регионов по обе стороны границы со взаимной конкуренцией при открытых границах (Большое Сочи — Абхазия) или отсутствие контактов при закрытых границах (Куршская коса);

в) развитие туристского пространства на одной стороне границы (Балтийская коса);

г) полное отсутствие развития туристского пространства из-за непривлекательности территории или полностью закрытых границ.

Подписание в 2014 году договора о Евразийском экономическом союзе, который вступил в силу 1 января 2015 года, создало предпосылки для развития трансграничного туризма в странах участниках данно-

го соглашения на новом уровне. Вместе с тем необходимо внесение корректив в визовые соглашения. ЕАЭС необходим визовый режим, позволяющий гражданам, въезжающим по визам одной страны, беспрепятственно посещать все страны соглашения.

Заключение

Туризм на границах соседствующих государств основывается на взаимодополняемости, определяемой ценами на товары и услуги, имеющимися предложениями в сфере гостеприимства и экскурсий, удобством транзита и разнообразием привлекательных туристских ценностей. В каждом конкретном случае в приграничье между соседствующими государствами существует дисбаланс в величинах туристских потоков и в уровне развития туристской сферы. Мы постоянно имеем дело с асимметрией между соседствующими частями пограничья, в нем имеются разрывы туристского пространства и социально-экономической освоенности, оно характеризуется мозаичностью.

Сложно бывает определить, какие из факторов развития туризма в пределах приграничных районов имеют решающее значение. Туристское пространство активно развивается и расширяет занимаемый ареал там, где территория привлекательна для туристов. Существуют многочисленные внешние и внутренние условия, которые в разной степени влияют на развитие и функционирование туризма в смежных приграничных районах. К их числу следует отнести следующие:

- степень открытости границ,
- соотношение цен,
- наличие, многочисленность и известность туристских достопримечательностей,
- качество предлагаемого туристского продукта,
- структуру туристских предпочтений,
- навыки сервисных организаций при внедрении инноваций и качество человеческого капитала.

Географические границы обладают особой аттрактивностью, которую можно использовать в целях познавательного туризма. Открытые и доступные границы — часть туристского потенциала территории. Туристское обустройство границ может способствовать экономическому развитию приграничных территорий. Повысить туристскую привлекательность отдельных поселений может восстановление и инфраструктурное обустройство в них участков известных в прошлом исторических границ. Повышение прозрачности границ способно значительно увеличить масштабы трансграничного туризма.

Процесс открытия границ стал импульсом для развития туризма в районах, прилегающих к государственной границе, если он сопровождается экономическими и социальными изменениями (способствует мобильности населения, в том числе в туристских поездках).

Вне зависимости от характера границ между приграничными районами двух соседних стран существуют различия, проявляющиеся на

разных уровнях и в различных масштабах. Это касается развития туристской инфраструктуры и возможностей доставки туристов. Различия в уровне экономического развития, количество и качество цен на товары и услуги также способствуют туристскому обмену и путешествиям.

Необходимо отметить, что процесс интеграции российского туристского рынка в мировой пока происходит стихийно, не имея единого организационно-экономического механизма. Самым действенным шагом на этом пути может стать развитие туризма в приграничных регионах на основе формирования трансграничных и приграничных туристско-рекреационных кластеров.

Список литературы

1. *Апостолов Н.* Туристически ресурси. Варна, 2003.
2. *Батык И. М., Семенова Л. В.* Особенности приграничного сотрудничества Варминьско-Мазурского воеводства и Калининградской области в сфере туризма // Балтийский регион. 2013. № 3. С. 107—119.
3. *Гаврилова И. И., Горевая М. И.* Влияние туризма на экономическое развитие приграничного региона (на примере Амурской области). URL: mino.esrae.ru/157-643 (дата обращения: 11.09.2016).
4. *Катровский А. П., Сергутина С. А.* Географические границы и туризм // Туризм и региональное развитие : сб. науч. ст. Смоленск, 2014. Вып. 7. С. 49—54.
5. *Ковалев Ю. П.* Туристско-рекреационный потенциал и развитие туризма в российско-белорусском пограничье // Региональные исследования. 2011. № 4. С. 133—143.
6. *Корнеевец В. С., Семенова Л. В.* Кластерный подход в развитии туризма Калининградской области // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. № 9. С. 153—159.
7. *Кропинова Е. Г., Митрофанова А. В.* Региональный туристский кластер как туристско-рекреационная система регионального уровня // Региональные исследования. 2011. № 1. С. 40—46.
8. *Кропинова Е. Г., Зайцева Н. А.* Разработка сценариев развития туризма в Калининградской области до 2030 года // Региональные исследования. 2015. № 4. С. 126—131.
9. *Мажар Л. Ю.* Территориальные туристско-рекреационные системы. Смоленск, 2008.
10. *Ракаджийска С., Маринов С.* Туристически пазари. Варна, 2005.
11. *Турченко Е. С.* Основные направления и динамика выездного и въездного туризма в Псковской области // Региональные исследования. 2015. № 3. С. 144—153.
12. *Anderson M., Bort E.* The frontiers of European Union. N. Y., 2001.
13. *David L., Toth G., Bujdosó Z., Remenyik B.* The role of tourism in the development of border regions in Hungary // Romanian Journal of Economics. 2011. Vol. 33. P. 109—124.
14. *De Sousa L.* Understanding European Cross-border Cooperation: A Framework for Analysis // Journal of European Integration. 2013. Vol. 35, № 6. P. 669—687.
15. *Demek J.* Systemova teoria a studium krajiny // Studia geogr. 1974. Vol. 40.
16. *Dołzbłasz S., Raczyk A.* Trans-border cooperation projects on the external and internal EU borders — Poland case study // Studia Regionalne i Lokalne. 2011. Vol. 3 (45). P. 59—80.

17. *Eberhardt P.* Polska i jej granice. Z historii polskiej geografii politycznej. Wydaw. UMCS, Lublin, 2004.
18. *Ibragimow A., Albrecht M.* Neue/alte Herausforderungen für die grenzübergreifende deutsch-polnische Zusammenarbeit seit Polens Schengen-Beitritt: Ślubice und Frankfurt (Oder) // *Europa Regional*. 2015. Vol. 23, № 1. P. 33—45.
19. *Kolossov V.* Theoretical limology: Postmodern analytical approaches // *Diogenes*. 2006. Vol. 53, № 2. P. 11—22.
20. *Komornicki T.* Przestrzenne zryźnicowanie międzynarodowych powiāzań społeczno-gospodarczych w Polsce // *Prace Geograficzne*. 2003. № 190.
21. *Lijewski T., Mikułowski B., Wyrzykowski J.* Geografia turystyki Polski. Warszawa, 2008.
22. *Liszewski S.* Region turystyczny // *Turyzm*. 2003. Vol. 13, № 1. P. 43—54.
23. *Potocki J.* Funkcje turystyki w kształtowaniu transgranicznego regionu górskiego Sudetyw, Wrocław, 2009.
24. *Potocki J.* Wybrane aspekty rozwoju turystyki na sudeckim pograniczu polsko-czeskim // *Geografie, cestovni ruch a rekreace*. Univerzita Palackého v Olomouci. Olomouc, 2005. S. 115—123.
25. *Sarmiento-Mirwaldt K.* Cross-border Cooperation in Central Europe: A Comparison of Culture and Policy effectiveness in the Polish-German and Polish-Slovak Border Regions // *Europe-Asia Studies*. 2013. Vol. 65, № 8. P. 1621—1641.
26. *Scheffer J.* Grenzraum und Interkulturalität — Das Konzept selektiver Kulturräume am Beispiel des deutsch-tschechisch-österreichischen Dreiländerecks // *Köppen B., Horn M.* Das Europa der EU an seinen Grenzen? Berlin, 2009. S. 25—32.
27. *The role of EU in promoting tourism in border areas: Lapland as case study.* Anno Accademico 2009—2010. URL: <http://www.barentsinfo.org/loader.aspx?id=78b09824-86e0-4af9-9443-244037a8f642> (дата обращения: 12.07.2016).
28. *Timothy D.* Tourism and Political Boundaries. L., 2001.
29. *Tölle A.* National Planning Systems Between Convergence and Incongruity: Implications for Cross-Border Cooperation from the German-Polish Perspective // *European Planning Studies*. 2013. Vol. 21, № 4. P. 615—630.
30. *Vodeb K.* Cross — border Regions as potential tourist destination along the Slovene Croatian frontier // *Tourism and Hospitality Management*. 2010. Vol. 16, № 2. P. 219—228.

Об авторах

Александр Петрович Катровский, доктор географических наук, профессор, научный руководитель, Смоленский гуманитарный университет, Россия.

E-mail: alexkatrovsky@mail.ru

Юрий Павлович Ковалев, кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры географии и туризма Смоленский гуманитарный университет, Россия.

E-mail: ykovalev56@gmail.com

Лариса Юрьевна Мажар, доктор географических наук, проректор по учебной работе, Смоленский гуманитарный университет, Россия.

E-mail: lmazhar@shu.ru

Светлана Александровна Щербакова, кандидат географических наук, доцент, заведующая кафедрой географии и туризма, Смоленский гуманитарный университет, Россия.

E-mail: sollos@mail.ru

Для цитирования:

Катровский А. П., Ковалев Ю. П., Мажар Л. Ю., Щербакова С. А. Туризм в приграничных регионах: теоретические аспекты географического изучения // Балтийский регион. Т. 9, № 1. С. 113—126. doi: 10.5922/2074-9848-2017-1-7.

TOURISM IN BORDER REGIONS: THEORETICAL ASPECTS
OF A GEOGRAPHICAL STUDY

A. P. Katrovsky *

Yu. P. Kovalev *

L. Yu. Mazhar *

S. A. Shcherbakova *

* Smolensk Humanitarian University,
2 Gercena str., Smolensk, 214014, Russia

Submitted on September 29, 2016

This article considers theoretical aspects of tourism studies and development in border regions. The work aims to identify key areas of geographical studies into tourism in border regions. Its research significance lies in a review of Russian and international literature on border territory and the role of tourism in socioeconomic development. In terms of methodology, it is an analytical work. The authors stress a need for a systemic approach to analysing tourism in border areas and describe the particularities of tourism on such territories. It is stressed that institutional barriers have become a major obstacle to the development of transboundary tourism regions. Borders are classed depending on the border regime and strictness of tourist entry procedures. Special attention is paid to the attractiveness of state border areas. The authors identify external and internal conditions affecting tourism development and functioning in border areas. The practical significance of the study lies in the possibility of using its findings in developing tourism development programmes for border territories in contemporary Russia.

Key words: tourism, border regions, transboundary tourism and recreation systems, attractiveness of state borders

References

1. Apostolov, N. 2003, *Turisticheski resursi* [Tourism resources], Varna, 388 p. (In Bulg.)
2. Batyk, I., Semenova, L. 2013, Cross-border cooperation in tourism between the Warmian-Masurian voivodeship and the Kaliningrad region, *Balt. Reg.*, no. 3, p. 77—85. DOI: 10.5922/2079-8555-2013-3-8.

3. Gavrilova, I. I., Gorevaya, M. I. 2012, The impact of tourism on the economic development of the border region (on the example of the Amur region), *Mezhdistsiplinarnye issledovaniya v nauke i obrazovanii* [Interdisciplinary Research in Science and Education], no. 1, available at: mino.esrae.ru/157-643 (accessed 11.09.2016). (In Russ)
4. Katrovsky, A. P., Sergutina, S. A. 2014, Geographical boundaries and Tourism, *Turizm i regional'noe razvitie* [Tourism and Regional Development], no. 7, Smolensk, p. 49—54. (In Russ)
5. Kovalev, Yu. P. 2011, The tourist and recreational potential and development of tourism in the Russian-Belarusian border zone, *Regional'nye issledovaniya* [Regional studies], no. 4, p. 133—143.
6. Korneevets, V., Semenova, L. 2013, The cluster approach in tourism development in the Kaliningrad region, *Vestnik Immanuel Kant Baltic Federal University*, no. 9, p. 153—159. (In Russ)
7. Kropinova, E. G., Mitrofanov, A. V. 2011, The regional tourist cluster as tourism and recreation system at the regional level, *Regional'nye issledovaniya* [Regional Studies], no. 1, p. 40—46. (In Russ)
8. Kropinova, E. G., Zaitseva, N. A. 2015, Development of tourism development scenarios for the Kaliningrad region until 2030, *Regional'nye issledovaniya* [Regional Studies], no. 4, p. 126—131. (In Russ)
9. Mazhar, L. Yu. 2008, *Territorial'nye turistsko-rekreatsionnye sistemy* [Local tourism and recreation system], Smolensk. (In Russ)
10. Rakadzhiyska, S., Marinov, S. 2005, *Turisticheski pazari* [Touristic Pazar], Varna, 191 p. (In Bulg.)
11. Turchenko, E. S. 2015, The main directions and dynamics of outbound and inbound tourism in the Pskov region, *Regional'nye issledovaniya* [Regional Studies], no. 3, p. 144—153.
12. Anderson, M., Bort, E. 2001, *The frontiers of European Union*, New York, 223 p.
13. David, L., Toth, G., Bujdoso, Z., Remenyik, B. 2011, The role of tourism in the development of border regions in Hungary, *Romanian Journal of Economics*, Vol. 33, p. 109—124, available at: <http://revecon.ro/articles/2011-2/2011-2-6.pdf> (accessed 11.07.2016).
14. De Sousa, L. 2013, Understanding european Cross-border Cooperation: A Framework for Analysis, *Journal of European Integration*, Vol. 35, no. 6, p. 669—687. DOI: 10.1080/07036337.2012.711827
15. Demek, J. 1974, *Systemova teorie a studium krajiny*, Brno, 224 p.
16. Dołzblasz, S., Raczyk, A. 2011, Trans-border cooperation projects on the external and internal EU borders — Poland case study, *Studia Regionalne i Lokalne*, Vol. 3 (45), p. 59—80, available at: http://www.studreg.uw.edu.pl/pdf/2011_3_dolzblasz_raczyk.pdf (accessed 11.07.2016).
17. Eberhardt, P. 2004, *Polska i jej granice. Z historii polskiej geografii politycznej*, Lublin.
18. Ibragimow, A., Albrecht, M. 2015, Neue/alte Herausforderungen für die grenzübergreifende deutsch-polnische Zusammenarbeit seit Polens Schengen-Beitritt: Słubice und Frankfurt (Oder), *Europa Regional*, Vol. 23, no. 1, p. 33—45.
19. Kolossov, V. 2006, Theoretical limology: Postmodern analytical approaches, *Diogenes*, Vol. 53, no. 2, p. 11—22.
20. Komornicki, T. 2003, Przestrzenne zryźnicowanie międzynarodowych powiązań społeczno-gospodarczych w Polsce. In: *Prace Geograficzne № 190*, 255 p.
21. Lijewski, T., 2008, *Mikulowski B., Wyrzykowski J. Geografia turystyki Polski*, Warszawa, 383 p.

22. Liszewski, S. 2003, Region turystyczny, *Turyzm*, Vol. 13, no. 1, p. 43—54.
23. Potocki, J., 2009, *Funkcje turystyki w kształtowaniu transgranicznego regionu gyrskiego Sudetyw*, Wrocław.
24. Potocki, J., 2005, Wybrane aspekty rozwoju turystyki na sudeckim pograniczu polsko-czeskim, *Geografie, cestovni ruch a rekreace*, Olomouc, p. 115—123.
25. Sarmiento-Mirwaldt, K. 2013, Cross-border Cooperation in Central Europe: A Comparison of Culture and Policy effectiveness in the Polish-German and Polish-Slovak Border Regions, *Europe-Asia Studies*, Vol. 65, no. 8, p. 1621—1641.
26. Scheffer, J. 2009, Grenzraum und Interkulturalität — Das Konzept selektiver Kulturräume am Beispiel des deutsch-tschechisch-österreichischen Dreiländerecks. In: Köppen, B., Horn, M. *Das Europa der EU an seinen Grenzen?* Berlin, p. 25—32.
27. Dell’Agnese, E., Peroni, G. 1999, *The role of EU in promoting tourism in border areas: Lapland as case study. Anno Accademico 2009—2010*, available at: <http://www.barentsinfo.org/loader.aspx?id=78b09824-86e0-4af9-9443-244037a8f642> (accessed 12.07.2016).
28. Timothy, D. 2001, *Tourism and Political Boundaries*, London, Routledge, 195 p.
29. Tölle, A. 2013, National Planning Systems Between Convergence and Incongruity: Implications for Cross-Border Cooperation from the German-Polish Perspective, *European Planning Studies*, Vol. 21, no. 4, p. 615—630.
30. Vodeb, K. 2010, Cross — border Regions as potential tourist destination along the Slovene Croatian frontier, *Tourism and Hospitality Management*, Vol. 16, no. 2, p. 219—228.

The authors

Prof. Alexandr Katrovsky, Research Director, Smolensk University for the Humanities, Russia.

E-mail: alexkatrovsky@mail.ru

Dr Yuri Kovalev, Associate Professor, Department of Geography and Tourism, Smolensk University for the Humanities, Russia.

E-mail: ykovalev56@gmail.com

Prof. Larisa Mazhar, Vice-Rector for Academic Affairs, Smolensk University for the Humanities, Russia.

E-mail: lmazhar@shu.ru

Dr Svetlana Shcherbakova, Associate Professor, Head of the Department of Geography and Tourism, Smolensk University for the Humanities, Russia.

E-mail: sollos@mail.ru

To cite this article:

Katrovsky, A. P., Kovalev, Yu. P., Mazhar, L. Yu., Shcherbakova, S. A. 2017, Tourism in Border Regions: Theoretical Aspects of a Geographical Study, *Balt. reg.*, Vol. 9, no. 1, p. 113—126. doi: 10.5922/2074-9848-2017-1-7.

**ЗЕМЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
И МЕХАНИЗМ УПРАВЛЕНИЯ
ЗЕМЕЛЬНЫМИ РЕСУРСАМИ
В ЭСТОНСКОЙ
РЕСПУБЛИКЕ**

В. Л. Богданов *

Ю. В. Рябов **

М. К. Бурлакова *

Изучается влияние земельной реформы на формирование современной земельной политики и эффективности управления земельными ресурсами. Изложены материалы, посвященные новой земельной политике, системе управления земельными ресурсами и землепользованию на новом этапе развития Эстонской Республики. Как результат этой политики — принятие новой земельной реформы, предусматривающей муниципализацию, приватизацию и разгосударствление недвижимости.

Описаны механизмы романо-германской модели управления земельными ресурсами (которая пришла в Эстонию на смену советской). Показано, что ее внедрение способствует развитию земельного рынка в республике и способствует повышению эффективности использования земель, прежде всего в аграрной отрасли. Сделан вывод о наличии положительных тенденций развития земельного рынка и повышении производственно-инвестиционной активности в сфере землепользования. Земельные ресурсы в Эстонии являются надежным стратегическим объектом инвестиций.

Ключевые слова: Эстония, земельная политика, земельная реформа, механизм управления земельными ресурсами, землепользование, земельный налог

Введение

Управление земельными ресурсами с целью их рационального и эффективного использования стало важнейшим вопросом, от решения которого во многом зависит благосостояние страны. В силу специальных особенностей земли, являющейся природным ресурсом, средством производства и объектом социально-экономических связей, совершенствование организации управления зе-

* Санкт-Петербургский государственный университет 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб. 7/9.

** Санкт-Петербургский научно-исследовательский центр экологической безопасности РАН. 197110, Россия, Санкт-Петербург, ул. Корпусная, 18.

Поступила в редакцию 15.11.2015 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2017-1-8

© Богданов В. Л., Рябов Ю. В., Бурлакова М. К., 2017

мельными ресурсами представляет особую значимость. Социальные условия, устойчивое развитие сельского хозяйства, технологические условия, изменение климата и другие факторы влияют на систему управления земельными ресурсами [1]. Структура землепользования является нелинейной системой. Она связана с социально-экономическими и биофизическими изменениями [2]. После формирования в 1991 году Эстонской Республики как независимого государства в этой стране в 1992 году была принята новая Конституция. В результате правовая система Эстонии перешла от советской к романо-германской, что потребовало проведения земельной реформы. Основными положениями земельной реформы было создание правовых, организационно-хозяйственных и других условий для перераспределения земель среди землепользователей, а также решение задач, связанных с рациональным использованием земель, как важнейшего ресурса государства.

Сегодня базовыми законами, регулирующими земельные отношения или отношения в сфере недвижимости в Эстонии, выступают следующие: «О земельной реформе», «О недвижимом имуществе», «О собственности» и «Об ограничениях на уступку прав собственности на недвижимое имущество иностранцам, иностранным государствам, юридическим лицам».

Методы исследований

Основные методы исследований были направлены на изучение системы и механизмов управления земельными ресурсами, а также использования земель в Эстонской Республике.

В работе применялись сравнительно-исторический метод, метод анализа и синтеза, основанного на анализе абсолютных и относительных величин, динамических рядов, детализации и обобщении материала, сравнительно-географический и картографический методы.

Информационная база — законы и положения правительства Эстонской Республики, материалы кадастрового учета земель, данные Департамента статистики, Земельного департамента и Министерства окружающей среды Эстонской Республики, материалы литературных и картографических источников, а также интернет-изданий по теме исследования.

Сравнительно-исторический метод был применен для выявления сущности новой Земельной реформы в Эстонии в результате перехода от советского периода правовой системы к романо-германской.

Использование метода анализа и синтеза в исследованиях позволило изучить системы управления земельными ресурсами и учета земель в Эстонии, а также механизмы экономических регуляторов эффективности их использования. С помощью сравнительно-географического, картографического, метода анализа и синтеза были установлены тенденции изменения площадей различных категорий земель, динамики сделок земельного оборота и рыночная стоимость 1 га земли в Эстонии (в евро) по видам целевого назначения земель.

Направления и содержание земельной реформы

Основные направления земельной реформы, которые были приняты на основании вышеназванных законов: *муниципализация* — безвозмездная передача имущества, находящегося в собственности государства в муниципальную собственность; *приватизация* — передача имущества, находящегося в государственной или муниципальной собственности, за плату или безвозмездно в частную собственность; *возврат в государственное* — возврат в собственность Эстонской Республики из собственности кооперативных, государственно-кооперативных и общественных организаций [3]. В гражданском кодексе Эстонской Республики, основывающемся на романо-германской школе, приняты следующие виды вещных прав: право собственности и ограниченные вещные права: *реальные повинности*, *право застройки*, *сервитуты*, *залоговое право (ипотека)* и *право преимущественной покупки* [4].

Задачи земельной реформы: изменение отношений, базирующихся на государственной собственности, в отношении преимущественно частнособственнические, возвращение земли прежним собственникам или их правопреемникам с целью более эффективного ее использования. Кроме того, в пользу собственников строений можно устанавливать право застройки или передавать землю в пользование [3]. Сегодня Единая сельскохозяйственная политика Эстонии направлена на то, чтобы сельские районы оставались заселенными и перспективными, для чего поставлены следующие цели: обеспечение постоянного роста рентабельности и конкурентоспособности сельскохозяйственных производителей; развитие альтернативной формы предпринимательства для диверсифицирования жизни сельских районов; повышение расходов на экологически чистое производство.

В основу реформы отношений собственности в Эстонии был положен принцип реституции. Земельные участки, в том числе сельскохозяйственные угодья, национализированные в годы советской власти, возвращаются прежним владельцам или их потомкам, а в ряде случаев выплачивается компенсация. Многие из потомков бывших землевладельцев — жители городов, сельскохозяйственные угодья им не нужны, поэтому при первой же возможности они продают свои земли. Члены бывших коллективных хозяйств получили право выкупить земельные участки, предоставленные им в советские времена в бессрочное пользование. Право на выкуп земли не означает, что человек должен ее выкупить — желающие могут за определенную плату в течение 99 лет использовать свои земельные наделы. При этом необходимо платить земельный налог. На практике подавляющее большинство бывших колхозников свои наделы приватизировали. Местным властям дано право продавать свободные угодья, пригодные для сельскохозяйственной деятельности. Однако среди покупателей могут быть только физические и юридические лица, уже владеющие земельными наделами и получающих доход от продажи сельскохозяйственной продукции.

Лица, получившие землю в бессрочное пользование на основании акта в период Эстонской ССР, и садоводческие товарищества имеют право на приобретение этой земли и приватизировать ее на праве преимущественной покупки. Закон об оценке земель определяет порядок и основания оценки. Если земля не была возвращена гражданам по каким-то причинам, выплачивается компенсация в соответствии с Законом об оценке земель. Большая часть приватизированных земель за счет преимущественного права на приватизацию земли пришлось на 1997—1999 годы. Около 60% в 2012 году зарегистрированных частных земель принадлежат владельцам на основе восстановления права (табл. 1).

Таблица 1

Динамика регистрации площадей частных земель в земельном кадастре за 2002—2012 годы

Год	Площадь, га	На основании восстановления права на зем. участок, %	На праве преимущественной покупки зем. участка, %	На основании аукциона зем. участков, %	Приватизация зем. участки с/х угодий, %
2002	2 007 364	62	25	4	5
2003	2 177 800	62	25	4	6
2004	2 298 297	62	25	4	6
2005	2 360 413	62	25	4	6
2006	2 408 699	61	25	4	6
2007	2 440 745	61	25	4	6
2008	2 459 698	61	26	4	6
2009	2 472 003	61	26	4	6
2010	2 478 946	60	26	4	6
2011	2 483 938	60	26	4	6
2012	2 487 604	60	26	4	6

Примечание: по данным Департамента статистики Эстонской Республики.

Иностранцы физические и юридические лица имеют такие же права на покупку земли, как эстонские граждане или юридические лица. Закон о земельной реформе позволяет им покупать землю под своими зданиями и прилегающую к ним. С разрешения старейшины уезда, иностранные физические и юридические лица могут вступить в права собственности на основании Закона об ограничения на уступку прав собственности на недвижимое имущество иностранцам, иностранным государствам и юридическим лицам.

Система управления земельными ресурсами

Управление земельными ресурсами в Эстонии осуществляют следующие органы: Рийгикогу (народный парламент), Правительство Эстонии, Министерство окружающей среды, Министерство юстиции, Земельный департамент, земельный кадастр, крепостные отделы (рис. 1).

Рис. 1. Система управления земельными ресурсами Эстонской Республики

В Рийгикогу решаются все важнейшие вопросы жизни государства: помимо законодательной деятельности Рийгикогу назначает высших должностных лиц, в том числе премьер-министра и председателя Государственного суда.

Правительство осуществляет внутреннюю и внешнюю политику государства, формируемую парламентом, принимая законы и утверждая государственный бюджет. Оно направляет и координирует работу министерств, департаментов, инспекций и других учреждений исполнительной власти [6].

Деятельность Министерства окружающей среды направлена на сбалансированное развитие природопользования и охраны природы, экономики и социальной сферы, на обеспечение необходимой для достижения этого хорошо действующей системы.

В ведении Министерства окружающей среды находятся:

- организация охраны окружающей среды и природы государства;
- выполнение задач, связанных с землей и базами данных пространства;
- организация использования, охраны, воспроизводства и учета природных богатств;
- обеспечение защиты от радиации;
- надзор за окружающей средой;
- организация наблюдения за погодой, природных и морских исследований, геологических, картографических и геодезических работ;
- ведение регистра окружающей среды и земельного кадастра;
- организация использования зарубежных средств охраны окружающей среды, а также составление проектов соответствующих стратегических документов и правовых актов [7].

Земельный департамент Эстонии находится в юрисдикции Министерства окружающей среды. Департамент является правительственной организацией, которая разрабатывает и осуществляет направления национальной земельной политики.

Задачей департамента стало получение достоверной и объективной информации об объектах учета, их местоположении и обеспечении информацией заинтересованных юридических лиц и граждан. Цели создания департамента — обеспечение более эффективного управления и использования земель, организация геодезической и картографической деятельности, организация оценки земель и надзор за исполнением земельного налога и т. д. Основные направления деятельности Земельного департамента: реализация земельной политики, земельный кадастр и геоинформационные системы.

Функции департамента: ведение земельного кадастра и организация кадастровой съемки; надзор, координация и контроль выполнения земельной реформы; выполнение пространственного планирования; надзор, организация, координация деятельности в области геоинформатики, картографии, геодезии, геологии, в сфере оценки земель; организация мероприятий по развитию инфраструктуры пространственных данных; сбор данных для характеристики топографических объектов; выдача лицензий на проведение оценки земли; использование, учет и охрана земель, находящихся в государственной собственности, управляемые Министерством окружающей среды; создание государственного земельного резерва.

Земельный департамент организует продажу земель с аукциона, которые находятся в собственности государства. Отчуждение государственного имущества происходит на основании закона «О государственном имуществе» и постановления министерства окружающей среды «Порядок предоставления в пользование и отчуждения недви-

жимости», находящейся в управлении Министерства окружающей среды. Департамент в соответствии с п. 20 закона «Об охране природы» и Постановлением правительства Республики «Порядок приобретения и рассмотрения предложений по приобретению недвижимости» проводит процедуры приобретения для государства земель, на которые наложены природоохранные ограничения.

Координацию по оценке земель департамент осуществляет с помощью базы данных, в которую напрямую от нотариусов поступает вся информация об отчуждении недвижимости по всей стране. На сайте Земельного департамента содержится статистика о сделках с недвижимостью, об уровне цен по сделкам с землей.

Земельный кадастр служит техническим регистром, в котором указаны результаты межевания, данные относительно природного состояния, ценности и реального использования земли, имеющие информационное назначение [8]. Земельный кадастр как функция управления земельными ресурсами включает документированную земельно-кадастровую информацию о земельных ресурсах, результаты их оценки и систему мероприятий по сбору, разработке, документальному оформлению, хранению и предоставлению этой информации [9]. В Эстонии ответственными за сбор и обработку данных о земельных ресурсах для земельного кадастра является Министерство окружающей среды, а уполномоченным в обработке данных — Земельный департамент. Ведение кадастра финансируется из государственного бюджета. Цель поддержания кадастра — регистрация информации, отражающую стоимость земли, ее состояние и систему использования, а также обеспечить качество такой информации и ее доступность общественности. Кадастровые данные служат основой для создания и развития информационных систем, содержащих пространственные данные. Кадастровый индивидуальный номер каждого участка состоит из 12 цифр и делится на три части.

В уездах земельные вопросы находятся в ведении крепостных отделов, губернаторов и уездных земельных управлений [10]. С 1997 года закон «О регистрации земельных участков» обязывает всех собственников оформлять землю. Если участок был приобретен до вступления закона, хозяева могли добровольно зарегистрировать свои земли. По состоянию на 1 января 2012 года в Государственный кадастр было внесено около 93% всей земли; из них 37% — это земля, возвращенная бывшим собственникам. На сегодня около 7% земель еще не учтено в связи с незавершенной земельной реформой. Это земельные участки, ждущие собственника, либо участки, переданные в муниципальное владение или оставленные в собственность государству и не занесенные в крепостной регистр, так как органы самоуправления и государство не обязаны вносить свою землю в крепостную книгу. Большинство не оформленных в кадастре земель принадлежат владельцам на основании права преимущественной покупки. Обычно земельные участки и прочно связанные с ним здания принадлежат одному владельцу. Здания, расположенные на чужом или на незарегистрированном участке, не могут участвовать в сделках.

Крепостные отделения уездных судов ведут крепостную книгу, которая является юридическим регистром вещных прав на недвижимую вещь. Недвижимостью в Эстонии считаются земельные участки, квартирная собственность, права застройки и права квартирной застройки. В крепостных отделениях уездных судов имеется также регистр брачного имущества.

Земельный фонд и его структура

Для установления правового режима использования земель с учетом целевого их назначения в Эстонской Республике постановлением Правительства от 23.10.2008 года №155 «Категории земель и порядок их использования» Земельным департаментом было выделено 13 видов земель целевого назначения [11] (табл. 2). Общая площадь территории Эстонской Республики составляет 45 226 км². В структуре земельного фонда Эстонии преобладают лесные земли. В 2008 году они занимали 60,8% от всей площади, к 2012 году площади лесных земель уменьшились до 55,2%. Тенденция к уменьшению площадей этой категории связана с переводом их в земли сельскохозяйственного назначения.

Таблица 2

Структура земельного фонда и динамика площадей по категориям земель

Категория земель	2008		2010		2012	
	га	%	га	%	га	%
Земли под жилье	72 980	1,92	77 241	1,97	79 999	2,0
Коммерческие земли	6 073	0,16	6 958	0,18	7 478	0,18
Земли под производство	22 363	0,59	24 014	0,61	25 138	0,62
Земли под горнодобывающие отрасли	42 323	1,11	42 450	1,08	42 345	1,0
Общественные земли	15 666	0,41	19 117	0,49	21 481	0,53
Земли под водоемами	4 412	0,12	4 796	0,12	5 585	0,14
Земли транспорта	41 153	1,08	44 980	1,15	47 881	1,18
Земли, загрязненные отходами	5 041	0,13	5 658	0,14	5 852	0,14
Земли национальной обороны	10 216	0,26	17 947	0,46	18 556	0,46
Земли заповедников	138 777	3,54	142 191	3,63	164 968	4,07
Земли с/х назначения	1 235 652	30,2	1 311 298	33,5	1 392 508	34,40
Лесные земли	2 197 400	60,8	2 212 000	56,5	2 233 900	55,16
Земельные участки, не отведенные для конкретных целей	5 265	0,14	4 110	0,11	3 998	0,12
Итого (без площади прочих земель)	3 797 485	100	3 912 759	100	4 049 689	100

Примечание: по данным Департамента статистики Эстонской Республики.

Сельскохозяйственное использование земель в Европе значительно изменились за последние десятилетия. Наблюдения в Европейских странах за изменением площадей сельскохозяйственных земель показывают их расширение или сокращение, которое зависит от системы управления земельными ресурсами, элементов ландшафта, системы сельскохозяйственного использования земель и специализации [12].

В Эстонской Республике земли сельскохозяйственного назначения имеют большое значение. С каждым годом площади земель этой категории постоянно увеличиваются. Доля площадей этой категории в 2012 году составила в земельном фонде 34,4%, по сравнению с 2008 годом они увеличились на 4,2%. Большое внимание в Республике уделяется и землям заповедников. Их долевое участие в земельном фонде в 2012 году составило 4,1%. В период с 2008 по 2012 год существенно увеличились площади земель национальной обороны на 8350 га.

Механизмы управления земельными ресурсами

Земля как фактор эффективного развития государства рассматривается с двух сторон: как условие экономического развития государства и как объект экономических отношений. Управление земельными отношениями и ресурсами стало первостепенной задачей государства. Механизмы управления земельными ресурсами можно разделить на три группы: экономические, административные и социальные. В современный период значительно возрастает роль земли как экономического фактора. Основная цель эффективного управления земельными отношениями заключается в достижении экономических и социальных интересов собственников, пользователей земельных участков и общества в целом.

Механизм экономического регулирования управления земельными ресурсами формируется системой мер экономического воздействия, направленных на реализацию земельной политики государства, обеспечение прав землевладельцев и землепользователей и др. [13].

Управление земельными отношениями и ресурсами — первостепенная задача государства.

Система экономических регуляторов управления земельными ресурсами включает:

- земельный налог;
- арендную плату за землю;
- рыночную цену земли;
- залоговую цену земли;
- компенсационные платежи при изъятии земель;
- компенсационные выплаты при консервации земель;
- платежи за повышение качества земли;
- штрафные платежи за экологический ущерб.

Экономический механизм управления земельными ресурсами должен быть основан на использовании земельной ренты в качестве осно-

вы для формирования системы экономических регуляторов с другими экономическими рычагами (ценами, ссудным процентом, подоходным налогом и т. д.) [14].

В 1993 году в Эстонской Республике был принят закон «О земельном налоге», который обременял налогом все земли [15]. Этот налог исчисляется на основании данных, представленных местным самоуправлением. Законом «Об оценке земель» установлена ставка налога — от 0,1 до 2,5% в год от цены налогообложения, которая устанавливается собранием местного самоуправления. Ставка земельного налога на земли, используемые для производства сельскохозяйственной продукции, составляет 0,1—2,0%. Если на земле запрещена экономическая активность, то налог на землю определен Эстонским правительством в размере 75, 50 или 25% от налоговой ставки. Земельный налог взимается трижды в год — 15 апреля, 15 июля и 15 октября.

Налог поступает в бюджет местного самоуправления по месту расположения земли. Для налогообложения периодически проводят оценку земель, в результате чего устанавливается стоимость земли, и вносятся изменения в базу данных. Оценка проводится на основе данных земельного кадастра в каждой территориальной зоне (волости), учитывая их индивидуальные особенности, уровень цен, целевого назначения и качественной характеристики земель.

Земельный налог не назначается и налоговое извещение не высылаются, если сумма составляет менее 5 евро [15].

Сумма земельного налога рассчитывается путем умножения цены налогообложения земли на ставку земельного налога. Земельным налогом облагается вся земля, платит его собственник, а в некоторых случаях — пользователь земли. Земельный налог — второй по величине источник доходов для муниципалитетов и городов после подоходного налога. Средняя сумма заработанных муниципальных районов и городов от земельного налога в 2007—2011 годах, составила 46,9 млн евро, что равняется 4% от их валового дохода и 7% налоговых поступлений. Важным механизмом управления земельными ресурсами стали организация и координация деятельности по оценке земель.

Государственным земельным налогом не облагаются:

— земли, прилегающие к зданиям или их частям, связанных с дипломатическими миссиями и консульскими представительствами иностранных государств;

— земли, которые используются другим государством или международной организацией;

— земли, находящиеся в муниципальном владении;

— земли кладбищ и земли под храмами и церквями конгрегаций;

— получатели пенсий могут быть освобождены от уплаты земельного налога при условии, что земля используется для проживания, и собственник не получает дохода со сдачи своей земли внаем, и если площадь данной земли составляет до 0,1 га в городской черте и до 1 га в сельской местности;

— местные власти могут решить не облагать налогом землю публичного пользования [16].

Земельный налог поступает только в муниципальный бюджет местных властей и регулируется Советом налогов и таможи. На сегодня государственный сектор Эстонии имеет наименьшее налоговое бремя во всем ЕС, и эта ситуация предположительно сохранится и в будущем.

В Эстонии отсутствует налог на недвижимость, что создает благоприятные условия для приобретения недвижимости иностранными гражданами. Среди собственников эстонской земли гражданам иностранных государств принадлежит около 40 900 га земли. Таким образом, если рассматривать всю территорию Эстонии, то иностранцам — частным лицам принадлежит меньше одного процента земли.

Согласно закону «О государственном имуществе» имущество государства может передаваться другому лицу за плату в аренду или пользование либо обременяться правом застройки с публичных торгов. Право застройки носит публичный характер. Размер вознаграждения и основания его исчисления устанавливаются по соглашению сторон и могут быть заранее определены на весь период действия права. Помимо этого застройщик уплачивает все налоги и несет все публично-правовые повинности, которыми обременен участок. Сегодня право застройки — один из наиболее востребованных институтов гражданского права. Большие строительные объекты возводятся в Эстонии в основном на праве застройки, так как вступление республики в ЕС привело к существенному удорожанию земли и к привлечению иностранных крупных инвесторов. Обременение участка правом застройки выгодно для его собственника, он сохраняет за собой право собственности и получает доход. В этой области относительно новое законодательство, однако большое количество его нормативных актов далеко не совершенны. Необходимо исследование этих проблем для повышения эффективности механизмов управления земельными ресурсами.

Рынок земли

Как известно, земельный собственник ведет хозяйство самостоятельно, но может и передать свое право использования земли в аренду предпринимателю. Условиями арендного договора последний временно получает право монопольного хозяйствования на данном участке, за что и выплачивает землевладельцу арендную плату. Превращение части прибыли арендатора в земельную ренту обусловлено именно данной монополией [13; 14].

Эстонская Республика в целях увеличения поступлений в национальный бюджет и поиска владельцев недвижимости распродает государственные земли. Чтобы ускорить процесс распродажи государственных земель, стартовая цена установлена на 30% ниже первоначальной. Большую часть земель занимают леса: эти участки продаются по самым высоким ценам. Земельный департамент также проводит процедуры приобретения земель для нужд Республики. В Эстонии землю можно рассматривать как надежный стратегический объект инвестиций, вложение в землю сохраняет свою привлекательность.

Так как земельный рынок — часть рынка недвижимости и включает объекты, субъекты, а также правовые нормы, регулирующие земельные отношения, для эффективного управления земельным рынком необходим его постоянный мониторинг. Он проводится для выявления уровня цен; состояния рынка; доступности и ликвидности земельных участков; эффективности инвестиций в земельные участки.

Земельный Департамент содержит информацию о рынке недвижимости и статистику о сделках с земельными участками по всей стране. К сделкам с земельными участками и находящимися на них объектами (жилыми домами, гаражами, иными придворными постройками) относятся такие процедуры, как купля-продажа, мена, дарение. Рассмотрим структуру оборота земель в Эстонской Республике.

Рынок недвижимости Республики растет как с участием местных покупателей, так и иностранных, в то же время поднимаются и цены.

В 2013 году земельный оборот в Эстонии составил 52 160 сделок площадью 144 695 га и стоимостью 2,35 млрд евро (рис. 2).

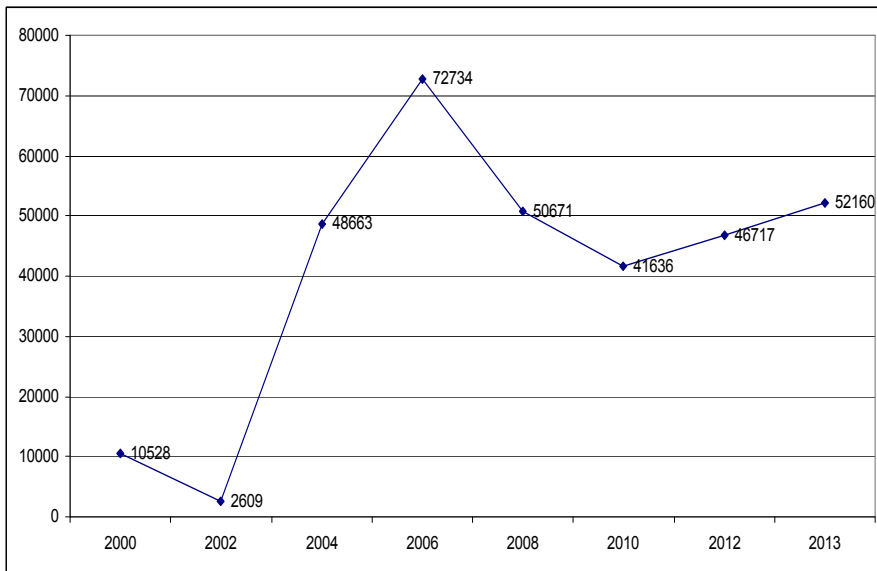

Рис. 2. Динамика сделок земельного оборота Эстонии

Примечание: по данным Земельного департамента (2000—2013 годы).

Купля-продажа земельных участков является наиболее распространенной гражданско-правовой сделкой в Эстонии. По данным Земельного Департамента в 2013 году было зарегистрировано 41 357 сделок площадью 2 млрд га по купле-продаже застроенных и незастроенных земельных участков, заключенных гражданами, юридическими лицами и иностранцами и 7404 сделки с земельными участками по договорам дарения площадью 15 446 га, а также 575 сделок по мене площадью 1225 га.

Доля сделок по купле-продаже земельных участков гражданами и юридическими лицами в 2013 году составила 79% в общем количестве зарегистрированных сделок.

Площадь проданных по сделкам за год земельных участков гражданами и юридическими лицами составляет более 70% от общей площади земель, находящихся в обороте.

Средняя стоимость 1 га государственной земли стоит около 31 000 евро. Площадь проданных за 2013 год земельных участков, находящихся в государственной и муниципальной собственности, незначительна и составляет менее 0,1% от общей площади земель, находящихся в обороте. По площади государственных и муниципальных земель в 2013 году продано на 33% больше, чем в 2012 году.

Средняя стоимость 1 га земли в Эстонии по видам целевого назначения начинается от 2101 евро (сельскохозяйственные земли). Следует отметить, что средняя стоимость 1 га коммерческой земли — одна из самых высоких в стране и составляет 680 873 евро, несмотря на то что по сравнению с 2012 годом стоимость упала на 30%.

Средние цены на земли следующих видов целевого назначения значительно меньше. Чуть более чем за 10 000 евро за 1 га совершаются сделки с землями под жилье и землями промышленности (рис. 3).

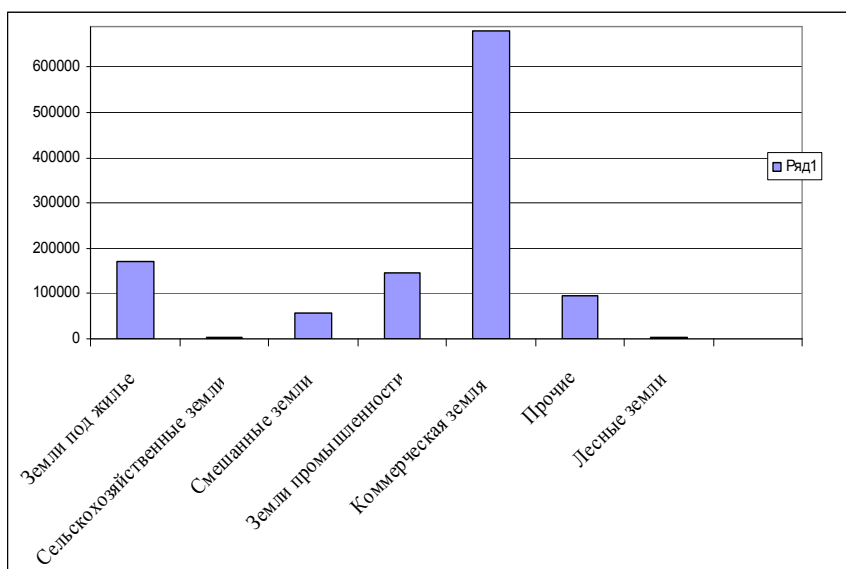

Рис. 3. Средняя рыночная стоимость 1 га земли по видам целевого назначения в Эстонии, евро

Примечание: по данным Земельного департамента (2013 год).

Если рассматривать среднюю стоимость 1 га земли по видам целевого назначения по уездам, безусловным лидером по всем позициям стал уезд Харьюмаа, где 1 га коммерческой земли стоит в среднем 1 745 466 евро, по 500 000 евро/га продаются жилые земли и земли про-

мышленности, а земли сельскохозяйственного назначения стоят на рынке в среднем 3532 евро/га. С самой дорогой жилой землей в пятерку уездов входят Тартумаа, Пылвамаа, Рапламаа и Ида-Вирумаа. Дорого ценятся земли промышленности и коммерческие земли в уездах Ида-Вирумаа и Тартумаа.

Отдельно Земельный департамент выделяет лесные земли, средняя стоимость за 1 га которых по стране составляет 2300 евро. Самая дорогая стоимость за лесные земли наблюдается в уезде Вырумаа. До 2000 евро за 1 га можно приобрести в таких уездах как Йыгевамаа, Ярвамаа и Ляэнемаа. Средняя цена за 1 га в остальных уездах варьирует от 2000 до 3000 евро.

Земельный департамент также проводит процедуры приобретения земель для нужд республики.

Таким образом, в Эстонии землю можно рассматривать как природный ресурс, активно участвующий на рынке недвижимости и являющийся стратегическим объектом инвестиций. Поэтому опыт Эстонской Республики рыночного механизма земли в качестве объекта недвижимости важен и для нашей страны.

Выводы

1. После советского периода правовая система в Эстонской Республике перешла от советской к романо-германской. В результате земельная реформа ориентирована на муниципализацию, приватизацию и возгосударствление земли. В Эстонии приняты виды вещных прав: право собственности и ограниченные вещные права, реальные повинности, право застройки, сервитуты, залоговое право (ипотека) и право преимущественной покупки.

2. Система управления земельными ресурсами в Эстонии включает: Рийгикогу (парламент), Правительство Эстонии, Министерство окружающей среды, Министерство юстиции, Земельный департамент, земельный кадастр, крепостные отделы. Наиболее важными из них для учета земель стали системы государственного земельного кадастра и крепостной книги, которые служат информационной основой государственного управления территориями и экономического регулирования земельных отношений.

3. Система экономических регуляторов управления земельными ресурсами в Эстонии включает: земельный налог; арендную плату за землю; рыночную цену земли; залоговую цену земли; компенсационные платежи при изъятии земель; компенсационные выплаты при консервации земель; платежи за повышение качества земли; штрафные платежи за экологический ущерб.

4. На основании закона «О земельной реформе» земельные участки, в том числе сельскохозяйственные угодья, национализированные в годы советской власти, возвращаются прежним владельцам или их по-

томкам, а в ряде случаев выплачивается компенсация. Члены бывших коллективных хозяйств имеют право выкупить земельные участки, предоставленные им в советские времена в бессрочное пользование. Недвижимое имущество, находящееся в собственности государства, может передаваться другому лицу за плату в аренду, пользование или обременяться правом застройки с публичных торгов по решению управления государственным имуществом или согласия Правительства Республики.

5. Земельным департаментом Эстонии выделяет 13 видов целевого назначения земель: земли под жилье, сельскохозяйственные земли, коммерческая земля, земли под производство, земли под горнодобывающие отрасли, общественные земли, земли под водоемы, земли транспорта, земли, загрязненные отходами, земли национальной обороны, заповедники, лесные земли, земли, не отведенные для конкретных целей.

6. В Эстонии явно прослеживается тенденция развития земельного рынка и повышение производственно-инвестиционной активности в сфере землепользования. Наблюдается рост рынка земель всех видов целевого назначения земель, за исключением земель, не отведенных для конкретных целей. Сегодня право застройки один из наиболее востребованных институтов гражданского права. Вступление республики в ЕС привело к существенному удорожанию земли и к привлечению иностранных крупных инвесторов.

7. Эстонская Республика в целях увеличения поступлений в национальный бюджет распродает государственные земли. Земельный департамент также проводит процедуры приобретения земель для нужд республики. В Эстонии земельные ресурсы можно рассматривать как надежный стратегический объект инвестиций, вложение в землю сохраняет свою привлекательность.

Список литературы

1. Lemmen C., van Oosterom P., Bennett R. The Land Administration Domain Model // Land Use Policy. 2015. Vol. 49. P. 535—545.
2. Lambin E.F., Meyfroidt P. Land use transitions: Socio-ecological feedback versus socio-economic change // Land Use Policy. 2010. Vol. 27, Is. 2. P. 108—118.
3. О земельной реформе : закон Эстонской Республики от 17.10.1991 г. URL: http://estonia.news-city.info/docs/sistemsf/dok_ierxoz/index.htm (дата обращения 10.05.2015).
4. О вещном праве : закон Эстонской Республики от 09.06.1993 г. URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/13322575?leiaKehtiv> (дата обращения 10.05.2015).
5. Аносова Л.А. Яскина Г.С. Аграрная реформа Эстонии // Вестник Российской академии наук. 1996. Т. 66, №7. С. 645—650.
6. Энциклопедия об Эстонии. URL: <http://www.estonica.org/ru/> (дата обращения: 15.09.2015).
7. Министерство окружающей среды Эстонской республики : [официальный сайт]. URL: <http://www.envir.ee/> (дата обращения: 15.09.2015).

8. *Теория* и методы управления земельными ресурсами в условиях многообразия форм собственности на землю : монография. М., 2006.
9. *Богданов В.Л., Гарманов В.В., Засядь-Волк В.В., Осипов Г.К.* Управление земельными ресурсами : учеб. пособие. СПб., 2010.
10. *Продовольственная* и сельскохозяйственная организация Объединенных наций : [официальный сайт]. URL: <http://www.fao.org/> (дата обращения: 15.09.2015).
11. *Категории* земель и порядок их использования : постановление Правительства Эстонской Республики от 23.10.2008 г. № 155. URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/13058153> (дата обращения: 10.05.2015).
12. *Vliet J. van, de Groot H. L. F., Rietveld P., Verburg P. H.* Manifestations and underlying drivers of agricultural land use change in Europe // *Landscape and Urban Planning*. 2015. Vol. 133. P. 24—36.
13. *Гарманов В.В., Баденко В.Л., Трушников В.Е.* Оценка арендной платы земли в проектах землеустройства // *Горный информационно-аналитический бюллетень* (научно-технический журнал). 2013. № 8.
14. *Методические* указания к изучению дисциплины Управление земельными ресурсами. Екатеринбург, 2012.
15. *О земельном* налоге : закон ЭР от 06.05.1993 (ред. от 12.03.2008). URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/13255586?leiaKehtiv> (дата обращения: 10.05.2015).
16. *Jurij Okunev.* Налоговые системы Прибалтийских стран — Латвия, Литва, Эстония. URL: <https://wealthoffshore.net/offshore-tax/tax-systems-of-baltic-countries> (дата обращения: 17.11.2015).

Об авторах

Владимир Леонидович Богданов, доктор биологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: Lab.naz.eco@gmail.com

Юрий Владимирович Рябов, кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский научно-исследовательский центр экологической безопасности РАН.

E-mail: riabovvv@gmail.com

Мария Керимовна Бурлакова, магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: Lab.naz.eco@gmail.com

Для цитирования:

Богданов В.Л., Рябов Ю.В., Бурлакова М.К. Земельная политика и механизм управления земельными ресурсами в Эстонской республике // *Балтийский регион*. Т. 9, № 1. С. 127—144. doi: 10.5922/2074-9848-2017-1-8.

LAND USE POLICY AND LAND MANAGEMENT IN ESTONIA

V. L. Bogdanov*

Yu. V. Ryabov**

M. K. Burlakova*

* Saint-Petersburg State University

7—9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

** Saint-Petersburg Scientific Research Centre for the Ecological Safety RAS,
18 Korpurnaya str., Saint Petersburg, 197110, Russia

Submitted on November 15, 2015

This article studies the effect of land reform on the development of current land policy and land management efficiency. The authors present a review of materials focusing on the new land policy, land management and land use system at a new stage of Estonian development. This policy has led to the adoption of a new reform aimed at the municipalisation, privatisation, and denationalisation of real estate.

The article describes mechanisms of the Romano-Germanic land management model, which has replaced the Soviet model in Estonia. It is shown that the model's introduction has contributed to the development of the Republic's land market and increased land use efficiency, in particular, in agriculture. There are positive trends towards land market development and an increase in production and investment in land use. Estonian land resources are a reliable strategic investment.

Key words: Estonia, land policy, land reform, land management mechanism, land use, land tax.

References

1. Lemmen, Chr., van Oosterom, P., Bennett, R. 2015, The Land Administration Domain Model, *Land Use Policy*, Vol. 49, December, p. 535—545. DOI: 10.1016/j.landusepol.2015.01.014.
2. Lambin, E. F., Meyfroidt, P. 2010, Land use transitions: Socio-ecological feedback versus socio-economic change, *Land Use Policy*, Vol. 27, no. 2, April, p. 108—118. DOI: 10.1016/j.landusepol.2009.09.003.
3. *The law of the Estonian Republic "On land reform"*, 1991, 17.10.1991, available at: http://estonia.news-city.info/docs/systems/dok_ierox/index.htm (accessed 10.05.2015).
4. *The law of the Republic of Estonia "About property right"*, 1993, 9.06.1993, available at: <https://www.riigiteataja.ee/akt/13322575?leiaKehtiv> (accessed 10.05.2015).
5. Anosova, L. A., Yaskina, G. S. 1996, Estonian agrarian reform, *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk. Seriya geograficheskaya* [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Geographical series], Vol. 66, no. 7, p. 645—650. (In Russ.)
6. *Encyclopedia about Estonia*, 2015, available at: <http://www.estonica.org/en/> (accessed 15.09.2015).
7. *The official website of the Ministry of Environment of the Republic of Estonia*, 2015, available at: <http://www.envir.ee/> (accessed 15.09.2015).
8. Varlamov, A. A. (ed.) 2006, *Teoriya i metody upravleniya zemel'nymi resursami v usloviyakh mnogoobraziya form sobstvennosti na zemlyu* [Theory and methods of land resources management in conditions of the variety of forms of land ownership], Moscow. (In Russ)

9. Bogdanov, V. L., Garmanov, V. V., Zasyad'-Volk, V. V., Osipov, G. K. (eds.) 2010, *Upravlenie zemel'nymi resursami* [Land resources management], St. Petersburg. (In Russ.)
10. *The official website of the Food and Agriculture Organization of the United Nations*, 2015, available at: <http://www.fao.org/> (accessed 15.09.2015).
11. "Categories of land and the use thereof", 2008, The decree of the Government of the Republic of Estonia №155, 23.10.2008, available at: <https://www.riigiteataja.ee/akt/13058153> (accessed 10.05.2015).
12. van Vliet, J., de Groot, H. L. F., Rietveld, P., Verburg, P. H. 2015, Manifestations and underlying drivers of agricultural land use change in Europe, *Landscape and Urban Planning*, Vol. 133, p. 24—36. DOI: 10.1016/j.landurbplan.2014.09.001.
13. Garmanov, V. V., Badenko, V. L., Trutnikov, V. E. 2013, Assessment of the rent of land in the land development projects, *Gornyi informatsionno-analiticheskiy byulleten' (nauchno-tehnicheskii zhurnal)* [Mining information and analytical Bulletin (scientific and technical journal)], no. 8, p. 225—231. (In Russ.)
14. Mezenina, O. B., Lantanova, A. V., Rasskazova, A. A. 2012, *Upravlenie zemel'nymi resursami* [Land Management], Guidelines for the study of the discipline, Ekaterinburg. (In Russ.)
15. *Law of the Republic of Estonia on 06.05.1993 (ed. By 12.03. 2008) "On Land Tax"*, 2008, available at: <https://www.riigiteataja.ee/akt/13255586?leiaKehtiv> (accessed 10.05.2015).
16. Okunev, Ju. 2015, *The tax system of the Baltic States — Latvia, Lithuania, Estonia*, available at: <https://wealthoffshore.net/offshore-tax/tax-systems-of-baltic-countries> (accessed 17.11.2015). (In Russ.)

The authors

Prof. Vladimir L. Bogdanov, Saint-Petersburg State University, Russia.
E-mail: Lab.naz.eco@gmail.com

Dr Yury V. Ryabov, Senior Research Fellow, Saint-Petersburg Research Centre for the Ecological Safety, Russian Academy of Sciences, Russia.
E-mail: riabovvv@gmail.com

Maria K. Burlakova, Master students, Institute of Earth Sciences, Saint-Petersburg State University, Russia.
E-mail: Lab.naz.eco@gmail.com

To cite this article:

Bogdanov, V. L., Ryabov, Yu. V., Burlakova, M. K. 2017, Land Use Policy and Land Management in Estonia, *Balt. reg.*, Vol. 9, no. 1, p. 127—144. doi: 10.5922/2074-9848-2017-1-8.

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН»

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в каком-либо издании без согласия редакции.

4. Все присланные в редакцию работы проходят *внутреннее* и *внешнее рецензирование*, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

5. Плата за публикацию рукописей не взимается.

6. Статья направляется в редакцию журнала выпускающему редактору Татьяне Юрьевне Кузнецовой по e-mail: tikuznetsova@kantiana.ru или tikuznetsova@gmail.com

7. С января 2013 г. статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн. Для этого авторам нужно зарегистрироваться на портале «Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта» http://journals.kantiana.ru/submit_an_article/ и следовать подсказкам в разделе «Подать статью онлайн».

8. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

1) индекс УДК — должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

2) название статьи на русском и английском языках (*до 12 слов*);

3) аннотацию на русском и английском языках (*приблизительно 1500 знаков*), оформленную в соответствии с международными стандартами и включающую:

- вступительное слово о теме исследования;
- цель научного исследования;

- описание научной и практической значимости работы;
- описание методологии исследования;
- основные результаты, выводы исследовательской работы;
- ценность проведенного исследования (какой вклад данная работа внесла в соответствующую область знаний);
- практическое значение итогов работы.

В аннотации не должен повторяться текст самой статьи (нельзя брать предложения из статьи и переносить их в аннотацию), а также ее название. В ней не должно быть цифр, таблиц, внутритекстовых сносок и т. д.;

4) ключевые слова на русском и английском языках (*4—8 слов*);

5) список литературы (*не более 25 источников*);

6) пристрайные библиографические списки оформляются на русском языке (в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008) и *на латинице* (Harvard System of Referencing Guide);

7) сведения об авторах на русском и английском языках (Ф. И. О. полностью, ученые степени, звания, должность, место работы (организация, город, страна), почтовый адрес, e-mail);

8) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте «Единая редакция научных журналов БФУ им. И. Канта» <http://journals.kantiana.ru/authors/imk/> (информационно-методический комплекс «Как написать научную статью»).

Научное издание

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН
2017
Том 9
№ 1

Редактор *В. Г. Арутюнян*
Корректор *И. А. Смирнов*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Подписано в печать 14.02.2017 г.
Формат 70×108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 13,0
Тираж 1000 экз. (1-й завод 58 экз.). Заказ 35

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6

